

ISSN 1562- 2495 (print)
ISSN 1684-1581 (online)

Социологический журнал

2024

Том 30

2

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL; SOCIOLOGICAL JOURNAL

2024 Том 30 № 2

Основан в 1994 году Г.С. Батыгиным

Выходит четыре раза в год

Москва

Журнал издается при поддержке

Научно-исследовательского центра «Демоскоп»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

П.М. Козырева
главный редактор,
доктор социологических наук

Институт социологии ФНИСЦ РАН;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Л.А. Козлова
зам. главного редактора,
кандидат философских наук, доцент

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Донна Бари, доктор философии, профессор,
Университет штата Пенсильвания, США

Т.Ю. Богомолова, кандидат социол. наук, Новосибирский государственный университет, ЭОПП СО РАН, Россия

Франк Вельц, профессор, Университет Инсбрука, Австрия

М.К. Горшков, доктор филос. наук, академик РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Б.З. Докторов, доктор филос. наук, профессор, независимый исследователь, США

Томаш Зарицкий, профессор, Институт социальных наук, Университет Варшавы, Польша

Д.Л. Константиновский, доктор социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия

Томаш Костелецкий, профессор, директор Института социологии Академии наук Чешской Республики, Чехия

А.Ю. Мягков, доктор социол. наук, профессор, Ивановский государственный энергетический университет, Россия

О.А. Оберемко, кандидат социол. наук, доцент, НИУ «Высшая школа экономики», Россия

А.А. Ослон, кандидат техн. наук, Фонд «Общественное мнение» (ФОМ), Россия

Эдвард Свидерски, почетный профессор, Университет Фрибурга, Швейцария

В.В. Федоров, кандидат полит. наук, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Россия

Б.М. Фирсов, доктор филос. наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

М.Ф. Черныш, доктор социол. наук, член-корр. РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Россия

С.В. Чесноков, кандидат техн. наук, независимый исследователь, Израиль

EDITORIAL BOARD

P.M. Kozyreva
Editor in Chief,
Doctor of Sociological Sciences

Institute of Sociology of FCTAS RAS;
NRU "Higher School of Economics",
Russian Federation

L.A. Kozlova
Deputy Editor in Chief,
Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Russian Federation

Donna Bahry, Doctor of Philosophy, Professor, Pennsylvania State University,
USA

Tatiana Yu. Bogomolova, Candidate of Sociological Sciences, Novosibirsk State
University; Institute of Economics and Industrial Engineering of
the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation

Frank Welz, Professor, University of Innsbruck, Austria

Mikhail K. Gorshkov, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences;
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian Federation

Boris Z. Doctorov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent
Researcher, USA

Tomasz Zarycki, Director & Professor, Institute for Social Studies (ISS),
University of Warsaw (UW), Poland

David L. Konstantinovskiy, Doctor of Sociological Sciences, Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Tomáš Kostecký, RNDr., Professor, Director, Institute of Sociology, Czech
Academy of Sciences, Czech Republic

Alexander Yu. Miagkov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ivanovo State
Power Engineering University, Russian Federation

Oleg A. Oberemko, Candidate of Sociological Sciences, National Research
University Higher School of Economics, Russian Federation

Alexander A. Oslon, Candidate of Engineering Sciences, Foundation "Public
Opinion" (FOM), Russian Federation

Edward M. Swiderski, Professor em., Dr., University of Fribourg, Switzerland

Valery V. Fedorov, Candidate of Political Sciences, All-Russian Public Opinion
Research Center (VCIOM), Russian Federation

Boris M. Firsov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, European
University in St Petersburg, Russian Federation

Mikhail F. Chernysh, Corresponding Member of RAS, Doctor of Sociological
Sciences, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of
the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Sergey V. Chesnokov, Candidate of Chemical Sciences, Independent Researcher,
Israel

К сведению авторов и читателей

«Социологический журнал» публикует статьи по теории, методологии и истории социологии, учебно-методические материалы для преподавателей социологии, результаты эмпирических исследований и экспериментов, библиографические обзоры и рецензии, а также информацию о научных конференциях в России и за рубежом.

Передавая в редакцию рукопись, автор обязуется не публиковать ее ни полностью, ни частично ни в каком ином издании без согласия редакции.

Плата за публикации с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Редакция принимает материалы объемом до 40 тыс. знаков (1,0 п. л.) в электронной версии формата Word for Windows. Комплект статьи включает следующие сведения на русском и английском языках: заглавие статьи, аннотация (200–250 слов) и ключевые слова; справка об авторе (авторах), в которой указываются фамилия, имя и отчество, точное официальное наименование места работы, ученая степень, ученое звание, служебный адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты. Автор обязан указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры поясняются.

Присланные в редакцию материалы в обязательном порядке рецензируются внешними экспертами. Иницилируемые автором рекомендации и отзывы принимаются к сведению.

Решения редколлегии по итогам рецензирования могут быть следующими: 1) принять материал к публикации; 2) принять с доработкой (конкретные замечания по доработке доводятся до сведения авторов); 3) отклонить рукопись (автору по электронной почте направляется мотивированный отказ).

Ссылки на источники оформляются в виде затекстового библиографического списка ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES и нумеруются в алфавитном порядке; первыми указываются русскоязычные источники. В самом тексте указываются номера источников в квадратных скобках: [21, с. 37]. Библиографические описания изданий оформляются в соответствии с государственным стандартом.

Примеры библиографического описания (подробнее см. на сайте СЖ):

[Статьи в книгах/журналах]

1. *Николаев В.Г.* «Золотой век» Чикагской социологии // Чикагская школа социологии: сборник переводов / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 5–17. Nikolaev V.G. “Golden Age” of Chicago Sociology. *Chikagskaya shkola sotsiologii: Sbornik perevodov*. [Chicago School of Sociology: Collection of Translations.] Comp. and transl. by V.G. Nikolaev. Moscow: ISSS publ., 2015. P. 5–17 (In Russ.)
2. *Андреев А.Л., Андреев И.А., Слободенюк Е.Д.* Представления россиян о будущем России // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7
Andreyev A.L., Andreev I.A., Slobodenyuk E.D. Russians’ Ideas about the Future of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2022. No. 10. P. 49–61. DOI 10.31857/S013216250020368-7 (In Russ.)

[Книги]

3. *Стребков Д.О., Шевчук А.В.* Что мы знаем о фрилансерах? Социология свободной занятости. М.: Изд. дом ВШЭ, 2022. — 528 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1
Strebkov D.O., Shevchuk A.V. *Chto my znaem o frilanserakh? Sotsiologiya svobodnoi zanyatosti*. [What do we know about freelancers? Sociology of free employment.] Moscow: Izd. dom VShE publ., 2022. 528 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2722-1 (In Russ.)

[Иноязычные источники]

4. Bröckling U. *The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject*. L.: SAGE Publications Ltd, 2016. 256 p. DOI: 10.4135/9781473921283
5. Vallas S., Schor J.B. What Do Platforms Do? Understanding the Gig Economy. *Annual Review of Sociology* 2020. Vol. 46. No. 1. P. 273–294. DOI: 10.1146/annurev-soc-121919-054857

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Адрес интернет-магазина «Пресса по подписке» — <http://www.akc.ru/>

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 419.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Факс:** +7 (495) 719-07-40.

Электронная почта: LarissaKozlova@yandex.ru

© Редакция «Социологического журнала», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024. ТОМ 30. № 2

DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.2

EDN: XNSFNE

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

З.В. Котельникова

- 8—32 Эволюция подходов к концептуализации
потребления в западной социологии

Е.Г. Ним

- 33—52 Неуловимый фэндом:
проблемное поле зарубежных фан-исследований

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.А. Миронова

- 53—81 Родственная помощь как фактор
субъективного благополучия пожилых людей

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

А.А. Терников, Д.А. Шевелева

- 82—101 Спрос и предложение на рынке труда:
поиск источников конфликта

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

Н.А. Колодий, В.С. Иванова

- 102—123 Сборка города в современных дискурсивных
практиках

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

А.Н. Малинкин

- 124—138 Социология и метафизика техники Н.А. Бердяева.
К 150-летию русского мыслителя

ЭССЕ

А.Ю. Согомонов

- 139–162 «Игры» Просвещения: о вкладе исторических штудий в социологическую теорию раннего Модерна в России

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

К 90-летию Я.И. Гилинского

Я.И. Гилинский

- 163–182 На пороге 90-летия.
Невосторженные воспоминания. Яков Гилинский
отвечает на вопросы Бориса Докторова /
Интервью подготовил *Б.З. Докторов*

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

Б.Д. Литвинцев

- 183–191 Жилищной социологии быть. Обсуждение книги
под редакцией В.Ж. McCabe, Е. Rosen “The Sociology
of Housing: How Homes Shape our Social Lives”

CONTENTS

**SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL =
SOCIOLOGICAL JOURNAL**
2024. VOL. 30. No. 2
DOI: 10.19181/SOCJOUR.2024.30.2

THEORY AND METHODOLOGY

Kotelnikova, Z.V.

- 8—32 The Evolution of Sociological Approaches Towards
Conceptualizing Consumption in Western Sociology

Nim, E.G.

- 33—52 The Elusive Fandom:
The Problem Field of Foreign Fan Studies

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

Mironova, A.A.

- 53—81 Family Assistance as a Factor
in the Subjective Well-Being of the Elderly

SOCIOLOGY OF LABOR

Ternikov, A.A., Sheveleva, D.A.

- 82—101 The Search for Sources of Conflicts:
Supply and Demand in the Labor Market

URBAN SOCIOLOGY

Kolodii, N.A., Ivanova, V.S.

- 102—123 Assembling Cities in Contemporary Discursive Practices

HISTORY OF SOCIOLOGY

Malinkin, A.N.

- 124—138 Sociology and Metaphysics of Technique
by N.A. Berdyaev. To commemorate
the 150th Anniversary of the Russian Thinker

ESSAY

Sogomonov, A. Yu.

- 139–162 “Games” of Enlightenment: The Contribution
of Historical Studies to Sociological Theory
of early Russian Modernity

SOCIOLOGISTS ABOUT SOCIOLOGISTS

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF YA.I. GILINSKY

Gilinsky, Ya.I.

- 163–182 Nearing his 90th Anniversary.
Not so Cheerful Memories. Yakov Gilinsky Answers
Boris Doktorov’s Questions.
Interview prepared by *B.Z. Doktorov*

REVIEWS, SUMMARIES

Litvintsev, D.B.

- 183–191 Housing Sociology will become a Thing.
Discussing the Book Edited by B.J. McCabe, E. Rosen
Titled “The Sociology of Housing:
How Homes Shape our Social Lives”

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.1

EDN: AZGKAJ

З.В. КОТЕЛЬНИКОВА¹

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ЭВОЛЮЦИЯ ПОДХОДОВ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ¹

Аннотация. Во второй половине XX в. в западной социологии последовательно появилось множество разных направлений, занимающихся исследованиями потребления, включая культурный поворот, материальный поворот, практический поворот, поворот к устойчивому развитию и цифровой поворот. Перечисленные повороты обозначают тренды в развитии социологии, которые меняются с нарастающей скоростью и отчасти накладываются друг на друга. С одной стороны, в этих направлениях прослеживается преемственность идей о потреблении, заложенных классиками экономической теории и социологии, а с другой — наблюдаются постоянные попытки критического осмысления базовых понятий и наполнения их новым содержанием.

Цель статьи: раскрыть концепт *потребления* посредством обзора исторического развития подходов к его исследованию в западной социологии XX–XXI вв. Для этого сначала рассматриваются интегральные определения потребления, представленные в работах современных социологов (В.В. Радаев, Э.М. Макдоннелл, А. Вард). Далее излагаются базовые взгляды на потребление классиков социологии (К. Маркс, Т. Веблен, М. Вебер, Г. Зиммель, Франкфуртская школа, П. Бурдьё). И наконец, обозреваются социологические представления о потреблении, появившиеся во второй половине XX в.

¹ Работа выполнена в Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ в рамках проекта «Экономическое поведение домашних хозяйств» при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор признателен В.В. Радаеву за внимательное чтение данного текста и многочисленные комментарии, которые помогли его доработать. Автор выражает отдельную благодарность Я.И. Кузьминову, Л.Н. Овчаровой, О.В. Синявской, А.И. Пишняк, А.А. Курышевой, М.А. Шабановой, всем участникам семинара серии «Социология рынков», а также анонимным рецензентам «Социологического журнала» за критические замечания.

Обзор ключевых подходов к потреблению демонстрирует, как понятие последовательно обростало новыми значениями и контекстами, приобретало внутреннюю самостоятельную логику и превращалось в многомерный концепт в социологии. Представляемый обзор охватывает широкую временную перспективу и опирается на ключевые работы разных этапов, не претендуя на полноту их описания. В данной статье также не рассматривается отечественная традиция исследований, заслуживающая специального изучения.

Ключевые слова: потребление; домашнее хозяйство; социологические подходы к потреблению; культурные исследования потребления; исследования материальности; теория практик; устойчивое потребление; цифровое потребление.

Для цитирования: Котельникова З.В. Эволюция подходов к концептуализации потребления в западной социологии // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 8–32. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.1 EDN: AZGKAJ

Введение

В XXI в. произошел очередной всплеск внимания социологов к потреблению из-за необходимости переосмысления его роли в современных обществах в контексте новых глобальных вызовов, включая расширение «мирового класса потребителей», череду экономических шоков, обострение геополитической напряженности, ускорение цифровизации, усиление экономического неравенства. В академической литературе появились призывы к теоретической ревизии основных концепций потребления, поскольку господствующие в XX в. представления о нем, как минимум, должны были быть дополнены с учетом современных реалий [29; 59].

Потребление относится к числу сложных концептов, которые исследователи часто склонны использовать по умолчанию, то есть без углубления в их содержание. В социологии такие концепты получили название «черных ящиков»: для них характерна содержательная неопределенность, вызванная в том числе присущей им понятийной многозначностью. Последняя возникает в результате сосуществования множества разных подходов к пониманию феномена, каждый из которых продвигает собственную более или менее законченную логику, претендующую на приоритетность и самостоятельность.

Во второй половине XX в. в западной социологии потребления возникли разные направления, в том числе культурный поворот (конец 1970-х – начало 1990-х гг.), материальный поворот (1980-е – 1990-е гг.), практический поворот (1990-е – 2000-е гг.), поворот к устойчивому развитию (1990-е – 2000-е гг.) и цифровой поворот (2000-е – н/в). Перечисленные повороты обозначают тренды в истории социологической мысли, которые меняются с нарастающей скоростью и отчасти пересекаются во времени друг с другом. С одной стороны, в этих направлениях прослеживается преемственность идей о потреблении, заложенных классиками экономической теории и социологии, а с дру-

гой — наблюдаются постоянные попытки критического осмысления базовых понятий и наполнения их новым содержанием. Все эти современные направления также конкурируют между собой: каждое из них пытается выдвинуть на передний план свои аспекты потребления, при этом отодвигая прочие его измерения на периферию.

Мы разделяем позицию, согласно которой преодолеть методологическую неопределенность многозначных понятий, скорее, невозможно; более продуктивным оказывается содержательное соотнесение значений, выработанных разными методологическими подходами. Данная статья нацелена на раскрытие концепта *потребления* посредством прослеживания эволюции идей и подходов к пониманию потребления в западной социологии XX–XXI вв.

Для этого сначала рассматриваются интегральные определения потребления, представленные в работах современных социологов (В.В. Радаев, Э.М. Макдоннелл, А. Вард). Далее излагаются базовые взгляды на потребление классиков социологии (К. Маркс, Г. Зиммель, Т. Веблен, М. Вебер, Франкфуртская школа, П. Бурдьё). И наконец, обзореваются социологические представления о потреблении, появившиеся во второй половине XX в. Последние привнесли принципиально важные изменения в концептуализацию потребления, среди которых стоит отметить: уход от негативистского восприятия потребления, преодоление разобщенности потребления и производства, а также отказ от детерминистского взгляда на поведение потребителей.

Обзор ключевых подходов к потреблению демонстрирует, как понятие последовательно обрастало новыми значениями и контекстами, превращаясь во все более многомерный концепт в социологии. Данная статья охватывает широкую временную перспективу и опирается на ключевые работы разных этапов, не претендуя на детальность их описания и полноту охвата огромного корпуса литературы. В статье также не рассматривается отечественная традиция исследований, заслуживающая специального изучения.

Что понимается под потреблением в социологии

В XII в. производное слово от латинского *consumere* начали использовать во французском языке (*consommer*), откуда оно перекочевало в английский язык (*to consume*), а затем вошло в оборот других европейских языков [53; 32, р. 491]. Исходно *consumere* означало расходовать и истощать физическую материю [32, р. 491–492; 53; 6, с. 2].

По мнению британского социолога Алана Варда, в социально-экономических науках сегодня можно выделить как минимум два подхода к определению потребления [59; 60].

В *первой трактовке* потребление приравнивается к приобретению благ посредством рыночного обмена, а потребитель — к покупателю. Вард подчеркивает, что такая трактовка распространена преимущественно среди экономистов и психологов. Здесь внимание исследователей сосредоточено на рыночном обмене и процессах коммодификации. Индивид,

который примеряет на себя роль потребителя, одновременно служит источником спроса и выгодополучателем в рыночном обмене [59].

Во второй трактовке потребление приравнивается к использованию благ в повседневной деятельности людей. Наиболее популярным такой подход оказывается в интерпретативных социальных науках, где потребление превращается в пользователя, а потребление воспринимается как коллективный феномен, тесно связанный с понятиями культуры, материальности и практик [59].

В социологии потребления ожидаемо доминирует второй из указанных подходов. Далее представим три авторских определения потребления — В.В. Радаева, Э.М. Макдоннелл и А. Варда², которые мы выбрали по двум причинам: во-первых, каждое из этих определений представляет особый взгляд на данный феномен; а во-вторых, в работах цитируемых авторов предлагается методологический разбор потребления как социологического понятия. В совокупности эти три трактовки потребления позволяют уловить содержание сложного термина и продемонстрировать палитру смыслов, привносимых в него современными социологами.

В.В. Радаев под потреблением понимает «использование полезных свойств того или иного блага, сопряженное с удовлетворением личных потребностей человека и расходом (уничтожением) стоимости данного блага» [6, с. 2–4]. В своем определении автор подчеркивает, что потребление приобретает смысл лишь тогда, когда речь идет об ограниченных экономических благах и когда предполагается безвозвратное расходование стоимости, что позволяет отличить потребление от производства, распределения и обмена.

В свою очередь, Э.М. Макдоннелл трактует потребление как процесс выбора, приобретения и использования товаров, услуг или опыта с целью получения неденежных выгод от владения ими или их расходования [38, р. 323]. При этом автор подмечает, что не всякий покупатель является потребителем, как и не всякое использование можно назвать потреблением. Демаркационным критерием служит получение потребителями неденежных выгод от владения благом или его расходования в сфере конечного потребления.

И наконец, А. Вард определяет потребление как процесс, посредством которого агенты участвуют в присвоении (*appropriation*) товаров, услуг, зрелищ (*performance*), информации или атмосферы (*ambience*), являющихся продуктом человеческого труда [58, р. 66]. В данном случае потребление рассматривается через призму протяженной во времени деятельности с целью противопоставления его покупке как одномоментному акту. Центральным элементом в этом определении выступает понятие «присвоение», под которым в самом общем виде понимается *использование блага в личных целях*. Тем самым Вард подчеркивает эго-

² В данной статье очередность рассмотрения авторских трактовок потребления объясняется годом их публикации.

истическую ориентацию потребления, поскольку именно ориентация на себя позволяет разграничить потребление и смежные практики (например, дарение и обеспечение домохозяйства). В дополнение указывается, что потребление предполагает необходимость некоторых усилий со стороны субъекта для приобретения блага, а присвоение этого блага в той или иной степени сопряжено с трансформацией качеств самого субъекта. Присвоение означает, что субъект преобразует, интерпретирует и сингуляризирует благо, тем самым устанавливая избирательный контроль над ним. Поскольку сфера обеспечения жизнедеятельности все больше коммерциализируется, объектами потребления, по мнению Варда, сегодня может выступать все что угодно. При этом потребление существует только в тех случаях, когда личное использование блага в той или иной степени сопряжено с его истощением. Несомненно, сложности возникают в случае потребления нематериальных благ, тем не менее, согласно Варду, последние тоже могут присваиваться благодаря определенным стараниям сферы услуг. Вард подчеркивает необходимость помнить о неизбежной связи потребления с производством и обеспечением, которая сама по себе сложна. Один из способов ее прояснить — принять утверждение, что только те блага, которые являются продуктом человеческого труда или хотя бы опосредуются трудом, служат объектами потребления. О потреблении говорится тогда и только тогда, когда созидательная деятельность человека, предполагающая труд с целью удовлетворения потребностей и желаний, приводит к целенаправленному обеспечению его жизнедеятельности. При этом формы труда и способы обеспечения могут быть очень разными; они не сводятся к оплачиваемому труду и рыночному обмену как единственно возможному способу распределения благ [58, р. 66–73].

Приведенные выше авторские трактовки потребления имеют много сходств и различий. Во всех указанных определениях авторы разделяют идею, что потребление в первую очередь ассоциируется с расходованием. Отметим также, что в современном социологическом понимании доминирует взгляд на потребление через призму этапов присвоения блага, включающих выбор, покупку, применение, ремонт и утилизацию. Однако в представленных толкованиях авторы по-разному понимают «экономическое»: от дефицита ограниченных благ до идеи жизнеобеспечения людей. В определениях В. Радаева и А. Варда потребление подчеркнуто является индивидуальной деятельностью, в то время как Э. Макдоннелл не исключает его коллективного характера. И наконец, Э. Макдоннелл не только определяет потребление через расходования стоимости, но и добавляет владение, в результате чего это определение охватывает класс ситуаций, при которых стоимость блага может оставаться неизменной или прирастать (как в случае антиквариата).

Политэкономия и классическая социология о потреблении

Именно в политэкономии произошло аналитическое разделение производства и потребления, в результате чего они стали мыс-

литься как две самостоятельные сферы [32, р. 492]. Однако классиков политэкономии потребление само по себе не интересовало. Потребление было значимо лишь в привязке к производству и труду [52, р. 251; 68, р. 332–333; 70, р. 174].

Более того, с подачи К. Маркса [37] на протяжении многих десятилетий доминировало негативистское отношение к потреблению — как деятельности, неоднозначной с точки зрения морали. Маркс предложил концепцию «товарного фетишизма» [36], где отношение к товарам замещает отношения между людьми. Более того, люди не осознают, что, приобретая товары, они поддерживают товарное производство, которое зиждется на отчуждении человека от процесса и результатов труда [52, р. 251].

Классики социологии первоначально также отводили потреблению периферийную роль. Например, для Э. Дюркгейма, как и для Маркса, был характерен взгляд на потребление через призму понятий эксплуатации, отчуждения и аномии [38, р. 314; 52, р. 251; 70, р. 174].

Значительно большее внимание потреблению уделял Г. Зиммель, видя в нем, помимо прочего, возможности для усиления власти людей (*empowered*) [38, р. 314; 70, р. 174], что впоследствии стало доминантной темой в исследованиях связи потребления и социального неравенства. Одной из главных работ Зиммеля в этом направлении считается эссе о моде [50], где последняя рассматривается в качестве продукта классовых различий [52, р. 251]. Модные тренды возникают в высших слоях общества, а потом постепенно опускаются все ниже и ниже, пока наконец не растворяются вовсе. Затем такой процесс повторяется вновь [52, р. 251–252].

Размышления М. Вебера о потреблении являются отправным пунктом для исследователей, акцентирующих внимание на гедонистических аспектах потребления [62; 70, р. 174]. Особенно важны рассуждения классика о «статусных группах» [64], под которыми понимаются группы индивидов, претендующие на особое уважение в обществе из-за своего образа жизни, наследственности и рода занятий [38, р. 314; 70, р. 174], а также характеризующиеся многообразными моделями потребления [52, р. 251].

По мнению Макдоннелл, одним из ключевых понятий для потребления, которые развивал Вебер [38], являются *budgetary units* — коллективы с общим бюджетом (например, домохозяйства, коммуны, религиозные сообщества и проч.), они противопоставлены капиталистической фирме. Будучи исходно ориентированными на потребление, эти экономические организации руководствуются неденежной социальной логикой; для них характерны общие коллективные цели, множественная рациональность и совместно используемые блага. Согласно Веберу, потребление конституируется структурированными социальными коллективами [38, р. 316–318].

Теория демонстративного потребления Т. Веблена

Взгляды Т. Веблена на потребление представлены в его знаменитой книге «Теория праздного класса» [2]. Критикуя основные постула-

ты неоклассической экономической теории, в частности о максимизации полезности и экзогенности предпочтений, Веблен предлагает эволюционную теорию, согласно которой предпочтения людей социально детерминированы и определяются их положением в социальной иерархии [2; 6, с. 9–10; 54].

В обществах, где производится прибавочная стоимость, отношения между социальным статусом и частной собственностью меняются [2]. Социальная иерархия формируется исходя из критерия наличия или отсутствия частных владений. Собственников, которые присваивают результаты наемного труда, Веблен именует праздным классом. Его отличительной особенностью выступает подчеркнутое дистанцирование от производительного труда [6, с. 9].

Частная собственность сопряжена не только с присвоением материальных благ, но и с обретением статуса и уважения в обществе. Механизмом трансформации материального богатства в статус служит социальная демонстрация богатства членами праздного класса, ибо социальный статус того или иного индивида выступает производным от оценочных суждений окружающих людей относительно его позиции в обществе [54]. Веблен выделяет два механизма демонстрации богатства:

1) разнообразная досуговая деятельность (демонстративная праздность);

2) чрезмерные расходы на продукты и услуги (демонстративное потребление).

Для обоих механизмов характерно явное и намеренное расточительство: в первом случае расточительство времени и усилий, а во втором — расточительство материальных благ. В более мобильных открытых обществах, где информация о досуге каждого плохо считывается, демонстративное потребление благ выходит на первый план [54; 6, с. 9–10].

Веблен считал, что демонстративное потребление, когда люди приобретают товары и услуги с целью показать другим членам общества свое богатство, свойственно представителям не только праздного класса, но и других социальных классов. Представители каждого социального класса стараются копировать практики потребления представителей класса, который находится на ступень выше [2].

Праздный класс определяет, какой образ жизни будет приниматься обществом в качестве престижного. В свою очередь, соблюдение этих норм почтенности является долгом всех, кто оказывается на более низких ступенях социальной лестницы. В случае отсутствия стремления к перениманию установленных сверху норм последние рискуют потерять уважение в обществе.

Веблен склонен осуждать расточительство в потреблении, поскольку оно удовлетворяет не действительные потребности людей, а мнимые и придуманные для демонстрации расточительства и безделья [2, с. 36–41; 85].

Критические исследования потребления

В XX в. в социологической дискуссии о потреблении преобладало относительно негативистское отношение к этой деятельности, хотя повсеместно приветствовалось повышение уровня жизни широких слоев населения [47].

Среди ранних критиков потребления были представители Франкфуртской школы: Т. Адорно, М. Хоркхаймер [10; 33], В. Бенямин [16], Э. Фромм [9] и Г. Маркузе [5]. Франкфуртская школа продолжает развивать идеи, заложенные Марксом, о том, что производство базируется на эксплуатации, а потребление выступает производной от производства [39; 51].

Франкфуртская школа развивала критическую теорию, согласно которой в обществах массового потребления именно культура, а не экономика служит источником социального контроля. Культурная индустрия и ее представители создают у потребителей мнимые потребности в рыночных товарах, которые, по сути, им не нужны, но все равно приобретаются. Слепое следование мнимым потребностям и желаниям лишает потребителей способности думать критично, а решения принимать самостоятельно [5; 39; 51].

Потребители ошибочно полагают, что свобода сводится к возможностям выбора в условиях изобилия товаров [51]. Выбор на самом деле детерминирован, а изобилие иллюзорно, поскольку неограниченное количество товаров производится лишь небольшим числом гигантских фирм. Утверждается, что общество массового потребления делает потребителей глупее, ленивее, политически менее активными и более расточительными [39].

Представители Франкфуртской школы были обеспокоены тем, что культурные индустрии порождают гомогенные общества, в которых доминирует популярная культура, лишаящая креативности производителей и воображения потребителей. Более того, демократизация способствовала превращению искусства в товар для массового потребления. Если в условиях капиталистического производства отчуждается труд, то в условиях массового потребления — сами потребители [39].

Впоследствии в социологии эта негативистская оценка массового потребления была пересмотрена и отодвинута на периферию с появлением в 1970-х гг. социокультурных подходов и программы эмпирических исследований, которые демонстрировали в том числе положительные черты обществ потребления [39; 58].

Теория потребления П. Бурдьё

Во второй половине XX в. П. Бурдьё, как и Т. Веблена в начале того же века, волновали вопросы социального статуса. Оба воспринимали статус как совокупность дефицитных ресурсов в иерархической системе, в которой индивиды конкурируют за обладание более высокими позициями [54]. Согласно Бурдьё, люди занимают различные позиции

в социальной структуре общества в соответствии со структурой и объемом располагаемых капиталов. Благодаря не только экономическому, но и культурному, а также социальному капиталу, люди могут улучшить свои позиции [68, p. 335; 70].

Индивиды, обладающие большим культурным капиталом, стараются сохранить свой высокий статус посредством производства отличий. Положение класса детерминируется внутренними и реляционными свойствами. Всякая позиция определяется не только присущими ей чертами, но и через все то, чем она не является, и особенно через то, чему она противопоставляется. Социальная идентичность формируется и утверждается в различии. В работах Бурдьё механизм производства отличий оказывается более действенным, чем механизм показного потребления [54].

Согласно Бурдьё, именно образование, потребление и досуг выступают сферами, в которых происходят воспроизводство и закрепление социального неравенства в обществе. В отличие от Веблена, для которого демонстративное потребление выступает актом осознанного поведения, Бурдьё при помощи понятия габитуса обосновывает идею, что практики социального неравенства во многом находятся в сфере неосознанного поведения, или так называемого практического знания, усвоенного в диспозициях и культурных кодах [54].

В самом общем виде габитус можно определить как предрасположенность индивидов вести себя определенным образом в соответствующих ситуациях. Разные условия существования порождают разные габитусы [1]. В свою очередь, габитус придает систематичность поведению людей через воспроизводимые практики [6, с. 12–13].

Вкус представляет собой склонность и способность данного класса к присвоению (материальному и символическому) [1]. Вкус отвечает за сочетаемость осуществляемых выборов. Он преобразует мир вещей и объектов в символический мир, состоящий из отличных и отличающих знаков. Вкус трансформирует потребности в стратегии, а ограничения — в предпочтения. Он делает из нужды добродетель, подталкивая к выбору, который соответствует сложившимся условиям существования [1; 6, с. 13; 8, с. 140–142].

Стиль жизни — это совокупность осуществляемых выборов, выраженных системой маркированных знаков (вулгарный, благородный и т. п.). Габитус посредством вкуса помогает переводить потребности и возможности класса в стиль жизни [1]. Поскольку объективные позиции индивидов определяются структурой разных видов и объемов капитала, стили жизни различаются не только в вертикальном измерении, но и в горизонтальной плоскости [54].

Важно, что вкус есть не только у тех, кто находится на вершине социальной иерархии (вкус к роскоши), но и у тех, кто располагает внизу социальной лестницы (вкус к необходимому — от нужды) [1; 6; 52, p. 255]. Если в теории Веблена низшие слои подражают высшим

слоям, то в теории Бурдьё низшие слои обладают противоположными вкусами по сравнению с теми, кто находится наверху [54]. Например, представители рабочего класса воспринимаются через призму устремлений ко всему необходимому и функциональному [1]. Более того, низшие слои оказываются в сильной степени резистентными к навязыванию образцов сверху [54].

Теория Бурдьё инкорпорировала в анализ средние слои, представители которых во многом заняты в культурных и сервисных индустриях. В отличие от рабочего класса, представители средних слоев ориентируются на образцы высших слоев и при этом противопоставляют себя рабочему классу. Однако высшему классу удается дистанцироваться от средних слоев, в некоторых случаях адаптируя элементы популярной культуры, а затем транслируя средним слоям менее утонченные образцы. Таким образом, в теории Бурдьё рассматриваются процессы просачивания модных образцов не только сверху вниз, но и снизу вверх [54].

Культурный поворот в социологии потребления (конец 1970-х — начало 1990-х гг.)

В конце 1970-х гг. в социальных науках произошел культурный поворот [12; 22; 30; 57; 58]. В числе предшествующих ему причин Вард называет ослабление неомарксизма, возрастающую критику экономизма, расширение неолиберальных рынков, увеличение количества исследований, вдохновленных лингвистикой и семиотикой [13], а также окончательный пересмотр представителями социальных наук (в том числе в рамках Франкфуртской школы, теории П. Бурдьё и др.) понятия культуры [58].

В рамках культурного поворота идея о повсеместности культуры стала исходным посылом [32; 58]: все больше акцентировалась ее интегральная роль в повседневной жизни людей, включающей смыслы, выражение личности и социальные идентичности, и все меньше было ассоциаций с «высокой культурой», носителями которой являются интеллектуалы и художники (табл. 1).

Для представителей культурного поворота характерно скептическое отношение к научной объективности, количественной методологии, позитивистской эпистемологии, прямолинейному экономизму и социологизму, а также к производству знаний на потребу влиятельных групп и организаций (в том числе через призму их взглядов) [58]. Представителей культурного поворота отличает интерес к проблемам смысла, идентичности, эстетического самовыражения и коммуникации [ibid.]. Развитие исследований культуры первоначально получило импульс в социологии, но затем первые оторвались от последней, укореняясь все больше в литературе и философии, трансформировались в рамках постмодернистских теорий.

Таблица 1

Сопоставление идей классической социологии и культурных исследований

Классическая социология	Культурные исследования
Высокая культура	Культура как часть повседневности
Экономические и структурные объяснения	Одни культурные явления в терминах других культурных явлений
Моральное осуждение потребления	Потребление как позитивное явление
Потребление как средство выживания	Потребление как смысл существования
Потребление как сфера контроля	Потребление как сфера индивидуальной свободы и выбора
Обманутый и пассивный потребитель	Потребитель как носитель «агентности»
Рациональные мотивы	Мотивы включают эмоции и желания
Выбор предопределен	Выбор осуществляется исходя из представлений о себе
Образ жизни определяется социальным положением	Стиль жизни как результат индивидуального выбора
Классовые различия	Гендерные и возрастные различия
Вертикальная стратификация	Горизонтальная дифференциация
Экономические и социальные классы	Более мелкие социальные образования

Источник: Составлено автором по: [58, p. 40–47].

Одной из примечательных черт культурного поворота выступает убедительная демонстрация относительной независимости культурного измерения. Иными словами, продвигалась идея о том, что одни культурные явления всегда следует объяснять в терминах других культурных явлений. При этом культурный поворот отрицал сугубо экономические объяснения и был склонен к отвержению структурализма [58].

Культурный поворот в исследованиях потребления известен тем, что в нем оспаривается ранее доминировавшее моральное осуждение потребительского поведения [32; 47]. Потребление здесь перестает быть эпифеноменом капиталистического производства, в центре которого находился если и не обманутый, то пассивный потребитель. Потребление превращается в центральный организующий принцип социального порядка и сферу индивидуальной свободы и выбора. Оно воспринимается как нечто привлекательное, увлекающее и целенаправленное, как символ личного процветания и социальной организации. Потребление больше не средство выживания, а сам смысл существования. Наряду с инструментальными мотивами поведения потребителя, признание получили нерациональные элементы, включая эмоции и желания [58]. В непривычном для классической социологии ключе актор воспринимался как носитель «агентности» (*empowered agency*), это означает, что все люди вовлечены в потребительскую

культуру, придерживаясь собственных предпочтений, проявляя индивидуальное сознание и заботу о себе. Представления людей о своих желаниях и потребностях встроены в более широкие рамки символических ценностей. Потребитель делает выбор индивидуально, исходя из того, кем он себя считает [58]. Образ жизни не является функцией социального положения, а выступает факультативным следствием продуманного потребительского выбора (табл. 1).

Социокультурные исследования потребления доминировали два десятилетия. С их подачи было реализовано множество эмпирических исследований поведения покупателей в различных сферах. Наряду с классовыми различиями продемонстрирована важность возрастных и гендерных различий в разных странах. При этом обращается внимание на то, что со временем все большее значение приобретает возраст. В отличие от классических теорий, в фокусе внимания исследователей культуры находились более мелкие социальные образования (например, дети, субкультуры, мигранты). Исследования субкультур показали, что горизонтальная дифференциация имеет не меньшее значение, чем вертикальная стратификация. Было пересмотрено отношение к последствиям потребления в эпоху материального изобилия [58].

Интерес представителей культурного поворота также был сосредоточен на культуре потребления и ее изменениях, которые анализировались в тесной связке с глобализацией, эстетизацией и индивидуализацией [7; 30; 58]. Наблюдаемые изменения на макроуровне, как правило, объяснялись с помощью исследований на микроуровне — о значимости потребления, его роли в формировании социальной идентичности, эстетическом выражении в повседневной жизни и об опыте потребителя в условиях изобилия товаров. Для оценки характера и масштабов изменений применялась институциональная теория. При этом процессы глобализации, или американизации, нередко критиковались из-за распространения гомогенной потребительской культуры [7; 58].

Впоследствии по мере утраты интереса к постмодернистским теориям и снижения авторитетности тезиса об индивидуализации теряют свои позиции и теории культуры [59].

Материальный поворот в социологии потребления (1980-е — 1990-е гг.)

Материальный поворот представляет собой совокупность разнородных теорий, которые объединяет общий антропологический бэкграунд³. Ключевым фокусом этих теорий выступает осмысление отношений между людьми и объектами (табл. 2). Здесь наблюдается тенденция

³ Среди них можно привести теорию материального потребления Д. Миллера [40; 41; 43], направление под названием «социальная жизнь вещей» [11; 34], экономику качеств [21; 24], социальное конструирование технологий [17], исследования науки и техники [4], материально-семиотический подход к потреблению Д. Эванса [27].

к отрицанию привычной модели активного потребляющего потребителя и пассивного потребляемого объекта [4; 19]. Вместо нее возникает идея образования из человеческих и нечеловеческих акторов гибридов — гетерогенных сетей, обладающих новыми свойствами и заточенных под выполнение конкретной задачи [4]. Мужчина и ружье, согласно Латуру, не просто субъект и объект, а новый гибрид «мужчина-с-ружьём» [19].

В рамках материального поворота на второй план отодвигаются символические и коммуникативные аспекты потребления, а на первом оказывается его материальная сторона; совершается обратный переход от ценности значения (*sign-value*) к ценности использования (*use-value*) (в терминологии Бодрийяра [14; 58, р. 53–54].

Таблица 2

Сопоставление идей культурных исследований и исследований материальности

Культурные исследования	Исследования материальности
Отношения между людьми	Отношения между людьми и объектами
Символические и коммуникативные аспекты потребления	Материальные аспекты потребления
Индивидуальный выбор	Коллективные аспекты выбора
Ценность значения (<i>sign-value</i>)	Ценность использования (<i>use-value</i>)
Люди дорожат вещами из-за склонности к накопительству и зараженности материализмом	Вещи пробуждают воспоминания, облегчают социальные отношения и обеспечивают комфортные условия существования
Блага являются пассивно потребляемыми объектами	Объекты наделяются способностью заставлять людей совершать поступки
Производство и потребление являются двумя независимыми сферами	Производство и потребление интегративно связаны

Источник: Составлено автором по: [58].

Важным достижением данного направления является возвращение к осмыслению интегративной связи производства и потребления при помощи пересмотра понятий «товар», «коммодификация» и «декоммодификация» [27].

Производственная сторона исследуется через призму того, как объекты материально и символически превращаются в товары. Ключевая идея состоит в том, что вещи обладают культурными биографиями в результате перемещения и обращения между разными режимами ценности [11; 27; 34]. Для изучения объектов в обращении предлагается методологический прием «следовать за вещами» [34]. В частности, такой взгляд позволяет понять, как в условиях глобализации разделенные производственные отношения воплощаются в форме

товара. Здесь проблематизируется роль людей, местности и отношений в создании рыночного блага.

Ориентация на социальную жизнь и культурную биографию вещей также лежит в основе многих исследований материального потребления, сфокусированных на том, как безличные объекты коммерческого обмена (товары) присваиваются и трансформируются в материальную культуру повседневной жизни, то есть декоммодифицируются [27; 41]. Социокультурные исследования потребления адаптировали антропологическое понятие «присвоение» (*appropriation*) (см., например: [11; 34; 40; 58]). В основе этого понятия идея о том, что люди «одомашнивают» предметы массового производства, наделяя их особыми личными смыслами и преобразуя в объекты, которыми можно наслаждаться в своих практических целях. Идея присвоения акцентирует внимание на использовании, которое предполагает инкорпорирование, адаптацию и расходование предметов. Потребление здесь рассматривается через призму практической деятельности в повседневной жизни людей [58].

Британский антрополог Д. Миллер убедительно показал, что ценность предметов не определяется исключительно их эстетическими и коммуникативными свойствами. Антропологическое понимание материальной культуры позволило Миллеру продемонстрировать роль вещей (*stuff*) в упорядочивании социальной жизни [41; 42]. В работах Миллера показывается, что именно люди делают с вещами. В основе потребительской деятельности заложены мотивы и смыслы, которые отличаются от тех, что приписываются суверенному и стремящемуся к самовыражению индивиду. Люди дорожат имуществом не потому, что склонны к накопительству или заражены материализмом, а потому, что вещи, которыми они обладают, пробуждают в них воспоминания, облегчают социальные отношения и обеспечивают комфортные условия существования.

«Практический поворот» в социологии потребления (1990-е – 2000-е гг.)

Теория практик представляет собой подход, в рамках которого предлагается одна из альтернативных попыток преодолеть ограничения методологического индивидуализма [27; 56; 58]. На стыке XX–XXI вв. понятие «практики» прочно вошло в научный оборот, ознаменовав новый поворот в социальных науках [3; 48].

Первоначальный импульс возникновению теории практик придало стремление представителей социальных наук разрешить одно из фундаментальных противоречий: противопоставление агентности и социальной структуры [56]. Затем в социальных науках приверженцы теории практик больше озаботились философией действия. В итоге они оставили в стороне культурные исследования и вдохновились социологией научного знания и направлением STS (*science and technology*

studies), переключились с концептуализации отдельных действий индивидов на изучение *performances* (исполнения).

В теории сосуществуют разные определения практики и социальных практик. В самом общем виде под практиками принято понимать рутинизированное поведение, которое включает несколько взаимосвязанных между собой элементов: формы телесной активности, формы умственной деятельности, «вещи» и их использование, фоновые знания в формате общего понимания (ноу-хау, эмоциональные состояния и мотивационные знания) [56–58].

Таблица 3

Отличия теории практик от моделей суверенного и экспрессивного индивида

Модели суверенного и экспрессивного индивида	Теория практик
Акты действия	Исполнение (<i>performances</i>)
Размышление (<i>thinking</i>)	Делание (<i>doing</i>)
Знание «что»	Знание «как»
Рациональное обоснование	Практические компетенции
Деятельность	Привычки и рутины
Дискурсивное сознание	Практическое сознание
Мысленное обдумывание	Практический смысл
Частные ментальные состояния	Коллективность (другие люди)
Мотивация	Общеразделяемые смыслы
Индивидуальность	Регулирование
Единичные действия	Поток
Решения	Предрасположенности
Мир символов	Материальный мир

Источник: [57, р. 286].

В теории практик акцент делается на рутине, а не на деятельности; на потоке и последовательности, а не на отдельных актах действия; на предрасположенностях, а не на решениях; на практическом сознании, а не на размышлении (табл. 3). В отличие от культурного поворота, в практикоориентированных теориях привычный ход действий превалирует над мыслительными процессами, материальное — над символическим, инкорпорированная в тело практическая компетентность — над самовыражением и презентацией себя [57].

С точки зрения тематических приоритетов практикоориентированные эмпирические исследования тесно связаны с вопросами загрязнения окружающей среды, изменения климата и устойчивого развития [20; 48; 65]. Вторая тема, активно продвигаемая в рамках тео-

рии практик, — питание [66], которое, с одной стороны, тесно связано с обыденностью, а с другой — социально и символически нагружено. Третья тема связана с досугом (*recreational pastimes*) и коллаборативными движениями потребителей [46].

Поворот к устойчивому потреблению (начало 2000-х гг. — н/в)

В конце XX в. возросла социальная озабоченность проблемами окружающей среды, а идея устойчивого развития прочно вошла в повестку международной политики [18; 25; 26; 28; 29; 67]. Сначала интерес ученых, занимающихся вопросами устойчивого развития, преимущественно был сосредоточен на производственной сфере. Получили распространение инструменты и подходы для изучения производства: технологические инновации, анализ жизненного цикла, экодизайн с акцентом на ответственность производителя и технорешениях проблем (*techno-fixes*) [45].

Впоследствии появились аргументы, свидетельствующие о том, что современные модели личного потребления и потребления домашних хозяйств также вносят существенный вклад в изменение климата, в частности в глобальное потепление. В конце 1990-х и начале 2000-х гг. ученые всерьез занялись социальным аспектом устойчивого потребления [45]. В последние два десятилетия в литературе регулярно отмечаются виды деятельности, которые считаются критичными с точки зрения устойчивого развития:

- потребление продуктов питания и связанные с ним отходы;
- пространственные передвижения (*mobility*) на транспорте, работающем на ископаемом топливе;
- содержание жилья (*housing*);
- использование энергопотребляющих предметов обихода (*energy-using products*);
- потребление воды в домашних хозяйствах;
- потребление одежды и текстиля [45].

В большом количестве исследований выделяются факторы, которые обуславливают тот или иной вклад индивидов и домохозяйств в устойчивое развитие (в том числе уровень дохода, тип жилья, размер домохозяйства и проч.) [45].

В рамках данного направления предполагается, что проблемы устойчивого развития возможно решить посредством изменения моделей индивидуального поведения людей. Потребитель здесь превращается в активного гражданина, который в состоянии взять большую личную ответственность за свой образ жизни и за свой потребительский выбор, а также способен рефлексировать относительно последствий своих действий. Ответственность за решения социетальных проблем перекладывается с государства на граждан [58].

На первоначальном этапе для исследований осознанного потребления был характерен сверхиндивидуализированный взгляд на заботу людей об окружающей среде [35]. Впоследствии благодаря социально укорененным подходам к экономическому поведению больше внимания начали уделять механизмам побуждения отдельных индивидов к принятию устойчивых решений [45].

Поворот к социальным практикам в социологии потребления обеспечил еще большее соответствие между теорией и растущим интересом к исследованиям осознанного потребления [45]. Исследования убеждений и действий защитников окружающей среды уступили место исследованиям рутины [28]. Исследовательский фокус сместился с вовлеченности отдельных активистов в программы устойчивого развития на сферу обыденного потребления, которой приписывается серьезный потенциал для реализации форм ответственного поведения. Более того, появились призывы к тому, что увлечение динамикой социальных практик должно быть дополнено фокусом на культурные аспекты потребления [20].

Цифровой поворот в социологии потребления (2000-е гг. — н/в)

В настоящее время исследования потребления переживают очередной поворот — цифровой [15; 23; 44]. Всеобщий интерес к цифровизации потребления обусловлен тем, что цифровые устройства (*devices*) перекочевали из чисто личной сферы во множественные социокультурные миры (*domains*) [15; 23]. Широкое использование гаджетов породило новые культурные практики в обращении потребителей с ними, а также в отношениях между этими устройствами и рынками. Так, с помощью Интернета и мобильных приложений потребители покупают, сравнивают и отбирают товары; посредством социальных сетей, форумов и блогов они распространяют информацию о товарах и услугах; при содействии платформ расширяются практики совместного потребления (*sharing economy*), благодаря новым виртуальным мирам потребители вовлекаются в «цифровое виртуальное потребление». Все это привело к фундаментальным изменениям на уровне потребительского спроса, потребительских норм, этики и власти [23, p. 1].

Исследователи цифрового мира придерживаются позиции, что потребление нельзя понять посредством изучения только потребителей и их ценностей, смыслов, репрезентации, сознания, действий, отношений и культуры. В концептуализацию потребления должны быть также включены знания о рынке (*marketing knowledge*), устройства и практики, которые оформляют поведение людей [23]. При анализе потребительской культуры подчеркивается ее динамичность и материальность. Однако важно, что влияние цифровых технологий на потребление и потребительское поведение не рассматривается в детерминистском ключе [23].

В исследованиях цифрового мира преобладает взгляд на потребление через призму угроз и возможностей. Основное противоречие, которое обсуждается в литературе, — оппозиция двух идей: (1) идеи о манипуляторной власти высокотехнологичных компаний, инфраструктур и систем на глобальном уровне и (2) идеи об отношении обычных рыночных акторов к цифровым приложениям как возможности для усиления их прав и власти снизу [23].

Социокультурные исследования склонны критиковать цифровой мир и обращать внимание на связанные с ним угрозы [23]. Так, технологии воспринимаются как угроза неприкосновенности частной жизни, порождаемая сбором больших данных. Отмечается способность технологий дискриминировать разные группы пользователей на основе непрозрачных алгоритмов. Еще одним объектом критики культурных исследований выступает манипулирование потребителями на основе аналитики больших данных и таргетированной рекламы. Подчеркивается, что технологии, эксперты и устройства влияют на потребителей, «заставляя их больше покупать». Дополнительно обращается внимание, что вовлеченность людей в цифровой мир тесно связана с эксплуатацией потребителей посредством бесплатного цифрового труда. Во всем этом видится способность технологий к «надзору» (*surveillance*) в духе Мишеля Фуко [69]. И наконец, в фокусе критики находятся отношения между цифровыми технологиями и неолиберальной экономикой, в результате которых люди оказываются в «новой «силиконовой» клетке» (по аналогии с «железной клеткой» Вебера), то есть под воздействием «пленительной логики цифровых медиа» [31].

Одновременно с этим цифровой мир рассматривается и в более позитивном ключе [15; 23]. С этой точки зрения цифровые технологии являются частью «новой экономики» услуг, где потребители совместно с компаниями создают стоимость. Здесь акцентируется внимание на способности технологий повышать рыночную прозрачность и предоставлять более полную информацию о соотношении цены и качества. Подчеркивается способность технологий снижать информационную асимметрию и устранять властный дисбаланс между потребителями и компаниями, например, при помощи отзывов, рейтингов, чатов и др. [23]. Обращается внимание на то, что рекомендательные сервисы, смартфоны и мониторинговые приложения усиливают осознанность и рефлексивность потребителей.

В социологических исследованиях постоянно обращается внимание на указанную выше амбивалентность: цифровые технологии и устройства выступают как расширяющие возможности потребителей, так и контролирующие устройства [23]. При этом исследователи подчеркивают: необходимо помнить, что устройства являются коммерческими продуктами. Рекомендательные сервисы, аналитика больших данных и цифровой маркетинг нередко нацелены на эксплуатацию этой амбивалентности в коммерческих целях [23].

Однако в литературе все чаще встречаются призывы среди исследователей концептуально примирить указанные выше противоречия [55].

Выводы

Во второй половине XX в. потребление стало самостоятельным объектом изучения, обладающим собственной логической структурой. Становление социологических исследований потребления сопровождалось несколькими процессами. Во-первых, с середины XX в. появилось большое количество конкретных эмпирических исследований потребления. Во-вторых, исследования потребления проходили процесс институционализации: социология потребления превратилась в университетскую дисциплину, учреждались профессиональные ассоциации, научные журналы, исследовательские центры, а также накапливались базы выборочных данных. В-третьих, социология потребления пережила множество теоретических поворотов, включая культурный, материальный и практический, а также поворот к устойчивому развитию и цифровой поворот. В результате социологические исследования потребления сегодня превратились в многогранное направление, где одновременно сосуществуют разные подходы, между которыми нередко слабо наведены мосты.

С течением времени потребление представляется все более многозначным понятием, отражающим пространство между приобретением благ посредством рыночного обмена и их использованием в повседневной жизни людей. Социологи стремятся сделать аналитическую картину потребления максимально объемной, включая в нее возрастающее число измерений: культурную составляющую, материальные аспекты, социальные отношения, практики, устройства и знания о рынке.

Несмотря на эволюцию представлений о потреблении, у социологов по-прежнему остается амбивалентный взгляд на него через призму угроз и возможностей. Они занимаются исследованием связи потребления с социальным неравенством, его (потребления) моральной нагруженностью и отношениями с производством. Эти вопросы то уходят на второй план, то вновь накатывают волны их активного переосмысления. Кроме того, социологами постоянно предпринимаются попытки преодоления слишком, как им кажется, индивидуализированного подхода к поведению потребителей, присущего экономической теории. В рамках концепции социальной укорененности и теории практик выстраивается последовательная аргументация, отвергающая автономность поведения потребителей (см., например: [6; 52; 56; 59]).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котельникова Зоя Владиславовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего лабораторией экономико-

социологических исследований факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (495) 772-95-90*12473. **Электронная почта:** kotelnikova@hse.ru

Research Article

ZOYA V. KOTELNIKOVA¹

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE EVOLUTION OF SOCIOLOGICAL APPROACHES TOWARDS CONCEPTUALIZING CONSUMPTION IN WESTERN SOCIOLOGY

Abstract. The second half of the 20th century saw multiple directions of consumer research emerge in sociology, including a cultural turn, a material turn, a practical turn, a turn towards sustainability, and a digital turn. These turns indicate trends in sociological thought, which arise with increasing speed and overlap each other. On the one hand, these directions build upon ideas about consumption brought forth by the classics of economic theory and sociology, and on the other hand they constantly attempt to critically comprehend basic concepts and fill them with new meaning.

The purpose of the article is to expand on the concept of consumption by reviewing the historical evolution of views on this concept in sociology of the 20–21 centuries. It first considers the integral definitions of consumption presented by contemporary sociologists (V. Radaev, E.R. McDonnell, A. Warde). From there it outlines the basic views on consumption held by classics of sociology (K. Marx, G. Simmel, T. Veblen, M. Weber, the Frankfurt School, P. Bourdieu). Finally, sociological approaches towards consumption that appeared during the second half of the 20th century are examined.

A review of key approaches towards consumption demonstrates how the concept of consumption has consistently acquired new meanings and contexts, also acquiring an internal independent logic and transforming into a multidimensional concept in sociology. The paper covers a broad timeline and is based on key sociological works, without claiming to be able to comprehensively describe them. Also this paper does not consider the Russian tradition of research.

Keywords: consumption; household economy; sociological approaches towards consumption; cultural studies of consumption; studies of materiality; theory of practices; sustainable consumption; digital consumption.

For citation: Kotelnikova, Z.V. The Evolution of Sociological Approaches towards Conceptualizing Consumption in Western Sociology. *Sotsiologicheskii Zhurnal* = *Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 8–32. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.1

Acknowledgments: The study was conducted in the Laboratory for Studies in Economic Sociology at the HSE University in the project “Economic Behaviour of the Households” and supported by the Program for Basic Research of the HSE University.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zoya V. Kotelnikova — Candidate of Sociological Sciences, Senior Research Fellow, Deputy Head, Laboratory for Studies in Economic Sociology, Faculty of Social Sciences, HSE University. **Phone:** 7 (495) 772-95-90*12473. **Email:** kotelnikova@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бурдье П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 25–48 [электронный ресурс]. Дата обра-

шения 20.01.2024. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204931/ecsoc_t6_n3.pdf EDN: OYOBXD

Bourdieu P. Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2005. Vol. 6. No. 3. P. 25–48. Accessed 20.01.2024. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204931/ecsoc_t6_n3.pdf (In Russ.)

2. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Пер. с англ. С. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. — 368 с.
Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. [Russ. ed.: *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institutsii*. Transl. from Eng. by S. Sorokina. Moscow: Progress publ., 1984. 368 p.]
3. Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. — 298 с. EDN: YWCDGG
Volkov V., Kharkhordin O. *Teoriya praktik*. [Theory of Practices.] St Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge publ., 2008. 298 p. (In Russ.)
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; Под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2014. — 384 с. EDN: SYZVMJ
Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. [Russ. ed.: *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya; Ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Izd. dom "Vysshei shkoly ekonomiki", 2014. 384 p.] (In Russ.)
5. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Пер. с англ. А. Юдина. М.: АСТ, 2003. — 526, [2] с.
Marcuse H. One-Dimensional Man. The Ideology of Industrial Society. [Russ. ed.: *Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva*. Transl. from Eng. by A. Yudin. Moscow: AST publ., 2003. 526, [2] p.]
6. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18. Дата обращения: 10.04.2024. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/radaev_socneed.pdf EDN: OYJUD
Radaev V. Sociology of Consumption: Basic Approaches. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2005. No. 1. P. 5–18. Accessed: 10.04.2024. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/radaev_socneed.pdf. (In Russ.)
7. Ритцер Дж. Макдональдизация общества 5 / Пер. с англ. А.В. Лазарева; Вступ. статья Т.А. Дмитриева. М.: Практикс, 2011. — 592 с. EDN: QUSGWH
Ritzer G. The McDonaldization of Society 5. [Russ. ed.: *Makdonal'dizatsiya obshchestva 5*. Transl. from Eng. by A.V. Lazarev; Foreword by T.A. Dmitriev. Moscow: Praxis publ., 2011. 592 p.]
8. Рощина Я.М. Социология потребления: Учебное пособие. М.: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. — 447 с.

- Rochshina Ya. *Sotsiologiya potrebleniya: Uchebnoe posobie*. [Sociology of Consumption.] Moscow: Izd. Dom GU VShE publ., 2007. 447 p. (In Russ.)
9. Фромм Э. Иметь или быть? / Пер. с англ.; Общ. ред. и послесл. В.И. Добренёва. 2-е изд., доп. М.: Прогресс, 1990. — 330, [1] с.
Fromm E. To have or to be? [Russ. ed.: *Imet' ili byt'*? Transl. from Eng.; Ed and afterword by V.I. Dobren'kov. 2nd ed. Moscow: Progress publ., 1990. 330, [1] p.]
 10. Adorno T.W. The Culture Industry Reconsidered. *The Culture Industry: Selected Essays on Mass Culture*. Ed. by J.M. Bernstein. L.; N.Y.: Routledge, 2001. P. 98–106. DOI: 10.4324/9781003071297-4
 11. Appadurai A. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. N.Y.: Cambridge University Press, 1988. 329 p.
 12. Arnould E.J., Thompson C.J. Consumer Culture Theory (CCT): Twenty Years of Research. *Journal of Consumer Research*. 2005. No. 31. P. 868–882. DOI: 10.1086/426626
 13. Baudrillard J. *The Consumer Society: Myths and Structures*. L.: Sage, 1998. 224 p. DOI: 10.4135/9781526401502
 14. Beyond use value. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. Ed. by J. Baudrillard. St Louis, MO: Telos Press, 1981 [1972]. P. 130–142.
 15. Belk R.W. Digital Consumption and the Extended Self. *Journal of Marketing Management*. 2014. Vol. 30. No. 11–12. P. 1101–1118. DOI: 10.1080/0267257X.2014.939217
 16. Benjamin W. *The Arcades Project*. Transl. by H. Eiland, K. McLaughlin. Cambridge, MA: Belknap, 1999. 1073 p.
 17. Bijker W.E., Hughes T.P., Pinch T. (eds.) *The Social Constructions of Technological Systems*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1987. 405 p.
 18. Blühdorn I., Welsh I. Eco-Politics beyond the Paradigm of Sustainability: A Conceptual Framework and Research Agenda. *Environmental Politics*. 2007. No. 16 (2). P. 185–205. DOI: 10.1080/09644010701211650
 19. Braga C., Suarez M. Actor-Network Theory: New Perspectives and Contributions to Consumption Studies. *EBAPE.BR*. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 218–231. DOI: 10.1590/1679-395164275
 20. Brand K.-W. Social Practices and Sustainable Consumption: Benefits and Limitations of a New Theoretical Approach. *Environmental Sociology. European Perspectives and Interdisciplinary Challenges*. Ed. by M. Gross, H. Heinrichs. N.Y.: Springer, 2010. P. 217–235. DOI: 10.1007/978-90-481-8730-0_13
 21. Callon M. *The Laws of the Markets*. Oxford: Blackwell, 1998. 278 p.
 22. Campbell C. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*. Oxford: Blackwell, 1987. 312 p.
 23. Cochoy F., Licoppe C., McIntyre M.P., Sörum N. Digitalizing Consumer Society: Equipment and Devices of Digital Consumption. *Journal of Cultural Economy*. 2020. Vol. 13. No. 1. P. 1–11. DOI: 10.1080/17530350.2019.1702576
 24. Cochoy F. Driving a Shopping Cart From STS to Business, and the Other Way Around. On the Introduction of Shopping Carts in American Grocery

- Stores (1936–1959). *Organization*. 2009. Vol. 16. No. 1. P. 31–55. DOI: 10.1177/1350508408098921
25. Cohen L. *A Consumers' Republic: The Politics of Mass Consumption in Postwar America*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2003. 576 p.
 26. Cohen M.J., Murphy J. (eds) *Exploring Sustainable Consumption: Environmental Policy and the Social Sciences*. Amsterdam: Elsevier Science (Pergamon), 2001. 249 p. DOI: 10.1016/B978-008043920-4/50003-3
 27. Evans D.M. After Practice? Material Semiotic Approaches to Consumption and Economy. *Cultural Sociology*. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 340–356. DOI: 10.1177/1749975520923521
 28. Evans D.M. What is Consumption, Where has it been Going, and does it Still Matter? *The Sociological Review*. 2019. Vol. 67. No. 3. P. 499–517. DOI: 10.1177/0038026118764028
 29. Evans D.M. Why Consumption, Why Society, Why Now? Consumption Studies and Societal Challenges. *Consumption and Society*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 231–241. DOI: 10.1332/lajc5187
 30. Featherstone M. Perspectives on Consumer Culture. *Sociology*. 1990. Vol. 24. No. 1. P. 5–22. DOI: 10.1177/0038038590024001003
 31. Gilroy-Ware M. *Filling the void: emotion, capitalism and social media*. L.: Repeater Books, 2017. 244 p.
 32. Graeber D. Consumption. *Current Anthropology*. 2011. Vol. 52. No. 4. P. 489–511. DOI: 10.1086/660166
 33. Horkheimer M., Adorno T.W. *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Ed. by G.S. Noerr. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002. 282 p.
 34. Kopytoff I. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process. *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–92. DOI: 10.1017/CBO9780511819582.004
 35. Maniates M. Individualization: Plant a Tree, Buy a Bike, Save the World? *Global Environmental Politics*. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 31–52. DOI: 10.1162/152638001316881395
 36. Marx K. *Capital: A Critique of Political Economy*. N.Y.: Modern Library, [1867] 1906. 869 p.
 37. Marx K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844. *The Marx-Engels Reader*. Ed. by R.C. Tucker. N.Y.: Norton, 1972. P. 52–103.
 38. McDonnell E.M. Budgetary Units: A Weberian Approach to Consumption. *American Journal of Sociology*. 2013. Vol. 119. No. 2. P. 307–350. DOI: 10.1086/673295
 39. Murphy W.W. *Consumer Culture and Society*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2020. Accessed 20.01.2024. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/76590_book_item_76590.pdf
 40. Miller D. *Material Culture and Mass Consumption*. N.Y.: Basil Blackwell, 1987. 240 p.

41. Miller D. *A Theory of Shopping*. L.: Polity, 1998. 192 p.
42. Miller D. *Stuff*. Cambridge: Polity, 2009. 220 p.
43. Miller D. Consumption and Commodities. *Annual Review of Anthropology*. 1995. Vol. 24. P. 141–161. DOI:10.1146/annurev.anthro.24.1.141 EDN: HFAHZP
44. Ritzer G., Miles S. The Changing Nature of Consumption and the Intensification of McDonaldization in the Digital Age. *Journal of Consumer Culture*. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 3–20. DOI: 10.1177/1469540518818628
45. Sahakian M., Wahlen S., Welch D. (Un)sustainable Consumption: A Contested, Compelling and Critical Field. *Consumption and Society*. 2022. Vol. 1. No. 2. P. 244–254. DOI: 10.1332/byhl7310
46. Schau H., Muniz A., Arnould E. How Brand Community Practices Create Value. *Journal of Marketing*. 2009. Vol. 73. No. 5. P. 30–51. DOI: 10.1509/jmkg.73.5.30
47. Schor J.B., Slater D., Zukin S., Zelizer V.A. Critical and Moral Stances in Consumer Studies. *Journal of Consumer Culture*. 2010. Vol. 10. No. 2. P. 274–291. DOI: 10.1177/1469540510365688
48. Shove E., Pantzar M., Watson M. *The Dynamics of Social Practice: Everyday Life and How it Changes*. L.: Sage, 2012. 208 p. DOI: 10.4135/9781446250655
49. Shove E. Social theory and climate change. *Theory, Culture and Society*. 2010. Vol. 27. No. 2–3. P. 277–288. DOI: 10.1177/0263276410361498
50. Simmel G. Fashion. *American Journal of Sociology*. 1957 [1904]. Vol. 62. P. 541–558. DOI: 10.1086/222102
51. Skeldon G. The Frankfurt School, Leisure and Consumption. *The Palgrave Handbook of Leisure Theory*. Ed. by K. Spracklen, B. Lashua, E. Sharpe, S. Swain. L.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 507–522. DOI: 10.1057/978-1-137-56479-5_29
52. Swedberg R. *Principles of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 384 p. EDN: QOJJXD
53. Trentmann F. *Empire of Things: How We Became a World of Consumers, from the Fifteenth Century to the Twenty-First*. L.: Harper, 2016. 896 p.
54. Trigg A.B. Veblen, Bourdieu, and Conspicuous Consumption. *Journal of Economic Issues*. 2001. Vol. 35. No. 1. P. 99–115. DOI: 10.1080/00213624.2001.11506342
55. Vargo S.L., Lusch R.F. Evolving to a New Dominant Logic for Marketing. *Journal of Marketing*. 2004. Vol. 68. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.1509/jmkg.68.1.1.24036
56. Warde A. Consumption and Theories of Practice. *Journal of Consumer Culture*. 2005. Vol. 5. No. 2. P. 131–153. DOI: 10.1177/1469540505053090
57. Warde A. After Taste: Culture, Consumption and Theories of Practice. *Journal of Consumer Culture*. 2014. Vol. 14. No. 3. P. 279–303. DOI: 10.1177/1469540514547828
58. Warde A. *Consumption: A Sociological Analysis*. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 252 p. DOI: 10.1057/978-1-137-55682-0

59. Warde A. Society and Consumption. *Consumption and Society*. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 11–30. DOI: 10.1332/gtye7193
60. Warde A. The Sociology of Consumption: Its Recent Development. *Annual Review of Sociology*. 2015. Vol. 41. P. 117–134. DOI: 10.1146/annurev-soc-071913-043208
61. Warde A. Changing Conceptions of Consumption. *The changing consumer*. Ed. by A. Anderson, K. Meethan, S. Miles. L.: Routledge, 2002. P. 10–24.
62. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Transl. by T. Parsons. N.Y.: Scribner, 1958. 292 p.
63. Weber M. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press, 1978. 1469 p.
64. Weber M. Class, Status, Party. *Max Weber: Essays in Sociology*. Ed. by H.H. Gerth, C.W. Mills. N.Y.: Oxford University Press, 1946. P. 180–195.
65. Welch D., Warde A. Theories of Practice and Sustainable Consumption. *Handbook of Research on Sustainable Consumption*. Ed. by L. Reisch, J. Thøgersen. Cheltenham: Edward Elgar, 2015. P. 84–100. DOI: 10.4337/9781783471270.00013
66. Wilk R. Morals and Metaphors: The Meaning of Consumption. *Elusive Consumption*. Ed. by K. Eckstrom, H. Brembeck. Oxford: Berg Publishers, 2004. P. 11–26. DOI: 10.4324/9781003085232-3
67. Wilk R. Consuming Morality. *Journal of Consumer Culture*. 2001. No. 2. P. 245–260. DOI: 10.1177/146954050100100211
68. Zelizer V. Culture and Consumption. *Handbook of Economic Sociology*. Ed. by N. Smelser, R. Swedberg. Princeton, N.J.: Princeton University Press; N.Y.: Russell Sage Foundation, 2005. P. 331–354.
69. Zuboff S. *The age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. N.Y.: Public Affairs, 2019. 704 p.
70. Zukin S., Maguire J. Consumers and Consumption. *Annual Review of Sociology*. 2004. No. 30. P. 173–197. DOI: 10.1146/annurev.soc.30.012703.110553
71. Zukin Sh. *Point of Purchase: How Shopping Changed American Culture*. N.Y., L.: Routledge, 2004. 336 p.

Статья поступила в редакцию: 24.01.2024; поступила после рецензирования и доработки: 02.04.2024; принята к публикации: 14.04.2024.

Received: 24.01.2024; revised after review: 02.04.2024; accepted for publication: 14.04.2024.

Е.Г. НИМ¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

НЕУЛОВИМЫЙ ФЭНДОМ: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ФАН-ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: Статья посвящена обзору англоязычных *fan studies* как междисциплинарного исследовательского направления. В частности, в ней обсуждаются тенденции развития исследований фан-культуры, различные подходы к концептуализации фэндомов и фанатов, а также феномен «акафанов» и особенности этики фан-исследований. Показан сложный путь становления и оформления *fan studies* в самостоятельную субдисциплину, признанную академическим сообществом. Этот путь отмечен чередой «волн», отражающих как разные подходы к пониманию предмета изучения, так и изменение статуса самих *fan studies*. Широкое распространение фанатских практик и сообществ, возникающих вокруг объектов массовой культуры, способствовало их нормализации и мейнстримизации. Исследования фан-культуры также демонстрируют изменения своей направленности: проблематика стигматизации фанатов отходит на второй план, актуализируется изучение фэндомов в контексте социального неравенства, культуры соучастия и медиапотребления. Современные дискуссии внутри *fan studies* направлены на переосмысление ключевых понятий и поиск новых интерпретаций и концептов, позволяющих преодолеть ограничения прежних подходов. Одна из основных тем обсуждения: по-прежнему ли главным объектом фан-исследований является фанатское сообщество (традиция, заложенная Генри Дженкинсом) или это также индивидуальные фанаты? Помимо пересмотра понятий и границ предметного поля, артикулируются методологические и этические проблемы в этой области. Особое внимание уделяется позиции «акафанов», принадлежащих как научному, так и фанатскому миру. В статье также показано, как оптика *fan studies* начинает применяться в смежных социальных дисциплинах. Поскольку многие сообщества и движения (политические, потребительские, культурные и т. д.) функционируют в ряде аспектов подобно фэндомам, обращение к теориям *fan studies* углубляет понимание этих феноменов.

Ключевые слова: фан-исследования; фэндомы; фанаты; культура соучастия; онлайн-сообщества; акафаны.

Для цитирования: Ним Е.Г. Неуловимый фэндом: проблемное поле зарубежных фан-исследований // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 33–52. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.2 EDN: DQCWJT

Введение

В течение последних тридцати лет зарубежные исследования фэндомов и фанатов (*fan studies*¹) прошли путь от маргинального исследовательского направления до общепризнанной академической дисциплины. Такой поворот, как показал Генри Дженкинс [43; 44], во многом связан с подъемом культур соучастия и, в частности, с ростом фанатских сообществ в цифровую эпоху. При этом изменился публичный дискурс о фанатах: ослабли стигма и медийная риторика патологизации, конструирующая фанатов как девиантов [34, р. 3–4]. Редакторы «Исследовательского компаньона Эшгейт по фан-культурам» (2014) замечают, что в наши дни фанаты кажутся «святым граалем медиакультуры», хотя когда-то были ее изгоями [56, р. 1]. Фэндом перестал быть нишевым феноменом, превратившись в «нормативный стандарт», а понятие «фанат» используется применительно к широкому спектру аудиторий [ibid.]. Для медиакомпаний и индустрии развлечений фанаты имеют высокую ценность как активные потребители, поэтому медиабизнес стремится обратить фанатскую вовлеченность и креативность в капитал [42, р. 22]. Фанатский опыт не ограничен только потреблением, среди фанатов распространены просьюмерские практики, предполагающие создание своего контента (фанфикшен, фан-артов, фанвидео и т. д.). Нередко это результат критического прочтения и преобразования продуктов массовой культуры: при всей своей любви к этим историям и образам, фэндом оспаривает дискурсы медиаиндустрии и пытается быть рычагом давления на продюсеров. Фанаты также могут быть представлены как социальная сила, «контрпублика», влияющая на властные отношения и повестку дня [24; 39; 47]. Исследователи не едины в том, кого считать фанатом и является ли принадлежность к фэндому ключевой характеристикой. Это предмет текущих академических дискуссий, которых мы коснемся в своей статье.

Современные фан-исследования подчеркивают роль медиа в формировании и распространении фанатских практик [17]. Собственно, и сами фэндомы чаще возникают вокруг определенных продуктов поп-культуры (романы, фильмы, сериалы, комиксы, видеоигры, музыкальные группы), то есть вокруг коммерческих медиатекстов. Даже если объектом поклонения становятся реальные люди — певцы, актеры, политики, спортсмены, — они воспринимаются фанатами через медийные образы. Поэтому фактически любой фэндом является сегодня медиафэндомом [9, р. 3; 28, р. 24], или «гибридным фэндомом» [17, р. 169], включающим офлайновые и онлайн-измерения. Фанатская культура глубоко медиатизирована: она посвящена медиатекстам, коммуницирует посредством медиа и производит медиаконтент. Благодаря онлайн-коммуникациям фэндомы становятся глобальными, вовлекая в свою орбиту сотни тысяч людей по всему миру. Например, число по-

¹ В дальнейшем, говоря о *fan studies* как области научных исследований, мы будем также обозначать ее как фан-исследования.

клонников южнокорейского бой-бенда BTS составляет около 50 млн человек², только в одном из пабликов «ВКонтакте»³, посвященном группе, числится 528 тыс. подписчиков. В недавнем исследовании мигрантских нарративов россиян, переехавших в Корею, среди значимых мотивов переезда фигурирует увлечение корейской поп-культурой [8, с. 35]. Это яркий пример того, как медиаиндустрии и связанные с ними фэндомы способны быть инструментами культурной дипломатии и мягкой силы, формируя привлекательный образ страны.

За прошедшие три десятилетия фэндомы и фанаты стали объектом изучения целого ряда зарубежных авторов [9; 34; 38; 45; 46; 52; 56; 59]. Российских исследований фан-культуры пока не так много, и чаще они сфокусированы на отдельных фан-феноменах — например, на фанатских дискурсах [6], креативных и рецептивных практиках [3; 4; 51], фэндомах научной фантастики [54], поклонниках корейской и японской поп-культуры [2; 5], любителях спортивных зрелищ [1] и т. д. Все еще наблюдается дефицит публикаций, адресованных теории фэндома и *fan studies* как особой междисциплинарной области [7], где активно применяются и социологические подходы. Поскольку некоторые сюжеты требуют дополнительного внимания, наша статья будет направлена на их раскрытие.

В частности, мы более детально сосредоточимся на обсуждении трех вопросов: 1) развитие *fan studies* как самостоятельного исследовательского направления; 2) различные подходы к концептуализации фанатов и фэндома; 3) феномен «акафаны» и особенности этики фан-исследований. Статья не претендует на систематический обзор всего корпуса зарубежных работ о фанатах, скорее, мы обозначим ключевые имена, концепции и зоны проблематизации, маркирующие эту область. На наш взгляд, это может быть полезно для социологов, занимающихся изучением аудитории, культур соучастия и фанатских движений. Кроме того, обращение к проблематике фэндомов позволяет понять более широкие процессы, происходящие в культуре и социальной жизни.

Фан-исследования на пути к мейнстриму

Как замечает Николь Ламерикс, остается спорным, где и когда началась история фэндома как социального и культурного феномена [45, р. 19]. Вероятно, прототипы некоторых фанатских интерпретативных практик можно обнаружить в древнегреческой традиции пересказывания мифов. Свойственное фэндомам почитание знаменитостей также уходит вглубь веков, слава — древний атрибут, присущий институтам королевской, религиозной и светской власти. В эпоху Просвещения широ-

² Первые строчки Billboard и продюсер-миллиардер: группа BTS в цифрах [электронный ресурс]. — URL: <https://style.rbc.ru/people/5fce37759a7947fd1e7f1e92> (дата обращения 17.02.2024).

³ Онлайн-сообщество BangTan Today | BTS | 방탄소년단 | 7 [электронный ресурс]. — URL: <https://vk.com/bangtan> (дата обращения 17.02.2024).

кую известность приобрели ученые и литераторы. Например, большую популярность снискали лорд Байрон, Вальтер Скотт, Руссо. Почитатели Шекспира оставляли «граффити» на стенах его дома в Стратфорде-на-Эйвоне, открытого для посещений в середине XVIII в. [31, р. 28]. Примечательно, что публика, благоволящая объектам и создателям «высокого» искусства, именовалась «любителями», «ценителями», «последователями» и т. д. [45, р. 19], в то время как «фанаты» ассоциировались с позднее появившейся «низкой», массовой, культурой.

Понятие «фанат» (*fan*) как сокращение от *fanatic* распространилось в конце XVII в. в Англии [31, р. 28], а самое раннее его упоминание в масс-медиа появилось в спортивной колонке “The Washington Post” 10 октября 1896 г. [45, р. 19]. Оно содержало значения религиозного рвения и одержимости (лат. *fanaticus* — исступленный), переносимые на поклонников бейсбола и других спортивных зрелищ. С развитием кинематографа, телевидения, FM-радио и звукозаписи возникают первые фан-клубы кинозвезд и музыкальных исполнителей [31, р. 30–35]. Начиная с 1930-х гг. фанатами стали называть группы людей, которым нравятся одни и те же медиаразвлечения [14, р. 22]. Примерно в то же время зарождаются литературные клубы любителей научной фантастики [25, р. 42], детективов и приключений (например, произведений о Шерлоке Холмсе). Таким образом, медиафэндом как явление существует уже более столетия, однако его исследования начались гораздо позже.

Неформально началом фан-исследований считается 1992 г. [59, р. 1], когда вышли книга «Предприимчивые женщины: телевизионный фэндом и создание популярного мифа» Камиллы Бэкон-Смит [14], сборник «Обожающая аудитория: фан-культура и популярные медиа» под редакцией Лизы Льюис [55] и, конечно же, «Библия для исследователей фанатов» [31, р. 46] — «Текстовые браконьеры: телевизионные фанаты и культура соучастия» Генри Дженкинса [43]. Одновременно была опубликована статья Констанс Пенли [49], посвященная практикам женского фэндома медиафраншизы «Звездный путь» (*Star Trek*). Однако истоки изучения фанатов можно проследить гораздо раньше — начиная с 1970-х гг. — в широком спектре исследований аудитории, субкультур и гендера [59, р. 1]. Возникшее направление отличало фанатов от «обычных» потребителей и вместе с тем пыталось их нормализовать, освободив от негативных стереотипов, распространенных не только в обществе и медиа, но и в академической среде. Динамично прирастая новыми книгами, статьями, конференциями и научными сетями, исследования фанатов стали оформляться институционально: в 2008 г. появился журнал “Transformative Works and Cultures”, в 2012 г. — “The Journal of Fandom Studies”, а также международная ассоциация ученых “The Fan Studies Network”. Сегодня фан-исследования (как и сами фэндомы) перестали быть чем-то экзотичным во многих странах мира, в них вовлечено множество ученых и студентов. По мнению Мелиссы Клик и Сюзанны Скотт, редакторов «Компаньона Рутледж по медиафэндомам» (2018), «за последнее десятилетие мы стали свидетелями мейнстри-

мизации как фан-культуры, так и *fan studies*» [59, р. 1]. Это произошло во многом благодаря возможностям технологий Web 2.0, которые сделали фанатские модели медиапотребления видимыми и повсеместными, что стимулировало и бум современной фанатской науки.

Описывая развитие фан-исследований, Грей, Сандвосс и Харрингтон выделили три волны [34, р. 2–7], которые характеризуют не столько временные периоды, сколько различные традиции изучения фанатства. *Первая волна* исследований вслед за Дженкинсом [43], Фиске [35] и другими авторами противостояла дискурсу патологизации фанатов и их репрезентации как Других. Эту волну Грей с коллегами не без иронии называют «Фэндом прекрасен» (“Fandom Is Beautiful”) [34, р. 3]. Здесь фэндомы воображаются как утопические пространства культурной автономии и сопротивления, где их участники используют подрывные тактики культурного присвоения. Они ассоциируются с дискриминируемыми социальными группами (женщины, молодежь, аутсайдеры, бедные, этнически иные), создающими альтернативные версии коммерческих продуктов в соответствии со своими желаниями и фантазиями. Иначе говоря, исследования первой волны рассматривали фэндом как форму активизма или политический проект. Эти работы подчеркивали фанатскую субъектность в противовес сформированным критической теорией представлениям о пассивной аудитории, манипулируемой медиа.

По мере того как фэндомы становились частью культурного мейнстрима, в фан-исследованиях наметился концептуальный сдвиг от «браконьерской» оптики Мишеля де Серто [29] (вдохновившей Генри Дженкинса) к социологии потребления в стиле Пьера Бурдьё [18]. Исследования *второй волны* сфокусировались на том, как более широкие культурные и социальные иерархии воспроизводятся в фанатских сообществах и субкультурах (см., например: [41]). Они по-прежнему уделяли внимание вопросам власти, неравенства и дискриминации, но делали это иначе. Вместо того чтобы видеть в фэндоме инструмент эмансипации, они показывают, что фанатские предпочтения и практики структурируются через габитус и разные типы капитала. При этом работы и первой, и второй волн основывались на коллективной модели фанатства, где центральной категорией выступает фэндом. Однако принадлежность к сообществу не всегда обязательна для того, чтобы идентифицировать себя как фаната [34, р. 6]. С развитием цифровых коммуникаций и персонализацией медиа фанатское потребление все больше укореняется в рутинных индивидуальных практиках. Эта двойственность фанатства как коллективного и личного опыта стала темой последующих дискуссий.

Фан-исследования *третьей волны* направлены на изучение фан-культуры как части нашей повседневной жизни. На микроуровне ученым стали интересны личностные удовольствия и мотивации фанатов, отношения между фанатами и объектами их восхищения (что актуализировало психоаналитические подходы). На макроуровне фан-исследования расширяют свои границы, рассматривая фанатов и фанатские комьюнити в контексте современных социальных, куль-

турных и экономических преобразований. Это привело к использованию фан-концепций в смежных дисциплинах, например, в политологии [10; 30], маркетинге и PR [15; 50] или педагогике [32]. В целом же, как полагают Дж. Грей, К. Сандвосс и К. Харрингтон, исследования третьей волны характеризует рассеяние предметного поля на «множество проектов со множеством траекторий» [34, р. 6]. Они демонстрируют разнообразие интересов, вопросов, подходов и тем. В частности, мы бы отметили такие актуальные направления, как поколенческий анализ фэндомов [33]; изучение «антифэндомов» [12], «конфликтных» [48] и «реакционных» [53] фэндомов; исследования феминистских [39; 61], не-западных и глобальных фан-сообществ [23; 37; 58]. Ученых также интересует связь фэндомов с культурой потребления, брендингом и туризмом [38; 46, 60]. Не теряют актуальности исследования возрастающей цифровизации фан-культуры, включая влияние технологий искусственного интеллекта на фанатские практики [11].

Логика трех волн *fan studies* во многом отражает путь, который прошел сам фэндом: от общественной стигматизации фанатов к нормализации фан-культуры и «фандомизации» повседневной жизни, когда присущие фанатам специфические формы культурного соучастия вошли в репертуар широкой медиааудитории. Схожий принцип выделения подходов внутри *fan studies* предлагают редакторы упомянутого «Исследовательского компаньона Эшгейт по фан-культурам» Линда Дуитс, Коос Цванн и Стейн Рейндерс [56, р. 3]. В частности, они описывают три перспективы, конструирующие фанатов через «сопротивление» (*fan resistance*), «участие» (*fan participation*) и «возвышение» (*fan exaltation*). Эти оптики, согласно авторам, соответствуют фазам развития *fan studies* — от зарождения поля и признания ключевых концептов внутри академии до превращения *fan studies* в некую авангардную парадигму для изучения многих современных медиапроцессов. Концепции культуры соучастия, медиаконвергенции и трансмедиа, сформированные Дженкинсом на основе исследований фанатов, стали классикой, приведенной во всех учебниках по журналистике, культурологии и маркетингу. Однако этот тренд на популярность фан-исследований и стремление признать фанатом (или «антифаном») практически любого медиапотребителя вызывает, скорее, озабоченность авторов. Среди вопросов, стоящих перед *fan studies*, как наиболее актуальный они формулируют следующий: «если парадигма фан-исследований стала мейнстримом, существует ли еще потребность в отдельной области для изучения фан-культур?» [56, р. 2]. Подробнее к дискуссии на эту тему мы вернемся в следующем разделе; здесь же отметим, что постоянная саморефлексия и проблематизация своих теоретических и методологических оснований свидетельствуют о достаточной зрелости *fan studies* как самостоятельной дисциплины.

Исследователь Пол Бут считает, что «мы подошли к четвертой волне: переходу от анализа фанатов к анализу исследований фанатов» [16, р. 123]. Объектом изучения все чаще становятся сами исследовательские принципы и практики, особенно взаимодействие акафэндома (академи-

ков-фанатов) с другими представителями фан-культуры. Кроме того, как было показано выше, обсуждаются настоящее и будущее фан-исследований как научной дисциплины. С самого начала своего существования *fan studies* сталкивались со множеством институциональных предубеждений и боролись за интеграцию в академию, наконец заняв достойное место среди культурных и медиаисследований. Парадокс заключается в том, что для ряда исследователей фан-культуры *fan studies* остаются, по выражению Сэма Форда, «недисциплинированной дисциплиной» [36, р. 54]. Фан-исследования, в их понимании, являются частью изменчивого и многовариантного фанатского мира, который с трудом поддается точным дефинициям. Поэтому, как формулирует Бут, «несмотря на свою формализацию, *fan studies* должны оставаться неформальными... ценность *fan studies* заключается не в том, что они становятся частью системы, а в том, что они остаются на периферии» [17, р. 241].

Фэндомы vs фанаты: дискуссии о предметном поле

Один из ключевых вопросов фан-исследований, особенно актуальный в условиях мейнстримизации фан-культуры [59, р. 1–2]: кого можно считать фанатом? В общем, статус фаната предполагает признание позитивной и глубокой эмоциональной связи с объектом популярной культуры [31, р. 24]. Многие исследования представляют собой анализ сообществ, образованных именно вокруг конкретных текстов или знаменитостей. Нередко такие фэндомы имеют собственные названия: например, «трекеры» (*Trekkies*, фанаты франшизы «Звездный путь»); «хуавианы» (*Whovians*, любители телесериала «Доктор Кто»); «поттерхеды» (*Potterheads*, поклонники саги о Гарри Поттере); «АРМИ» (*ARMY*, фэндом к-поп группы BTS) и т. д. Однако фанатский интерес часто не ограничивается одним медиаобъектом — фанаты могут любить какой-то особый жанр или направление, быть «мультифандомными» либо даже ценить не столько отдельные элементы медиакультуры, сколько сами фанатские практики и принадлежность к фэндомам.

Традиция изучать фанатов через призму фэндомов как «интерпретативных» и «воображаемых» сообществ сформирована прежде всего Генри Дженкинсом [42, р. 16]. В его понимании, медиафэндомы — одна из множества форм партисипативной культуры, которая существовала и до цифровых медиа, но приобрела новые возможности в эпоху конвергенции и сетевых коммуникаций [42, р. 18]. В «Текстовых браконьерах» (1992) фэндом рассматривается в пяти измерениях: как (1) особый способ восприятия медиатекстов; (2) определенный набор критических и интерпретативных практик; (3) база для потребительского активизма; (4) мир искусства со своими формами культурного производства; (5) альтернативное социальное сообщество [43, р. 284–287]. Эта модель описывает различные уровни фанатской активности — от «переговорного» прочтения текстов и их «браконьерской» переработки в новые культурные продукты (фанфики, фан-видео, фан-арты и т. д.) до коллективной защиты своих предпочтений и переживания фэндома как социальной

утопии. Дженкинс также полагал, что партисипативные культуры — это своего рода места неформального обучения с низким барьером для художественного выражения и гражданского участия, где активно поддерживаются фанатское творчество, обмен контентом и передача знаний новичкам. Члены таких комьюнити верят, что их вклад имеет значение, и чувствуют определенную социальную связь друг с другом [42, р. 18].

Как видим, для Дженкинса важна социальная идентичность фанатов в качестве активных членов сообществ, а сами фэндомы имеют политический потенциал; например, они способны влиять на современные дебаты о разнообразии и инклюзивности, расах и гендере в западном обществе [42, р. 14]. Многие отличительные черты фанатских практик (просьюмеризм, перформативность, трансформативность, совместность и др.) соотносятся с этой субкультурной и «коммунальной» парадигмой фан-исследований. В то же время существует и другая концептуальная перспектива, сближающая фанатов с широкой аудиторией и акцентирующая личный опыт фанатства. Ее сторонники отмечают, что далеко не все фанаты вступают в сообщества, поддерживают связи, занимаются преобразующей работой, делятся контентом и эмоциями. Их увлечения иногда становятся тайными по разным причинам [31, р. 66]: они могут любить объект, который считается запретным, «некрутым», не соответствующим полу или возрасту, либо стыдиться самого ярлыка «фанат». Это также могут быть «тихие» фанаты, склонные к одиночеству или разочарованные в общении с единомышленниками. Значительная часть людей, будучи поклонниками каких-либо популярных текстов / селебрити, возможно, даже не идентифицируют себя как фанатов. Благодаря доступности развлекательного контента, гаджетов и медиаплатформ фанатские практики индивидуализируются и интегрируются в повседневную жизнь.

Ряд исследователей — например, Хенрик и Сара Линден, авторы книги «Фанаты и фанатские культуры: туризм, консьюмеризм и социальные медиа» (2017) — еще больше расширяют понимание фанатов, выделяя наряду с «традиционными» фанатами медиаразвлечений новое поколение фанатов брендов (*brand fans*) [46, р. 12] или фан-публики (*fan publics*) [46, р. 39]. Такие экспансивные толкования фанатства ставят под сомнение понятие фанатской субкультуры, поскольку фанаты оказываются частью потребительского мейнстрима, а сам мейнстрим — «обширным полем пересекающихся фанатских культур» [13, р. 153]. Иначе говоря, «если “все” являются фанатами, то мы должны выйти за рамки субкультур» [46, р. 43].

Безусловно, широкая трактовка фанатства позволяет избежать неоправданной редукции, когда фанатами считается лишь узкая группа активных и творческих людей, для которых значимы коллективная идентичность и публичные действия. В то же время, как заявила в 2014 г. Франческа Коппа, такое размытие границ между фанатами и потребителями может означать потерю предмета *fan studies* [26, р. 74]. Марк Даффет в своей книге «Понимая фэндом» (2013) также отмечает, что фанаты всегда «больше, чем потребители» [31, р. 54–55]: они — участники не только эко-

номического, но и культурного потребления, создающие новые смыслы и часто имеющие антикоммерческие убеждения. Помимо роли потребителей, у них есть и другие — фанатские — роли (фикрайтеры, художники, критики, продюсеры, монтажеры, косплееры, ролевики, переводчики, фансаберы/фандаберы, администраторы сообществ, коллекционеры и т. д.). По мнению Мелиссы Клик и Сюзанны Скотт, при стремлении расширить область фан-исследований все же важно сохранять концептуальную дифференциацию между «фанатами» и «аудиторией» [59, р. 2]. Сам же Генри Дженкинс заметил, что дискурсы, уравнивающие фанатов и потребителей, могут повлечь маргинализацию и экзотизацию более «хардкорных» фанатов, как «заходящих слишком далеко», и это может вновь реанимировать риторику патологизации [42, р. 24].

Обозначенная двойственность объекта фан-исследований (фанаты vs фэндомы) является одним из методологических вызовов, который осмысляется по-разному. Для Грея, Сэндвосса и Харрингтона [34, р. 8] оба направления взаимодополняют друг друга, поскольку быть фанатом — это одна из форм идентичности, конструируемая как индивидуально, так и через комьюнити. Другим способом решения этой дилеммы может быть иное понимание фэндома — например, наподобие «фигурации фигураций» Ника Коулдри и Андреаса Хеппа, связывающей различные локальные группы в сеть взаимозависимых активностей [27, р. 171]. Этому пути следует Мэтт Хиллс [40], развивающий теорию фанатского мира (*fan world*) как некоего универсума, содержащего все потенциальные способы бытия фанатом — коллективные и более приватные, из которых каждый человек выбирает и выстраивает свою уникальную траекторию фанатства. Это близко к тому, что Марк Даффет называет «личным фэндомом» [31, р. 60], подчеркивая значение фанатской идентичности и индивидуального опыта.

Исследователи фан-культуры признают огромное разнообразие ее проявлений и методологические сложности различения «фанатского» и «нефанатского». Любая попытка выстроить целостную теорию фэндома будет уязвима — как выразился Даффет, фэндом остается «неуловимым», когда подвергается анализу [31, р. 50]. Возможно, прав был Дэниел Кавиччи, утверждающий, что фэндом — это не вещь, которую кто-то имеет или делает [22, р. 59]. Фэндом — это то, чем фанаты являются/ощущают себя в этом мире, один из способов придания смысла своей жизни [ibid.]. Такие экзистенциальные интерпретации сложно формализовать, но они не менее важны для понимания фан-феноменов, чем более «инструментальные» подходы. Несмотря на сложности с определением ключевых концептов, фан-исследования продолжают интенсивно развиваться, охватывая множество тем и направлений.

Акафаны и этика фан-исследований

Одна из важных проблем современных фан-исследований связана с рефлексией относительно особой позиции самих ученых, изучающих фанатов и фэндомы. Многие из известных исследователей в этой об-

ласти позиционируют себя как акафаны (*aca-fans*), подчеркивая свою одновременную принадлежность как академическому, так и фанатскому сообществам. Например, Генри Дженкинс в своем личном блоге декларирует, что цель большинства его работ, написанных в оптике акафана, — преодолеть разрыв между этими двумя мирами⁴. Упомянутая ранее Франческа Коппа — сооснователь активистской организации OTW⁵, поддерживающей фан-культуру, и издатель сборника фанфикшен «Читатель фанфиков: народные сказки для цифровой эпохи» (2017), предназначенного для студентов колледжей [57]. Другой автор-акафан, Уилл Брукер, знаменит своим оригинальным исследованием творчества Дэвида Боуи: длительное время он был имперсонатором Боуи, пытаясь в точности имитировать последний год жизни музыканта, включая место его проживания, повседневные привычки, музыкальные пристрастия, одежду, макияж, прическу и т. д. [19]. Безусловно, далеко не все акафаны настолько вовлечены в фанатские практики, в то же время определенная часть фан-исследователей являются, по выражению Дженкинса, такими «гибридными существами».

Это обстоятельство порождает целый ряд методологических и этических вопросов: какова позиция акафана в научном и фанатском комьюнити? Возможно ли для акафанов сохранить критическую дистанцию в отношении объекта своего изучения? Какие преимущества и ограничения дает принадлежность ученого к фэндому? Как следует выстраивать свои отношения с участниками фан-сообществ с целью сбора и публикации данных? В целом подобные вопросы не новы для качественной социологии и, в частности, цифровой этнографии, традиционно используемой для изучения фан-сообществ. Однако в исследованиях фэндомов и фанатов учеными-поклонниками есть свои особенности.

Прежде всего, необходимо прояснить позицию акафанов относительно обоих миров — научного и фанатского. На первый взгляд, как отмечают Кристофари и Гиттон [28, р. 715–716], ученые и фанаты находятся по разные стороны осей «рациональность — эмоциональность», «дистанцирование — вовлеченность», «профессионализм — любительство», «индивидуализм — коллективизм» и т. д., посредством которых обычно конструируются воображаемые различия между ними. Однако полюса этих оппозиций относительно, особенно в социальной науке, где глубокое исследование какого-либо феномена часто требует именно «сближения» и «вовлечения», а сами нормы научности и профессионализма оспариваются и варьируются в разных академических традициях. Кроме того, в каком-то смысле и сами ученые являются фанатами того, что изучают: многие целиком посвящают себя определенной концепции,

⁴ См.: персональный блог Генри Дженкинса [электронный ресурс]. — URL: <https://henryjenkins.org/aboutmehtml> (дата обращения 17.02.2024).

⁵ Organization for Transformative Works — Организация преобразующих работ [электронный ресурс]. — URL: <https://www.transformativeworks.org> (дата обращения 17.02.2024).

теоретику или дисциплине. Уилл Брукер, в частности, уверен, что шекспироведы очарованы Шекспиром, политологи увлечены политикой, а математики влюблены в свои теории и формулы [20, р. 64]. Поэтому понятие «акафан» может быть применимо не только к фан-исследователям, но и к большинству ученых. Таким образом, представители академии могут рассматриваться как фанаты, но также и сами фанаты, по замечанию Брукера, практикуют нечто похожее на науку в своем тщательном анализе и архивной каталогизации [20, р. 65]. Если для Брукера понятие «акафан», скорее, теряет свою различающую ценность, другие фан-исследователи, среди которых Карен Хеллексон, сооснователь первого журнала по изучению фанатов — “Transformative Works and Cultures” (TWC), не видят нужды в его проблематизации [20, р. 64–65].

Несмотря на то что установление четких границ между «научным» и «фанатским» невозможно, гибридный статус акафанов остается данностью, требующей осмысления. По мнению Кристофари и Гиттон [28, р. 718], продуктивнее интерпретировать акафэндом не как нечто среднее между фанатским и научным мирами, а как переходную позицию. Для этого важно понимать, какое место могут занимать акафаны внутри фанатского сообщества. Позиция различных акторов в фэндомах, по Кристофари и Гиттон [28, р. 716–717], может определяться тремя параметрами: (а) объемом знаний о сообществе; (б) вовлеченностью в сообщество и (в) структурой знаний. Акафаны вовлечены в практики фан-комьюнити в большей мере, чем их коллеги-наблюдатели, при этом сохраняя приверженность принципам научного мышления. Однако они не единственные, кто обладает в фэндоме особым знанием, — это также фанаты-эксперты, глубоко осведомленные о самом сообществе и/или объекте его интереса, и фанаты-эрудиты, способные создавать контент на основе академических дискурсов. Отдельную позицию занимают «элитные» фанаты — высокововлеченные участники с большой известностью или привилегированным положением. Акафаны играют важную роль в циркуляции потоков знаний: посредством таких ученых-поклонников фанатское знание передается в академический мир, откуда уже в преобразованном виде может вновь достичь фанатского комьюнити.

Принадлежность акафанов к фан-культуре дает определенные преимущества: они глубоко погружены в изучаемые практики и сообщества, понимают их локальные смыслы, нормы и ценности. Кроме того, привилегированное положение как ученых и фанатов может значительно облегчить получение согласия информантов на интервью или цитирование фанатских текстов. Акафаны знакомы с этикой фэндомов, что позволяет более корректно обращаться с данными, однако в ряде случаев это знание не избавляет исследователей от решения трудных дилемм. Главные сложности, как полагает Кристина Буссе [21, р. 11–12], связаны с двумя моментами: во-первых, считаем ли мы, что изучаем тексты или людей; во-вторых, определяется ли пространство социальных медиа как публичное или приватное.

Первая проблема отчасти обусловлена спецификой интернет-среды, размывающей различия между текстами и взаимодействием людей. При обращении к фанатскому онлайн-творчеству (фанфики, фан-видео, обзоры и т. д.) сталкиваются полярные подходы и императивы: исследование людей требует гарантии анонимности (использования псевдонимов); но исследование текстов как любительских произведений требует указания их авторства и надлежащего цитирования. Обеспечение конфиденциальности очень важно, особенно с учетом того, что многие фанаты не хотели бы раскрытия своих увлечений (порой не одобряемых другими), к тому же значительная часть фан-сообществ действует в нелегитимной зоне — они «присваивают» коммерческие медиапродукты, адаптируя, преобразуя и распространяя их по собственному усмотрению. В то же время не указать авторство фанфикшен, фанатских артов или видео значило бы обесценить эти медиатексты, что для кого-то из фанатов могло бы стать не меньшим вредом, чем «разоблачение».

Вторая проблема связана со слабой дифференциацией личного и публичного в социальных медиа, а также с внутренними нормами фэндомов, которые не всегда прозрачны для внешних исследователей. Хотя многие фан-сообщества находятся в открытом доступе для пользователей социальных сетей, эта открытость обычно не предполагает, что фанатские работы и комментарии предназначены для третьих лиц, которые могут цитировать их, как любой медиаресурс. Фэндомы заинтересованы в своем расширении, но ожидания конфиденциальности по-прежнему достаточно высоки, поэтому нередко фанаты контролируют доступ к своим пространствам [21, р. 12]. Аккаунты отдельных фанатов и групп, где публикуется фан-творчество, могут содержать личную информацию. Добросовестная ссылка на фанатскую работу (и само онлайн-сообщество) может раскрыть персональные данные, которые исследователь должен защищать.

Будучи акафанами и хорошо понимая эти этические коллизии, Кристина Буссе и Карен Хеллексон, основатели журнала “Transformative Works and Cultures”, рекомендовали авторам не использовать в своих научных статьях прямые URL-адреса фанатских блогов (представляя их, например, по частному запросу), а также обязательно получать разрешение на цитирование любого фанатского контента [21, р. 9]. Однако они признают, что зачастую эти требования оказываются трудновыполнимыми: для научного сообщества важно иметь прямой доступ (URL) к приведенному в публикации материалу; добиться у фанатов осознанного согласия на цитирование их работ или дискуссий трудно, а отказ может поставить под угрозу все исследование. При этом личный моральный выбор этих исследователей: «фанаты прежде всего» (“*fans first*”) [ibid.]. Карен Хеллексон считает, что фанаты имеют право «закрыть» любой исследовательский проект, если они его по каким-то причинам не одобряют [20, р. 73]. То есть, если фэндом не желает, чтобы его изучали, ученый должен отступить. Это довольно радикальная позиция, которая, безусловно, не может разделяться всеми

фан-исследователями, но она хорошо проясняет этические ценности наиболее последовательных акафанов.

Что касается трудностей, связанных с потенциальной предвзятостью акафанов, такие риски определенно имеются. Например, акафаны могут исследовать прежде всего те фанатские сообщества и практики, которые близки или интересны им лично, создавая тем самым смещения в репрезентации фанатской культуры. Кроме того, ученым-фанатам может быть сложнее писать о «темных» сторонах фэндомов. Акцентирование деструктивных аспектов фэндомов будет определенным образом поддерживать дискурс патологизации, с которым фан-исследователи боролись долгое время. Тем не менее изучение фэндомов в их конфликтных и «токсичных» проявлениях столь же необходимо, как и «сочувствующие» попытки представить многообразие и креативность фанатских практик. Представители фан-исследований хорошо осознают возможность подобных субъективных смещений [53, р. 126]. При этом, как формулируют Кристофари и Гиттон, «риск потери критической дистанции часто может быть обусловлен не столько близостью к сообществу, сколько желанием оценивать фанатские практики как прогрессивные или реакционные» [28, р. 725]. Но эта бинарная оппозиция, возможно, нерелевантна для такого сложного и массового явления, как фанатство. Фэндом сегодня — не нишевая практика, это повсеместный и повседневный опыт взаимодействия миллионов людей с любимыми культурными образами и историями. Исследовать этот всеобъемлющий и многоликий феномен нужно с разных позиций, и акафэндом — одна из перспектив, способных дать глубокое представление о современной фанатской культуре.

Заключение

Исследования фан-культуры — довольно молодая междисциплинарная область. В ее развитии за прошедшие три десятилетия можно отметить ряд тенденций.

Во-первых, наблюдается движение к мейнстримизации как самого объекта изучения (фанатских практик и фан-сообществ), так и исследовательского направления (*fan studies*). Исследования фэндомов и фанатов обретают видимость и легитимность в академической среде, их публикуют ведущие научные журналы и издательства, они становятся основой университетских курсов.

Во-вторых, текущие дискуссии внутри *fan studies* направлены на переосмысление ключевых понятий («фанаты», «фэндомы», «фанатская субкультура», «акафаны» и др.) и поиск новых интерпретаций и концептов, позволяющих преодолеть ограничения прежних подходов. При этом появляются широкие толкования фанатского опыта, позволяющие рассматривать как фаната практически любого лояльного потребителя.

В-третьих, наряду с заметным расширением тематического спектра и географии фан-исследований происходит их экспансия в смежные

социальные дисциплины. Понимание того, что потребительские сообщества, социальные движения, политические объединения и другие ассоциации функционируют в ряде аспектов подобно фэндомам, актуализирует применение теоретической оптики фан-исследований в этих областях.

В-четвертых, отдельным предметом научной рефлексии становится методология и этика фан-исследований. Пересматривается понимание роли акафанов, обсуждаются различные подходы к решению проблем, связанных со сбором, анализом и публикацией этнографических данных. Поскольку исследования фэндомов можно отнести к категории сенситивных, усилия по минимизации рисков для их участников особенно важны.

Необходимо отметить, что описанные тенденции присущи именно англоязычным *fan studies*, и в них прослеживается определенный западоцентризм. Распространенный тезис о мейнстримизации как фэндомов, так и самой науки о фанатах не в полной мере релевантен для многих регионов (в частности, для России и стран «глобального Юга»). Терпимость к фэндомам, фанатским практикам и, собственно, к самим продуктам поп-культуры, ставшим объектом фанатского интереса, может варьироваться в зависимости от политических режимов, национального менталитета, особенностей правовой и медиасреды. При этом страновая специфика, конечно, не сводится к вопросам толерантности в отношении фан-культуры, проявляясь в самих культурных предпочтениях, фанатском опыте и формах его репрезентации. Хотя сегодня фэндомы становятся глобальными транскультурными онлайн-комьюнити, не стоит недооценивать региональные и локальные факторы. Аналогичным образом и развитие самих *fan studies* в незападных культурах может отчасти определяться этими условиями. В данном контексте *fan studies* как мировая дисциплина должны решать проблему недопредставленности вкладов ученых из неанглоязычного мира, а также пересматривать подходы, ориентированные в большей мере на изучение западных фанатов. Иначе говоря, необходима «деколонизация» *fan studies*, в которой заметную роль могут сыграть и российские исследователи.

На наш взгляд, исследования фан-культуры имеют большие перспективы для дальнейшего развития и в мире, и в России. Как только в общественном и академическом дискурсе исчезает знак равенства между «фанатами» и «фанатиками», распространенность фанатского опыта в любой среде становится более очевидной. Фан-исследования проливают свет на то, как люди что-то любят, причем объект этой привязанности сформирован медиа. Если мы хотим узнать, как разыгрываются «битвы за сердца и умы», что заставляет людей отзываться на определенные идею, событие или персону, как конструируется персональная и социальная идентичность, необходимо обратиться к изучению механизмов фанатской вовлеченности [34, р. 19–23]. Возможно, самый важный вклад фан-исследований состоит в углублении нашего понимания того, как мы формируем эмоциональные связи с самими собой и с другими в медиатизированном социальном мире.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ним Евгения Генриевна — кандидат социологических наук, доцент, Факультет креативных индустрий / Институт медиа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (964) 535-92-65. **Электронная почта:** nimeg@mail.ru

Research Article

EVGENIA G. NIM¹

¹ HSE University.

20, Myasnikskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

THE ELUSIVE FANDOM: THE PROBLEM FIELD OF FOREIGN FAN STUDIES

Abstract: The article is dedicated to an overview of English-language fan studies as an interdisciplinary research area. In particular, it discusses trends in the development of fan studies, various approaches to the conceptualization of fandom and fans, as well as the phenomenon of “aca-fans” and the specifics of research ethics in fan studies. The author traces the complex path of formation and transformation of fan studies into an independent subdiscipline recognized by the academic community. This path is marked by a series of “waves,” which reflect both different approaches to understanding the subject of study and changes in the status of fan studies as such. The spread of fan practices and communities emerging around objects of mass culture contributed to their normalization and mainstreaming. Fan studies also demonstrates changes in its focus: the issue of stigmatization of fans is receding into the background, and fandom analysis in the context of social inequality, participatory culture and media consumption is becoming relevant. Contemporary discussions within fan studies are aimed at rethinking the key notions and searching for new interpretations and concepts that overcome the limitations of previous approaches. One of the main topics of discussion is whether the focus of fan studies is still on the fan community (a tradition started by Henry Jenkins) or whether it also includes individual fans. In addition to revising the concepts and boundaries of the subject field, the article addresses methodological and ethical problems in this area. Particular attention is paid to the position of aca-fans, belonging to both the academia and the fan world. The article also shows how the perspective of fan studies is beginning to be applied in related social science disciplines. Since many communities and movements (political, consumer, cultural, etc.) function in some ways similar to fandom, turning to fan studies theories can deepen our understanding of these phenomena.

Keywords: fan studies; fandoms; fans; participatory culture; online communities; aca-fans.

For citation: Nim, E.G. The Elusive Fandom: The Problem Field of Foreign Fan Studies. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 33–52. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.2

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgenia G. Nim — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Faculty of Creative Industries / Institute of Media, HSE University. **Phone:** +7 (964) 535-92-65. **Email:** nimeg@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Быховская И.М., Люлевич И.Ю.* Фандомы — сообщества цифровой эпохи: гибридная культура в околоспортивном измерении // Социология

власти. 2018. № 2. С. 40–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-2-40-54 EDN: VKAHIC

Bykhovskaya I., Lyulevich I. Fandoms — Communities of the Digital Age: Hybrid Culture in the “NearSports” Dimension. *Sotsiologiya vlasti*. 2018. No. 30. P. 40–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2018-2-40-54 (In Russ.)

2. *Лиджиева А.М.* “Are you Koreans?” — “No, we are Kalmyks!”: развитие танцев “K-pop cover dance” среди молодежи Калмыкии // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 2. С. 337–346. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-337-346 EDN: UATETD

Lidzhieva A. “Are You Koreans?” — “No, We Are Kalmyks!”: The Development of K-Pop Cover Dance among Kalmykia’s Youth Revisited. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 337–346. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-54-2-337-346 (In Russ.)

3. *Пейгина Л.В., Теплякова А.О.* Демократизация процесса производства фанатских видео в контексте культурной логики позднего капитализма // *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*. 2021. № 44. С. 93–109. DOI: 10.17223/22220836/44/8 EDN: FXLBTM

Peigina L.V., Teplyakova A.O. Democratization of the process of fan video production in the context of cultural logic of late capitalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedeniye*. 2021. No. 44. P. 93–109. DOI: 10.17223/22220836/44/8 (In Russ.)

4. *Романенко К.Р.* Трансформация канона, борьба с каноном, пересоздание канона как основания культуры фанфикшна // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6. № 2. С. 168–188. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-168-188 EDN: ACTYIY

Romanenko K.R. The Transformation of the Canon, the Struggle with the Canon, the Re-creation of the Canon as the Basis of Fanfiction Culture. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 2022. Vol. 6. No. 2. P. 168–188. DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-168-188 (In Russ.)

5. *Самутина Н.В.* Японские комиксы манга в России: введение в проблематику чтения // *Новое литературное обозрение*. 2019. Т. 6. № 160. С. 307–321 [электронный ресурс]. Дата обращения 01.06.2024. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21799/#_ftnref1

Samutina N. Japanese manga in Russia: Introduction to research on reading practices. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2019. Vol. 6. No. 160. P. 307–321. Accessed 01.06.2024. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21799/#_ftnref1 (In Russ.) EDN: ACTYIY

6. *Скрипко Ю.К.* Фреймы как структурообразующие единицы коллективной дискурсивной картины мира участника виртуального фан-сообщества // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 421. С. 29–35. DOI: 10.17223/15617793/421/4 EDN: ZHYICR

- Skipko Y.K. Frames as units forming the structure of the collective discursive world view of an internet fan community member. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. No. 421. P. 29–35. DOI: 10.17223/15617793/421/4 (In Russ.)
7. Соколова Н.Л. Популярная культура Web 2.0. К картографии современного медиаландшафта. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. — 204 с.
Sokolova N.L. *Populyarnaya kul'tura Web 2.0. K kartografii sovremennogo medialandshafta*. [Popular culture of Web 2.0: towards a map of the modern media landscape.] Samara: Izd-vo “Samarskii universitet” publ., 2009. 204 p. (In Russ.)
8. Тимошкин Д.О., Пчелкина Д.С., Самарин А.С., Хворостов В.В., Тамилин Р.В. Социальные медиа как механизм (вос)производства миграционных стратегий (на примере цифровых площадок русскоязычных мигрантов в Корею) // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2 EDN: CKREAB
Timoshkin D.O., Pchelkina D.S., Samarin A.S., Khvorostov V.V., Tomilin R.V. Social Media as a Mechanism for developing and reproducing Migration Strategies (using the Example of Digital Platform profiles of Russian-Speaking Migrants in Korea). *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 25–50. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.2 (In Russ.)
9. *A companion to media fandom and fan studies*. Ed. by P. Booth. Hoboken: John Wiley and Sons, Inc., 2018. 584 p.
10. Allen P., Moon D.S. “Huge fan of the drama”: Politics as an object of fandom. *Convergence*. 2023. Vol. 29. No. 6. P. 1502–1516. DOI: 10.1177/13548565231203979 EDN: KVVKKM
11. Andrews P. CS. “Are Di would of loved it”: reanimating Princess Diana through dolls and AI. *Celebrity Studies*. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 573–594. DOI: 10.1080/19392397.2022.2135087
12. *Anti-fandom: Dislike and hate in the digital age*. Ed. by M.A. Click. N.Y.: New York University Press, 2019. 352 p.
13. Athique A. *Transnational audiences: Media reception on a global scale*. Cambridge: Polity Press, 2016. 224 p.
14. Bacon-Smith C. *Enterprising women: Television fandom and the creation of popular myth*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1992. 352 p.
15. Bodet G., Kenyon J.A., Ferrand A. Appetite for or resistance to consumption relationships? A trans-European perspective on the marketisation of football fan relationships. *Journal of Consumer Culture*. 2018. Vol. 18. No. 2. P. 317–335. DOI: 10.1177/1469540517747092
16. Booth P. Augmenting fan/academic dialogue: New directions in fan research. *Journal of Fandom Studies*. 2013. Vol. 1. No. 2. P. 119–137. DOI: 10.1386/jfs.1.2.119_1

17. Booth P. *Digital fandom 2.0: New media studies*. 2nd ed. N.Y.: Peter Lang, 2017. 284 p.
18. Bourdieu P. *Distinction: a social critique of the judgment of taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1984. 613 p.
19. Brooker W. *Why Bowie matters*. N.Y.: William Collins, Harper Collins Publishers, 2019. 240 p.
20. Brooker W., Duffett M., Hellekson K. Fannish identities and scholarly responsibilities: A Conversation. *The Routledge companion to media fandom*. Ed. by S. Scott, M.A. Click. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. P. 63–75. DOI: 10.4324/9781315637518-9
21. Busse K. The ethics of studying online fandom. *The Routledge companion to media fandom*. Ed. by S. Scott, M.A. Click. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. P. 9–18. DOI: 10.4324/9781315637518-3
22. Cavicchi D. *Tramps Like us: Music and Meaning Among Springsteen Fans*. Oxford: Oxford University Press, 1998. 222 p. DOI: 10.1093/oso/9780195118339.001.0001
23. Chen L. *Chinese fans of Japanese and Korean pop culture: Nationalistic narratives and international fandom*. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. 194 p. DOI: 10.4324/9781315414737
24. Chew N. Tumblr as counterpublic space for fan mobilization. *Transformative Works and Cultures*. 2018. Vol. 27. DOI: 10.3983/twc.2018.1186
25. Coppa F. A Brief History of Media Fandom. *Fan Fiction and Fan Communities in the Age of the Internet*. Ed. by K. Hellekson, K. Busse. Jefferson, NC: McFarland, 2006. P. 41–59.
26. Coppa F. Fuck yeah, fandom is beautiful. *Journal of Fandom Studies*. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 73–82. DOI: 10.1386/jfs.2.1.73_1
27. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity Press, 2017. 256 p.
28. Cristofari C., Guitton M.J. Aca-fans and fan communities: An operative framework. *Journal of Consumer Culture*. 2017. Vol. 17. No. 3. P. 713–731. DOI: 10.1177/1469540515623608
29. De Certeau M. *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press, 1984. 256 p.
30. Dean J., Andrews P. Celebritization from Below: Celebrity, Fandom, and Anti-Fandom in British Politics. *New Political Science*. 2021. Vol. 43. No. 3. P. 320–338. DOI: 10.1080/07393148.2021.1957602
31. Duffett M. *Understanding fandom: An introduction to the study of media fan culture*. N.Y.: Bloomsbury, 2013369 p. DOI: 10.5040/9781501388354
32. *Fandom in the classroom practice*. Ed. by K.A. Howell. Iowa City: University of Iowa Press, 2018. 188 p.
33. *Fandom, the next generation*. Ed. by B. Kies, M. Connor. Iowa City: University of Iowa Press, 2022. 252 p.

34. *Fandom: Identities and communities in a mediated world*. 2nd ed. Ed. by J. Gray, C. Sandvoss, C.L. Harrington. N.Y.: New York University Press, 2017. 448 p.
35. Fiske J. The Cultural Economy of Fandom. *The Adoring Audience: Fan Culture and Popular Media*. Ed. by L. Lewis. L.: Routledge, 1992. P. 30–49.
36. Ford S. Fan Studies: Grappling with an ‘Undisciplined’ Discipline. *Journal of Fandom Studies*. 2014. Vol. 2. No. 1. P. 53–71. DOI: 10.1386/jfs.2.1.53_1
37. Galbraith P. W. *Otaku and the struggle for imagination in Japan*. Durham: Duke University Press, 2019. 336 p. DOI: 10.1515/9781478007012
38. *Handbook of research on the impact of fandom in society and consumerism*. Ed. by C. Wang. Hershey: IGI Global, 2020. 605 p.
39. Hannell B. *Feminist fandom: Media fandom, digital feminisms, and Tumblr*. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2024. 218 p. DOI: 10.5040/9798765101797
40. Hills M. From Fan Culture/Community to the Fan World: Possible Pathways and Ways of Having Done Fandom. *Palabra Clave*. 2017. Vol. 20. No. 4. P. 856–883. DOI: 10.5294/pa-cla.2017.20.4.2
41. Jancovich M. Cult fictions: cult movies, subcultural capital, and the production of cultural distinction. *Cultural Studies*. 2002. Vol. 16. No. 2. P. 306–322. DOI: 10.1080/09502380110107607
42. Jenkins H. Fandom, Negotiation, and Participatory Culture. *A companion to media fandom and fan studies*. Ed. by P. Booth. Hoboken: John Wiley and Sons, Inc., 2018. P. 13–26. DOI: 10.1002/9781119237211.ch1
43. Jenkins H. *Textual poachers: Television fans and participatory culture*. N.Y., L.: Routledge, 1992 [2005]. 354 p.
44. Jenkins H. *Fans, bloggers, and gamers: Exploring participatory culture*. N.Y.: New York University Press, 2006. 279 p.
45. Lamerichs N. *Productive fandom: Intermediality and affective reception in fan cultures*. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. 244 p.
46. Linden H., Linden S. *Fans and fan cultures*. L.: Palgrave Macmillan UK, 2017. 234 p. DOI: 10.1057/978-1-137-50129-5
47. Marshall A. Our stories, our selves: Star Wars fanfictions as feminist counter-public discourses in digital imaginaria. *Journal of Fandom Studies*. 2020. Vol. 8. No. 3. P. 277–288. DOI: 10.1386/jfs_00024_1
48. Mueller H. *The politics of fandom: Conflicts that divide communities*. Jefferson, NC: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2022. 223 p.
49. Penley C. Feminism, Psychoanalysis and the Study of Popular Culture. *Cultural Studies*. Ed. by L. Grossberg, C. Nelson, P. Treichler. N.Y., L.: Routledge, 1992. P. 479–501.
50. *Public relations and online engagement: Audiences, fandom and influencers*. Ed. by A.L. Hutchins, N.T.J. Tindall. N.Y., L.: Routledge, 2021. 88 p.
51. Samutina N. Emotional landscapes of reading: fan fiction in the context of contemporary reading practices. *International Journal of Cultural Studies*. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 253–269. DOI: 10.1177/1367877916628

52. Stanfill M. *Exploiting fandom: How the media industry seeks to manipulate fans*. Iowa: University of Iowa Press, 2019. 262 p.
53. Stanfill M. Introduction: The Reactionary in the Fan and the Fan in the Reactionary. *Television & New Media*. 2020. Vol. 21. No. 2. P. 123–134. DOI: 10.1177/1527476419879912
54. Stepanov B. “If I forget anything at all, it’s unlikely the stars will accept us ...”: sci-fi fan communities, post-Soviet nostalgia and contemporary cinematic experience. *Studies in Russian and Soviet Cinema*. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 70–90. DOI: 10.1080/17503132.2020.1871191
55. *The Adoring audience: Fan culture and popular media*. Ed. by L.A. Lewis. L.: Routledge, 1992. 256 p.
56. *The Ashgate research companion to fan cultures*. Ed. by L. Duits, K. Zwaan, S. Reijnders. Farnham: Ashgate Publishing, Ltd., 2014. 320 p.
57. *The fanfiction reader: Folk tales for the digital age*. Ed. by F. Coppa. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2017. 304 p.
58. *The Korean Wave: Evolution, fandom, and transnationality*. Ed. by T.-J. Yoon, D.Y. Jin. Lanham: Lexington Books, 2017. 300 p.
59. *The Routledge companion to media fandom*. Ed. by S. Scott, M.A. Click. L.: Routledge, Taylor & Francis Group, 2018. 480 p.
60. Williams R. *Theme park fandom: Spatial transmedia, materiality and participatory cultures*. Amsterdam: Amsterdam University Press. 260 p. DOI: 10.5117/9789462982574
61. Yodovich N. *Women negotiating feminism and science fiction fandom: The case of the “good” fan*. Berlin: Springer International Publ., 2022. 192 p. DOI: 10.1007/978-3-031-04079-5

Статья поступила в редакцию: 20.02.2024; поступила после рецензирования и доработки: 31.05.2024; принята к публикации: 05.06.2024.

Received: 20.02.2024; revised after review: 31.05.2024; accepted for publication: 05.06.2024.

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.3

EDN: FULCSW

А.А. МИРОНОВА¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

РОДСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ КАК ФАКТОР СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ¹

Аннотация. Данное исследование посвящено следующим вопросам: насколько пожилые люди вовлечены в обмен помощью со своим социальным окружением, как оказание (получение) финансовой и инструментальной помощи детям (от детей) связано с субъективным благополучием пожилых людей? Исследование основано на данных Национального исследования старшего поколения (НИСП) 2021 г. Анализ данных проводился с использованием множественной регрессии. Для дескриптивного анализа были отобраны респонденты в возрасте 60 лет и старше. Выборка составила 1782 респондента. Для регрессионного анализа отбирались пожилые люди в возрасте от 60 лет и старше, у которых есть дети (1536 респондентов). Было установлено, что практически каждый пятый пожилой человек получает помощь от лиц, не живущих в домохозяйстве, в работе по дому или работе с документами. Около 20% пожилых сами выступали донорами практической помощи, а примерно четверть — оказывали финансовую помощь или дарили крупные подарки другим людям. Сами пожилые несколько реже оказывались в роли получателей финансовой помощи или крупных подарков от других людей. Основная часть обмена помощью происходит между пожилыми людьми и их детьми. Исследование показало, что получение инструментальной помощи от детей отрицательно связано с удовлетворенностью жизнью пожилых людей. В то же время получение финансовой помощи от детей оказалось положительно связанным с уровнем удовлетворенности жизнью людей старшего возраста. Причем получение такой помощи важно в первую очередь для матерей, а также для пожилых родителей, испытыва-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

ющих проблемы со здоровьем. Связь между удовлетворенностью жизнью и оказанием финансовой или инструментальной помощи детям не достигла статистической значимости.

Ключевые слова: родственная помощь; удовлетворенность жизнью; субъективное благополучие; люди старшего возраста; старение населения.

Для цитирования: Миронова А.А. Родственная помощь как фактор субъективного благополучия пожилых людей // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 53–81. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.3 EDN: FULCSW

Введение

На фоне старения населения люди старшего возраста становятся все более заметной социальной группой, что усиливает актуальность изучения проблем, связанных с их благополучием. На поздних этапах жизненного цикла человек, как правило, сталкивается с изменением социального статуса в связи с прекращением трудовой деятельности и, как следствие, с сокращением социальных контактов и снижением материальной обеспеченности. Уязвимость положения людей старшего возраста также обусловлена усилением проблем со здоровьем и связанным с этим ощущением беспомощности. В этой связи включенность в обмен помощью с родственниками может выступать фактором, способствующим сглаживанию негативных эффектов, возникающих на поздних этапах жизненного цикла. В то же время нельзя исключать возможность того, что вовлеченность пожилых в обмен родственной помощью может не оказывать существенного влияния на их субъективное благополучие или даже снижать его.

Данное исследование ставит задачу проанализировать масштабы вовлеченности пожилых людей в обмен родственной помощью и оценить характер связи между такой вовлеченностью и их субъективным благополучием.

Анализ опыта имеющихся исследований

В условиях старения населения, когда численность и доля пожилых в общей структуре населения неуклонно растут, повышается актуальность исследований, сфокусированных на пожилых людях в целом и на факторах их благополучия в частности. Было показано, что счастливые люди, как правило, лучше справляются с трудностями, имеют более стойкий иммунитет и живут дольше, чем люди, которые несчастны [29].

Благополучие представляет собой глобальную оценку качества жизни человека в соответствии с социальными и индивидуальными критериями [5]. Один из традиционных подходов к измерению благополучия — его субъективная оценка. Субъективное благополучие можно определить как когнитивную и аффективную оценку человеком своей жизни в целом, включая частоту и степень переживания приятных эмоций и степень удовлетворенности жизнью [19]. Базовыми

составляющими субъективного благополучия являются удовлетворенность жизнью (когнитивная компонента) и счастье (эмоциональная компонента) [12].

Качество социальных отношений является одним из важнейших предикторов субъективного благополучия [18]. Люди, имеющие устойчивые социальные связи, чаще чувствуют себя счастливыми, чем те, кто испытывает трудности с социальным окружением. Это может быть связано с тем, что люди с налаженными социальными связями имеют большую возможность получить поддержку в случае необходимости по сравнению с теми, кто не имеет крепких социальных связей. При этом не только сам факт получения поддержки, а даже возможность рассчитывать на нее положительно сказывается на субъективном благополучии индивида [37].

При анализе результатов существующих исследований о связи между родственной поддержкой и субъективным благополучием пожилых людей мы рассматривали те из них, которые затрагивают как само субъективное благополучие, так и связанные с ним показатели.

Имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что поддержка между поколениями тесно связана с ментальным благополучием пожилых людей, в том числе с удовлетворенностью жизнью, а также с субъективным благополучием и ощущением одиночества [16; 28; 39]. На примере Китая было показано, что взаимная поддержка между поколениями в семье играет более важную роль с точки зрения субъективного благополучия пожилых людей, чем социальная поддержка вне семьи [33].

В китайском исследовании 2001–2006 гг. на панельных данных было показано, что получение пожилыми женщинами финансовой поддержки от детей отрицательно связано с ростом самооценки здоровья (*subjective health*²) этих женщин, в то время как оказание пожилыми отцами финансовой поддержки своим детям имеет положительную связь с ростом самооценки здоровья [27]. Что касается инструментальной помощи, то на панельных данных было продемонстрировано, что для пожилых людей (в первую очередь для мужчин), не испытывающих существенных проблем со здоровьем, частое получение практической помощи от ближайшего окружения (в том числе от детей) связано с более высокими рисками возникновения ограничений в повседневной активности (*activities of daily living disability*) и ухудшения их психологического здоровья (*psychological functioning*) в будущем [35]. В другом исследовании также отмечается, что зачастую для поддержания своего благополучия пожилым предпочтительнее оказывать поддержку, нежели получать ее [42].

² Субъективная оценка здоровья может рассматриваться как разновидность обусловленного здоровьем субъективного благополучия и в этом смысле входит в фокус внимания в рамках данного исследования. Исследования показывают, что статус здоровья индивида положительно связан с уровнем его субъективного благополучия (см, например: [34]).

Возможно, это связано с тем, что пожилые люди, которые получают материальную или инструментальную помощь от детей, воспринимают это как обременение детей собой, поэтому испытывают негативные чувства. Исследования показывают, что отрицательная связь между получением помощи и субъективным благополучием может быть опосредована другими факторами [36]. В частности, получение помощи может быть связано с наступлением негативных событий в жизни получателя помощи — например, возникновение проблем со здоровьем или финансовых трудностей (так называемая «гипотеза мобилизации поддержки») [20]. Кроме этого, получение помощи со стороны других людей может пробуждать у ее реципиента чувство потери самостоятельности [26] и ощущение долга перед донором [30]. В исследовании Ли и соавторов [24] было установлено, что получение помощи от детей положительно связано с депрессивным состоянием у родителей. Авторы объясняют это тем, что получение помощи от детей может восприниматься родителями как потеря независимости в пожилом возрасте.

Напротив, оказание пожилыми помощи своим детям способствует интеграции пожилого человека в семью, укрепляет родственные отношения и благотворно отражается на субъективном благополучии пожилого человека [21]. Оказание поддержки другим людям придает индивиду ощущение собственной полезности [41] и повышает самооценку донора помощи [44]. Независимо от того, насколько значительна оказываемая помощь, донор может испытывать положительные эмоции от осознания своей возможности влиять на жизнь других людей [40].

Несмотря на то что проблема взаимосвязи между включенностью в обмен родственной помощью и субъективным благополучием пожилых людей достаточно разработана в зарубежных исследованиях, результаты по данной теме являются противоречивыми и существенно зависят от социокультурного контекста конкретной страны, а также от методики, используемой при исследовании. Встречаются различные подходы к определению концептов «помощь» и «субъективное благополучие». Прежде всего, в исследованиях родственная помощь, как правило, подразделяется на финансовую и помощь в виде услуг. Также рассматриваются разные направления обменов родственной помощью — от пожилых родителей к взрослым детям и от взрослых детей к пожилым родителям. Кроме этого, родственная помощь может рассматриваться как агрегированная категория, включающая широкий круг участников обмена помощью (супруги, дети, внуки и другие родственники), или ограничиваться отдельными типами родственных связей (например, обмены между пожилыми родителями и взрослыми детьми).

Так, исследование, основанное на данных независимой ассоциации информационных технологий SHERE, показало что получение регулярной неформальной помощи связано с более высоким субъективным благополучием среди пожилых людей в странах Северной Европы

и с более низким субъективным благополучием среди пожилых в странах Южной Европы [14]. В этом исследовании неформальная помощь определяется как услуги по уходу и помощь по выполнению повседневных дел — Activities of Daily Living (ADL) и Instrumental Activities of Daily Living (IADL), при этом круг лиц, оказывающих данную помощь, не ограничивается конкретными категориями доноров. Субъективное благополучие пожилых людей в данном случае оценивается через призму качества жизни и базируется на концепции пирамиды А. Маслоу. В другом исследовании, основанном на данных Китая, отмечается, что получение помощи от детей положительно связано с субъективным благополучием родителей [16]. При этом данный положительный эффект опосредован удовлетворенностью родителей отношениями со своими детьми. Субъективное благополучие измеряется в данном исследовании через призму психологического благополучия. Родственная помощь включает три измерения: финансовая помощь, практическая помощь в виде услуг по уходу и помощи по выполнению повседневных дел (ADL и IADL), эмоциональная поддержка [16].

В российском дискурсе отмечается недостаток работ по изучаемой теме. Некоторые отечественные исследования посвящены анализу роли пожилых людей в системе родственных обменов помощью, однако родственная помощь в них рассматривается в первую очередь как механизм преодоления бедности и социальной уязвимости [3; 6; 8]. Исследователи приходят к общему выводу, что родственный поток финансовой помощи в семье направлен от старшего поколения к младшему, то есть пожилые люди продолжают оставаться донорами финансовой поддержки для своих взрослых детей и внуков. При этом отмечается, что ближайшие родственники (супруги или дети) являются главными действующими лицами в обеспечении инструментальной и функциональной поддержки пожилых.

Автор настоящей статьи не встречала российские исследования, которые непосредственно сосредоточены на изучении взаимосвязи между включенностью в родственные обмены и субъективным благополучием в старшем возрасте. В то же время данная проблематика затрагивается в том или ином виде в работах, посвященных вопросам удовлетворенности жизнью. На данных Европейского социального исследования автором было показано, что на уровень счастья лиц старшего возраста положительно влияет как неформальная (контакты с друзьями и родственниками), так и формальная (волонтерская деятельность) социальная активность. При этом более существенный вклад в повышение уровня счастья вносит именно неформальная социальная активность [11]. В исследованиях Института социологии РАН отмечается, что люди, которые считают хорошими свои отношения в семье и с друзьями, имеют высокие показатели удовлетворенности жизнью [9; 13]. Н.В. Андрееenkova констатирует, что формальные

и неформальные социальные связи объясняют около 15% вариации удовлетворенности жизнью в России [1]. Наиболее существенная роль отводится частоте социального общения и восприятию взаимоотношений с людьми как честных и справедливых. В исследовании, основанном на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), было показано, что оценки уровня счастья россиян связаны с частотой встреч с родственниками и друзьями, возможностью близкого духовного общения и с чувством одиночества [7]. Так как с возрастом круг общения постепенно сужается, чувство одиночества усиливается, что мешает пожилым людям ощущать себя счастливыми [2].

Фокус данного исследования направлен на изучение того, насколько пожилые люди вовлечены в обмен помощью со своим социальным окружением, а также как оказание (получение) финансовой и инструментальной помощи детям (от детей) связано с субъективным благополучием пожилых людей.

На основе результатов исследований по другим странам можно предположить, что в России:

- получение финансовой/инструментальной помощи от детей отрицательно связано с субъективным благополучием пожилых людей (*гипотеза 1*);
- оказание финансовой/инструментальной помощи детям положительно связано с субъективным благополучием пожилых людей (*гипотеза 2*).

Женщины и мужчины по-разному проявляют себя в межпоколенных обменах с детьми и внуками [17; 22]. В частности, на данных по европейским странам было показано, что мужчины чаще являются донорами финансовых трансфертов для детей и внуков, в то время как женщины выступают ключевыми донорами практической помощи по уходу и присмотру за детьми и внуками [22]. Согласно исследованию по данным Южной Кореи, позиции отцов и матерей в трансфертных обменах с детьми различаются также с точки зрения получаемой от детей помощи. Так, было продемонстрировано, что одинокие, не состоящие в браке пожилые отцы получают значительно меньше поддержки от детей, чем одинокие матери. Отцов реже навещают и меньше помогают им финансово [32]. В связи с этим мы предполагаем, что:

- характер взаимосвязи между включенностью в межпоколенные обмены с детьми и удовлетворенностью жизнью будет различным для отцов и матерей (*гипотеза 3*).

Значимым дифференцирующим фактором характера связи между включенностью в обмен родственной помощью с детьми и удовлетворенностью жизнью родителей может выступать состояние здоровья родителей. Это связано с тем, что пожилые люди, имеющие проблемы

со здоровьем, могут чувствовать себя обузой для детей, которые вынуждены им помогать, что может негативно отражаться на удовлетворенности жизнью. Если у пожилых людей нет существенных проблем со здоровьем и помощь детей не является вынужденной необходимостью, она может восприниматься родителями по-другому. В этом случае получение помощи от детей будет иметь более положительный эмоциональный окрас в глазах родителей. В связи с этим мы предполагаем, что:

— характер взаимосвязи между включенностью в межпоколенные обмены с детьми и удовлетворенностью жизнью будет варьировать в зависимости от субъективной оценки здоровья пожилых родителей (*гипотеза 4*).

Методика исследования

Исследование основано на данных Национального исследования старшего поколения в России (НИСП) 2021 г. Инициатором проведения НИСП является Научный центр мирового уровня (НЦМУ) «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала», а полевые работы проводил Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) [4]. Генеральной совокупностью выступало наличное население Российской Федерации в возрасте 50 лет и старше (без верхней границы по возрасту), а также супруги или партнеры этих людей, проживающие в том же домохозяйстве, любого возраста. В опрос включались люди, проживающие в частном жилье, независимо от гражданства, национальности, языка или каких-либо других факторов. Размер выборки составил 3033 человека. Данные собирались методом компьютеризированного опроса с использованием планшетов. Опрос проводился с октября по декабрь 2021 г. Цель исследования: определить общую характеристику здоровья, образа и условий жизни россиян старших возрастов.

Был использован множественный регрессионный анализ. Для дескриптивного анализа были отобраны респонденты в возрасте 60 лет и старше, который, как правило, используется в качестве нижней границы пожилого возраста (*mental health and older adults*). Выборка включает 1782 респондента. Для регрессионного анализа отбирались пожилые люди в возрасте от 60 лет и старше, у которых есть дети (1536 респондентов).

В рамках линейного регрессионного анализа в качестве зависимой переменной, измеряющей субъективное благополучие пожилого человека, выступает степень удовлетворенности жизнью, которая определяется на основе следующего вопроса анкеты: «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» Шкала ответов: от 0 (совершенно не удовлетворен) до 10 (полностью удовлетворен).

В качестве независимых выступали следующие переменные:

1) финансовая помощь:

- получение финансовой помощи от детей (на основе вопроса анкеты: «Ваш ребенок оказывал Вам финансовую помощь?» (0 — нет, 1 — да);
- оказание финансовой помощи детям (на основе вопроса анкеты «Вы оказывали финансовую помощь детям?» (0 — нет, 1 — да);

2) инструментальная помощь:

- получение инструментальной помощи (на основе вопроса: «Помогает ли Вам кто-либо из людей, не живущих с Вами, в работе по дому или работе с документами? Кто именно (ребенок)?» (0 — нет, 1 — да);
- оказание инструментальной помощи (на основе вопроса: «Приходилось ли Вам помогать кому-либо из людей, живущих с Вами, в течение последних 12 месяцев с работой по дому или в работе с документами? Кому именно (ребенку)?» (0 — нет, 1 — да).

Выбор независимых переменных обусловлен задачами исследования, а также возможностями той базы данных, на которой оно основано.

В качестве контрольных использовались следующие переменные:

- возраст³;
- пол (1 — мужчина, 2 — женщина);
- статус занятости (1 — занят, 0 — не занят);
- тип населенного пункта (1 — город, 2 — село);
- уровень образования (1 — начальное и ниже, 2 — среднее профессиональное / специальное, 3 — высшее, в том числе после-вузовское);
- наличие партнера в домохозяйстве (0 — нет партнера в домохозяйстве, 1 — есть партнер в домохозяйстве);
- суммарный денежный доход из всех источников в среднем в месяц в 2021 г. после вычета налогов (руб.);

³ Так как на основе имеющихся исследований (см., например: [43; 15]) и по результатам дескриптивного анализа было показано, что зависимость между возрастом и степенью удовлетворенности жизнью среди пожилых людей имеет U-образную форму, в регрессионном анализе возраст учитывался в формате двух переменных: возраст и возраст в квадрате. Включение возраста в регрессионный анализ в данном формате является в подобных случаях оправданным и используется в других исследованиях (см., например: [11]).

- самооценка здоровья (на основе вопроса анкеты: «Как бы Вы оценили Ваше здоровье в настоящее время?» (1 — отличное, 5 — плохое).

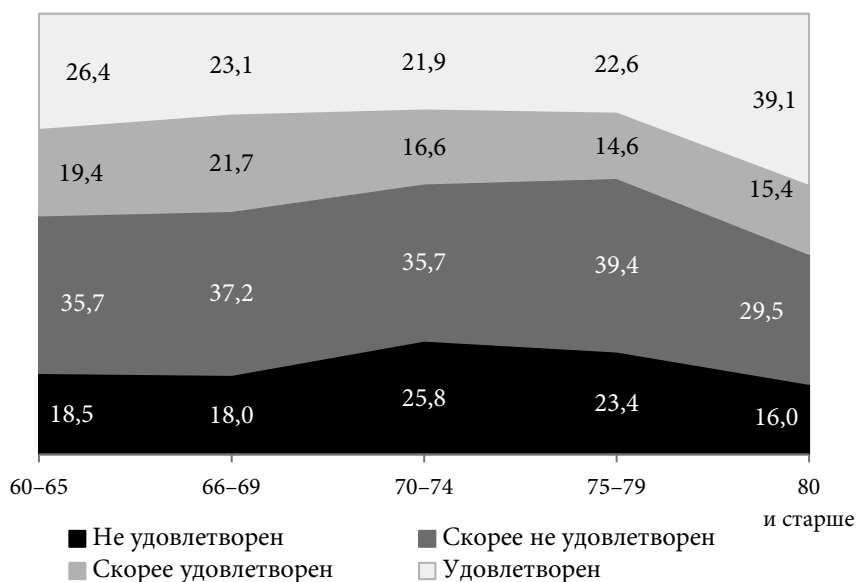
Контрольные переменные отбирались на основе представления о том, какие социально-демографические характеристики из доступных в используемой базе данных могут оказывать существенное влияние на вариацию показателя удовлетворенности жизнью. Если исходить из результатов исследований по данным других стран, пол, возраст, уровень образования, наличие партнера, самооценка здоровья, уровень финансовой обеспеченности, наличие занятости и тип поселения выступают значимыми факторами, определяющими уровень субъективного благополучия пожилых людей [14]. Предполагаем, что на российских данных указанные контрольные переменные также будут выступать важными предикторами удовлетворенности жизнью среди пожилых людей. Учет этих переменных в качестве контрольных позволит получить более точную оценку связи между степенью удовлетворенности жизнью и включенностью в обмен родственной помощью, «очищенную» от влияния контрольных переменных.

В таблице Приложения представлены описательные статистики используемых в анализе переменных. Около трети респондентов, попавших в выборку исследования, принадлежат к возрастной группе от 60 до 65 лет. Немногим более 50% респондентов относятся к группе от 66 до 74 лет. Остальные — в возрасте 75 лет и старше. Среди отобранных респондентов женщин заметно больше, чем мужчин. Подавляющее большинство имеют среднюю степень удовлетворенности жизнью (скорее удовлетворены, чем не удовлетворены) и среднюю удовлетворенность здоровьем. Большая часть респондентов проживают в городе и не заняты на рынке труда. Лишь около трети пожилых, вошедших в выборку, проживают вместе с партнером (супругом). Наиболее часто встречающийся уровень образования по выборке — среднее профессиональное / специальное образование. Среднемесячный доход более половины респондентов составляет менее 30 тыс. руб. Респонденты, которые включены в обмен родственной помощью с детьми (получают от детей или оказывают им финансовую/инструментальную помощь), находятся в меньшинстве.

Результаты исследования

Результаты дескриптивного анализа

Степень удовлетворенности жизнью среди пожилых людей постепенно снижается по мере перехода к более старшим возрастам вплоть до 80 лет (рис. 1). В группе от 80 лет и старше, напротив, наблюдается ощутимый прирост уровня удовлетворенности жизнью. Так, для людей этого возраста данный уровень самый высокий среди других возрастных групп.

Примечание. Различия значимы на уровне $p \leq 0,001$.

Рис. 1. Степень удовлетворенности жизнью среди пожилых людей по возрастным группам

Источник: Расчеты автора по данным НИСП, 2021 г.

По данным опроса НИСП, 19,1% пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше⁴ получают инструментальную (практическую) помощь в виде различных услуг от лиц, не живущих в домохозяйстве (в работе по дому или в работе с документами). Ключевыми донорами такой помощи для пожилых людей являются дети (53,8%). Около 15% среди доноров практической помощи пожилым составляют соседи. Заметную роль также играют внуки (9,4%) и друзья (6,6%). Социальные работники и домработницы составляют лишь 4,4% от общего числа помогающих.

Пожилые люди не только принимают, но и оказывают инструментальную помощь другим. В оказание практической помощи другим вовлечено 18,9% пожилых людей (рис. 2) Получателями такой помощи от пожилых чаще всего являются соседи (33,3%) и дети (17,5%). Также нередко таковыми оказываются друзья (14,8%) и братья с сестрами (11,7%). 8,4% получателей помощи пожилых составляют родители и 5,6% — коллеги (бывшие коллеги) по работе.

⁴ В описании к рисункам 2–4 за 100% берется совокупность пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше, ответивших на вопросы о получении/оказании помощи. В описании к рисунку 5 за 100% взята совокупность пожилых людей в возрасте от 60 лет и старше в целом, так как приведенные переменные конструируются из разных вопросов анкеты, каждый из которых имеет свое число пропущенных значений.

Рис. 2. Включенность пожилых в обмен инструментальной и финансовой помощью, %

Обратимся к анализу включенности пожилых в обмен финансовой помощью с другими людьми (рис. 2). 22,6% пожилых людей оказывали другим финансовую помощь или дарили им подарки на сумму от 10 тыс. руб. В подавляющем большинстве случаев получателями такой помощи выступали дети (49,3%) и внуки (28,5%). Около 16% пожилых сами являлись получателями подобной помощи. Примерно в 70% случаев донорами финансовой помощи или подарков (на сумму от 10 тыс. руб.) выступали дети. Также заметную долю (7,7%) среди доноров подобной помощи составляют друзья и коллеги. Об оказании финансовой помощи детям сообщили 18,4% респондентов, о получении финансовой помощи от детей — 11,6%.

Среди тех пожилых, кто имеет ограничения в самообслуживании или повседневной деятельности, необходимую практическую помощь от членов домохозяйства получают 60,7%. В подавляющем большинстве случаев (68,6%) эта помощь оказывается всегда, когда есть необходимость (рис. 3).

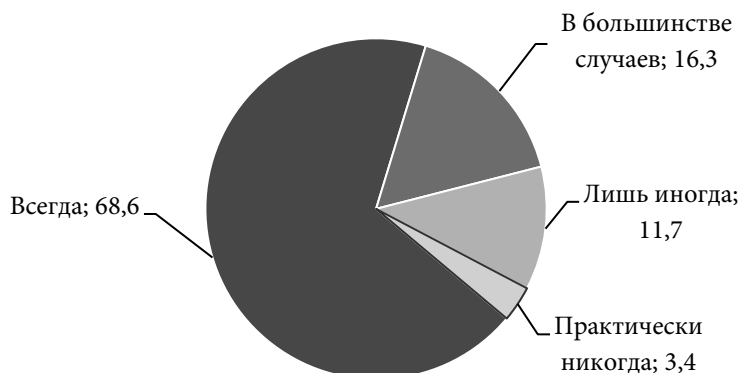

Рис. 3. Включенность пожилых, имеющих ограничения в самообслуживании или повседневной деятельности, в получение практической помощи от членов домохозяйства, %

Около трети пожилых людей (31,2%) заняты присмотром за внуками. Примерно 30% из них делают это почти каждый день. Еще около 30% пожилых заняты присмотром за внуками практически каждую неделю. 19,4% пожилых занимаются внуками каждый месяц (рис. 4).

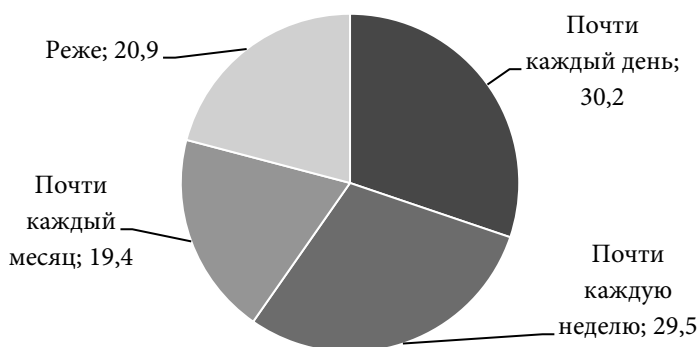

Рис. 4. Включенность пожилых в присмотр за внуками, %

13,5% людей в возрасте от 60 лет и старше получали инструментальную помощь и не получали финансовую. Еще 11,7% пожилых, наоборот, имели материальную поддержку и не имели практической. Одновременно и ту и другую помощь получали лишь 3,1% пожилых. В роли тех, кто оказывал финансовую помощь и не оказывал инструментальную, выступали 15,4% пожилых людей. Несколько меньше (11,3%) тех, кто, напротив, помогал практически и не помогал финансово. Почти 6% пожилых были донорами одновременно и инструментальной и финансовой помощи для своих близких (рис. 5).

Рис. 5. Включенность пожилых в обмен инструментальной и финансовой помощью, %

Что касается степени удовлетворенности жизнью в зависимости от включенности в обмены финансовой и инструментальной помощью с детьми, то можно отметить некоторое преобладание более высоких оценок удовлетворенности жизнью среди тех, кто помогал детям финансово или получал от них помощь подобного рода. Так, низкую удовлетворенность жизнью (менее 4 баллов из 10) имеют 20,8% пожилых людей, не помогающих детям материально, в то время как среди помогающих данный показатель составил 14,9%. Одновременно с этим среди помогающих пожилых людей выше доля тех, кто имеет высокую степень удовлетворенности жизнью (более 6 баллов из 10): 40,9% среди помогающих пожилых людей и 34,3% среди не помогающих. Аналогичная ситуация наблюдается в зависимости от получения финансовой помощи от детей. Не удовлетворенных жизнью (менее 4 баллов из 10) среди получающих финансовую помощь от детей — 13,5%, среди не получающих ее — 21,5%, а удовлетворенных (более 6 баллов из 10) — 41,7% и 34% соответственно. В распределении ответов пожилых о степени их удовлетворенности жизнью в зависимости от включенности в обмен инструментальной помощью с детьми четко выраженной закономерности не наблюдается.

Результаты регрессионного анализа

Согласно результатам регрессионного анализа, факт получения финансовой помощи от детей значимо положительно связан с уровнем

удовлетворенности жизнью пожилого человека (табл. 1⁵). Таким образом, пожилые люди, которые получают денежную помощь от детей, чувствуют себя более удовлетворенными жизнью по сравнению с теми, кто не получает подобную помощь.

Таблица 1

Результаты регрессионного анализа связи между удовлетворенностью жизнью и получением денежной помощи от детей

Переменные	Модель 1		Модель 2	
	B	SE	B	SE
<i>Контрольные переменные:</i>				
возраст	−0,44*	0,19	−0,44*	0,19
возраст ²	0,003**	0,001	0,003**	0,001
пол	0,51**	0,18	0,47**	0,18
тип поселения	0,47**	0,17	0,51*	0,17
уровень образования	−0,11	0,11	−0,15	0,11
наличие занятости	0,08	0,22	0,09	0,22
наличие партнера в домохозяйстве	−0,03	0,11	−0,05	0,11
логарифм дохода	1,06***	0,16	1,03***	0,16
самооценка здоровья	−0,96***	0,11	−0,94***	0,10
<i>Предиктор:</i>				
получение финансовой помощи от детей			0,73***	0,20
Константа	11,56	7,3	11,84	7,2
R ²	0,12		0,13	
N	1536			

Примечания (здесь и далее во всех таблицах):
*** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p \leq 0,001$;
** — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p \leq 0,01$,
* — статистическая значимость коэффициентов на уровне $p \leq 0,05$.
Модели значимы на уровне $p < 0,001$.

⁵ Среди рассмотренных контрольных переменных статистически значимую связь с удовлетворенностью жизнью имеют возраст, пол, тип поселения, доход и состояние здоровья по субъективной оценке. Зависимость между возрастом и удовлетворенностью жизнью имеет квадратичный характер: до определенного возраста по мере перехода к более старшим возрастам удовлетворенность жизнью снижается, после этого связь между возрастом и удовлетворенностью жизнью становится положительной. Принадлежность к женскому полу и проживание в сельской местности связаны с более высоким уровнем удовлетворенности жизнью. Чем выше уровень дохода и лучше состояние здоровья, тем выше удовлетворенность жизнью.

Характер взаимосвязи между получением финансовой помощи от детей и удовлетворенностью жизнью разнится в зависимости от половой принадлежности родителя. Для мужчин получение финансовой помощи от детей оказалось незначимо с точки зрения связи с удовлетворенностью жизнью. У женщин наблюдается значимая положительная связь между этими показателями (табл. 2).

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа связи между удовлетворенностью жизнью и получением денежной помощи от детей в зависимости от половой принадлежности родителя

Переменные	Мужчины		Женщины	
	B	SE	B	SE
<i>Контрольные переменные:</i>				
возраст	-0,53	0,42	-0,38	0,22
возраст ²	0,004	0,003	0,003	0,002
тип поселения	0,08	0,30	0,72***	0,20
уровень образования	-0,08	0,19	-0,17	0,13
наличие занятости	0,18	0,35	-0,03	0,29
наличие партнера в домохозяйстве	-0,01	0,16	-0,09	0,14
логарифм дохода	0,95***	0,28	1,07***	0,19
самооценка здоровья	-1,12***	0,17	-0,81***	0,13
<i>Предиктор:</i>				
получение финансовой помощи от детей	-0,09	0,41	1,07***	0,23
Константа	17,09	15,46	9,31	8,25
R ²	0,14		0,14	
N	542		994	

Связь между удовлетворенностью жизнью и получением денежной помощи от детей также варьирует в зависимости от состояния здоровья пожилого человека (табл. 3). Для тех, кто оценивает свое здоровье как хорошее, получение финансовой помощи от детей не имеет значимой связи с удовлетворенностью жизнью. Для оценивающих свое здоровье как удовлетворительное или плохое получение финансовой помощи от детей значимо положительно связано с уровнем удовлетворенности жизнью.

Согласно результатам регрессионного анализа, оказание финансовой помощи детям не имеет значимой связи с удовлетворенностью жизнью пожилых людей. Это было зафиксировано как на всей выборке, так и в разрезе отдельных групп по состоянию здоровья (табл. 4, 5).

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа связи между удовлетворенностью жизнью и получением денежной помощи от детей в зависимости от субъективной оценки здоровья

Переменные	Хорошее здоровье		Удовлетворительное здоровье		Плохое здоровье	
	B	SE	B	SE	B	SE
возраст	–0,60	0,61	–0,18	0,26	–1,05*	0,47
возраст ²	0,005	0,004	0,001	0,001	0,01*	0,003
пол	0,59	0,32	0,51*	0,24	–0,37	0,65
тип поселения	0,75*	0,37	0,33	0,21	1,09*	0,49
уровень образования	–0,19	0,22	–0,24	0,14	0,31	0,33
наличие занятости	0,06	0,38	0,12	0,28	–0,48	0,94
наличие партнера в домохозяйстве	–0,03	0,19	–0,11	0,13	0,73	0,41
логарифм дохода	1,36***	0,31	0,96***	0,20	0,64	0,58
получение финансовой помощи от детей	–0,03	0,41	0,86***	0,25	1,71**	0,66
Константа	10,39	21,30	0,38	9,62	–1,05	0,47
R ²	0,10		0,07		0,18	
N	378		946		209	

Таблица 4

Результаты регрессионного анализа связи между удовлетворенностью жизнью и оказанием денежной помощи детям

Переменные	Модель 1		Модель 2	
	B	SE	B	SE
<i>Контрольные переменные:</i>				
возраст	–0,44*	0,19	–0,44*	0,19
возраст ²	0,003**	0,001	0,003**	0,001
пол	0,51**	0,18	0,51**	0,18
тип поселения	0,47**	0,17	0,47**	0,17
уровень образования	–0,11	0,11	–0,11	0,11
наличие занятости	0,08	0,22	0,08	0,22
наличие партнера в домохозяйстве	0,05	0,21	0,05	0,21
логарифм дохода	1,06***	0,16	1,05***	0,16
самооценка здоровья	–0,95***	0,10	–0,95***	0,10

Окончание таблицы 4

Переменные	Модель 1		Модель 2	
	B	SE	B	SE
<i>Предиктор:</i>				
оказание финансовой помощи детям			0,05	0,20
Константа	11,48	7,22	11,53	7,23
R ²	0,12		0,12	
N	1536			

Обращает внимание тот факт, что по мере ухудшения здоровья меняется и набор факторов, имеющих значимую связь с удовлетворенностью жизнью (табл. 5, 6). Если для пожилых людей с хорошим и удовлетворительным здоровьем среди учтенных факторов наиболее существенную связь с удовлетворенностью жизнью имеет доход, то для пожилых с плохим здоровьем доход не имеет значимой связи с удовлетворенностью жизнью. Для них значимыми факторами оказались возраст, тип поселения и наличие партнера в домохозяйстве.

Таблица 5

Результаты регрессионного анализа связи между удовлетворенностью жизнью и оказанием денежной помощи детям в зависимости от субъективной оценки здоровья

Переменные	Оценка здоровья					
	хорошее		удовлетворительное		плохое	
	B	SE	B	SE	B	SE
возраст	−0,60	0,61	−0,19	0,26	−1,09*	0,48
возраст ²	0,005	0,005	0,002	0,002	0,01*	0,003
пол	0,56	0,32	0,56*	0,24	−0,33	0,66
тип поселения	0,69	0,37	0,30	0,21	1,07*	0,50
уровень образования	−0,22	0,22	−0,21	0,14	0,47	0,33
наличие занятости	−0,03	0,39	0,16	0,28	−0,74	0,96
наличие партнера в домохозяйстве	−0,05	0,19	−0,11	0,14	0,85*	0,41
логарифм дохода	1,33***	0,31	0,97***	0,21	0,99	0,58
оказание финансовой помощи детям	0,44	0,39	0,06	0,25	−0,59	0,66
Константа	11,23	21,21	0,64	9,69	27,73	19,99
R ²	0,10		0,06		0,11	
N	378		946		209	

Получение инструментальной помощи от детей оказалось значимо отрицательно связано с удовлетворенностью жизнью среди пожилых людей (табл. 6).

Таблица 6

Результаты регрессионного анализа связи между удовлетворенностью жизнью и получением инструментальной помощи от детей

Переменные	Модель 1		Модель 2	
	B	SE	B	SE
<i>Контрольные переменные:</i>				
возраст	1,02	0,54	1,03*	0,54
возраст ²	−0,01	0,004	−0,01	0,004
пол	0,60	0,44	0,67	0,43
тип поселения	0,80	0,42	0,70	0,41
уровень образования	−0,42	0,26	−0,44	0,26
наличие занятости	0,63	0,45	0,56	0,45
наличие партнера в домохозяйстве	0,73	0,48	0,21	0,54
логарифм дохода	1,02*	,35	1,27***	0,37
самооценка здоровья	−1,11***	,22	−1,03***	0,22
<i>Предиктор:</i>				
оказание инструментальной помощи детям			−0,99*	0,46
Константа	−38,21	20,28	−40,73*	20,16
R ²	0,18		0,20	
N	285			

Статистически значимой связи между оказанием детям инструментальной помощи и удовлетворенностью жизнью среди пожилых людей обнаружено не было. Связь между получением/оказанием инструментальной помощи и удовлетворенностью жизнью пожилых людей не анализировалась в разрезе более мелких групп (по субъективной оценке состояния здоровья и по полу родителя) в связи с ограниченным числом наблюдений по обмену инструментальной помощью.

Обсуждение результатов исследования и выводы

Выдвинутые гипотезы подтвердились частично. Согласно результатам исследования:

— связь между получением помощи от детей и субъективным благополучием пожилых людей разнится в зависимости от типа получаемой помощи. Вопреки нашим ожиданиям, получение финансовой помощи от детей оказалось положительно связано с субъективным

благополучием пожилых людей. В то же время, как мы и ожидали, получение инструментальной помощи от детей имеет значимую отрицательную связь с удовлетворенностью жизнью пожилых людей;

— предположение о положительной связи между оказанием помощи детям (финансовой или инструментальной) и субъективным благополучием пожилых людей не подтвердилось, так как данные по результатам эмпирического анализа не достигли статистической значимости;

— как и ожидалось, характер взаимосвязи между включенностью в межпоколенные обмены с детьми и удовлетворенностью жизнью различается для отцов и матерей. В частности, для отцов получение финансовой помощи от детей не имеет значимой связи с удовлетворенностью жизнью, а в случае с матерями обнаруживается значимая положительная связь между этими показателями;

— как и предполагалось, в зависимости от субъективной оценки здоровья пожилых родителей разнится характер взаимосвязи между их включенностью в межпоколенные обмены с детьми и удовлетворенностью жизнью. Получение финансовой помощи от детей значимо влияет на удовлетворенность жизнью именно пожилых людей, которые оценивают свое здоровье как удовлетворительное или плохое.

Проведенное исследование показало, что степень удовлетворенности жизнью среди пожилых людей нелинейно зависит от возраста. Вплоть до 80 лет наблюдается постепенное снижение удовлетворенности жизнью по мере перехода к более старшим возрастным группам. Возраст 80 лет является переломной точкой: после него отмечается значительный рост удовлетворенности жизнью. U-образная форма зависимости между удовлетворенностью жизнью и возрастом среди пожилых подтверждается и в других исследованиях (см., например: [15; 43]).

Согласно результатам исследования, пожилые люди довольно активно включены в обмен помощью со своим социальным окружением. Было установлено, что практически каждый пятый из них получает помощь от лиц, не живущих в домохозяйстве, в работе по дому или в работе с документами. Около 20% пожилых сами выступали донорами практической помощи другим людям. Примерно четверть пожилых оказывали финансовую помощь или дарили крупные подарки другим, а около трети — заняты присмотром за внуками. Сами пожилые несколько реже оказывались в роли получателей финансовой помощи или крупных подарков.

Довольно активная включенность пожилых людей в родственные обмены помощью может объясняться тем, что на поздних этапах жизненного цикла взаимодействие с семьей может выступать для пожилых компенсаторным механизмом потерь, сопровождающих человека

в старости (в том числе в связи со снижением социальной активности из-за прекращения трудовой деятельности) [10].

Как и предполагалось, получение инструментальной помощи от детей отрицательно связано с субъективным благополучием пожилых людей. Это может объясняться тем, что получение такой помощи от детей может выступать маркером неблагополучия пожилых (например, когда потребность в инструментальной помощи от детей возникает в связи с появлением функциональных ограничений, обусловленных состоянием здоровья). Исследования показывают, что частое получение пожилым человеком инструментальной поддержки от родственников сильно связано с наличием у него ограничений в повседневной деятельности из-за проблем со здоровьем [35]. С этой точки зрения вынужденное получение инструментальной помощи может расцениваться пожилым человеком как потеря независимости и самостоятельности, что имеет негативные последствия для его субъективного благополучия [14].

Кроме этого, было показано, что для пожилых родителей, получающих инструментальную помощь от детей, важно чувствовать, что они тоже могут чем-то быть полезными для них (например, могут оказать им материальную помощь или присматривать за внуками). Если пожилой человек ощущает невозможность помочь в ответ на получаемую поддержку, то это негативно сказывается на его субъективном благополучии [25].

В то же время вопреки нашим ожиданиям получение финансовой помощи от детей оказалось положительно связанным с уровнем удовлетворенности жизнью людей старшего возраста. Причем получение такой помощи важно в первую очередь для матерей, а также для пожилых родителей, испытывающих проблемы со здоровьем. Это согласуется с результатами других исследований, согласно которым поддержка со стороны детей приобретает важность для пожилых родителей, особенно когда появляются проблемы со здоровьем и функциональные ограничения [38].

Возможно, это связано с тем, что пожилые женщины, а также люди старшего возраста, испытывающие проблемы со здоровьем, являются более уязвимыми с точки зрения рисков бедности, в связи с чем позитивный эффект от получения финансовой помощи со стороны детей может перекрывать негативный эффект от ощущения своей зависимости. Имеющиеся исследования подтверждают, что пожилые женщины чаще пожилых мужчин выражают озабоченность своим здоровьем и финансовым положением, в связи с чем финансовая поддержка от детей более значима для них [21].

При этом в исследованиях по данным других стран (в частности, по Китаю) показано, что, как и в случае с инструментальной помощью, для пожилых родителей, получающих финансовую помощь от детей,

важно оказывать ответную помощь им, то есть должна обеспечиваться взаимность обмена [23]. Например, при получении от детей финансовой помощи можно помогать им в присмотре за внуками или в работе по хозяйству. Авторы исследования отмечают, что именно реципрокность обмена является важным условием положительной связи между получением финансовой помощи от детей и субъективным благополучием пожилых людей.

Связь между удовлетворенностью жизнью и оказанием финансовой или инструментальной помощи детям не достигла статистической значимости. Это, вероятно, объясняется тем, что оказание помощи детям может быть не только и не столько индикатором того, что родители еще полны сил и в состоянии ее оказывать. Напротив, оказание финансовой или инструментальной помощи детям может быть обусловлено потребностями последних в получении таковой. В случае острой необходимости пожилые родители, даже не располагая существенными ресурсами, могут помогать своим детям, что описано в других исследованиях в рамках «гипотезы мобилизации поддержки» [20]. С этой точки зрения, связь оказания помощи детям с субъективным благополучием пожилых людей может быть неоднозначной.

Ограничения исследования

Ввиду отсутствия возможности оценить размер оказываемой/получаемой финансовой помощи, обусловленного ограничениями используемой базы данных, в рамках настоящего исследования не проводились оценки связи между получением/оказанием такой помощи и субъективным благополучием в разрезе размера получаемой помощи. В то время как размер оказываемой/получаемой финансовой помощи и его вклад в бюджет получателя / доля в бюджете донора могут выступать важными дифференцирующими факторами в контексте связи получения/оказания помощи с удовлетворенностью жизнью.

Несмотря на то что в регрессионном анализе тип населенного пункта учитывался как контрольная переменная, в данном исследовании мы не рассматривали различия в региональной специфике обменов родственной помощью (в том числе с точки зрения проживания в городской и сельской местности). В то же время поселенческая и региональная принадлежность могут обуславливать специфичность родственных обменов в целом и связи между включенностью пожилых людей в эти обмены и их субъективным благополучием.

Другое ограничение настоящего исследования связано с использованием исключительно количественных методов анализа, что не позволяет выйти за пределы тех возможностей, которые продиктованы используемой базой данных. Применение качественных методов анализа (в том числе глубинных интервью) в дальнейших исследованиях по данной проблеме позволило бы расширить представление о связи между

включенностью пожилых в родственные обмены и их субъективным благополучием и рассмотреть данный феномен с разных сторон.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица

Частотные распределения используемых в анализе переменных, %

Пол	
Мужской	36,1
Женский	63,9
Итого	100,0
Возраст (лет)	
60–65	31,2
66–69	24,9
70–74	26,6
75–79	8,0
80 и старше	9,3
Итого	100,0
Уровень образования	
Начальное образование и ниже	20,2
Среднее профессиональное/ специальное	45,3
Высшее, в том числе послевузовское	34,5
Итого	100,0
Статус занятости	
Занят	16,4
Не занят	83,6
Итого	100,0
Наличие партнера в домохозяйстве	
Есть партнер	30,3
Нет партнера	69,7
Итого	100,0
Денежный доход (руб.)	
Менее 20 000	36,9
20 000–30 000	28,6
30 000–50 000	20,4
более 50 000	14,1
Итого	100,0

Самооценка здоровья	
Хорошее здоровье	25,8
Удовлетворительное здоровье	60,7
Плохое здоровье	13,5
Итого	100,0
Тип населенного пункта	
Город	74,5
Село	25,5
Итого	100,0
Удовлетворенность жизнью	
Не удовлетворен (0–3)	20,4
Скорее удовлетворен (4–6)	44,6
Удовлетворен	34,9
Итого	100,0
Получение финансовой помощи от детей	
Получал	12,7
Не получал	87,3
Итого	100,0
Оказание финансовой помощи детям	
Помогал	14,0
Не помогал	86,0
Итого	100,0

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронова Анна Алексеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Центр комплексных исследований социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (916) 764-14-56. **Электронная почта:** nusa13@rambler.ru

Research Article

ANNA A. MIRONOVA¹

¹ HSE University.

20, Myasnitskaya Str., 101000, Moscow, Russian Federation.

FAMILY ASSISTANCE AS A FACTOR IN THE SUBJECTIVE WELL-BEING OF THE ELDERLY

Abstract. This study is devoted to analyzing the extent to which older people are involved in aid exchange with their social environment. We also analyze how providing (receiving) financial and instrumental assistance to children (from children) is correlated with the

subjective well-being of older people. The study is based on data from the National Survey of the Older Generation (NISP) 2021. Data analysis was carried out using multiple regressions. Respondents aged 60 years and up were selected for descriptive analysis. The sample consisted of 1782 respondents. For regression analysis we selected elderly people aged 60 years and up who had children (1536 respondents). Our analysis shows that almost one in 5 elderly people receives assistance from other people with household chores or document related work. About 20% of the elderly take it upon themselves to provide practical assistance to other people. Approximately 25% of older people provided financial assistance or gave expensive gifts to other people. The elderly themselves were somewhat less likely to be recipients of financial assistance or expensive gifts from other people. The bulk of the aid exchange takes place between older people and their children. It was found that receiving instrumental assistance from children had a negative association with life satisfaction among the elderly. At the same time, receiving financial assistance from children was positively associated with the level of life satisfaction among older people. Furthermore, receiving financial assistance from children is important primarily for mothers, as well as elderly parents who have health problems. The relationship between life satisfaction and the provision of financial or instrumental assistance to children did not reach statistical significance.

Keywords: family assistance; life satisfaction; subjective well-being; elderly people; population aging.

For citation: Mironova, A.A. Family Assistance as a Factor in the Subjective Well-Being of the Elderly. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 53–81. 10.19181/socjour.2024.30.2.3

Acknowledgments: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna A. Mironova — Candidate of Sociological Sciences, Research Fellow, Centre for comprehensive social policy studies, HSE University. **Phone:** +7 (916) 764-14-56. **Email:** nusa13@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Андрееenkova Н.В.* Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и определяющих ее факторов // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2010. № 5. С. 189–215. EDN: QZPZNF
Andreenkova N.V. Comparative analysis of life satisfaction and its determinants. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2010. No. 5. P. 189–215. (In Russ.)
2. *Воронин Г.Л., Захаров В.Я., Козырева П.М.* Одинокие пожилые: доживают или активно живут? // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3. С. 32–55. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5992 EDN: YAVJQD
Voronin G.L., Zakharov V.Ya., Kozyreva P.M. Lonely old aged: surviving or living an active life? *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2018. Vol. 24. No. 3. P. 32–55. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.3.5992 (In Russ.)

3. Денисенко М.Б. Роль государства и семьи в экономической поддержке пожилых людей в России // Население и доход / Под ред. А.А. Саградова. М.: Диалог, 2001. С. 35–48.

Denisenko M.B. The role of the state and family in economic support for older people in Russia. *Naselenie i dokhod*. [Population and income.] Ed. by A.A. Sagradov. Moscow: Dialog publ., 2001. P. 35–48. (In Russ.)

4. Исследования НЦМУ: Европейское исследование здоровья, старения и траекторий жизни на пенсии (SHARE; Национальное исследование старшего поколения в России — НИСП) // Национальное исследование старшего поколения в России [электронный ресурс]. Дата обращения 12.01.2024. URL: <http://sophist.hse.ru/db/survey02.shtml>

NCMU research: Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe. *Natsional'noe issledovanie starshego pokoleniya v Rossii — NISP*. [National study of the older generation in Russia.] Accessed 12.01.2024. URL: <http://sophist.hse.ru/db/survey02.shtml> (In Russ.)

5. Иванкина Л.И. Благополучие и проблема устойчивого развития общества // Векторы благополучия: экономика и социум. 2015. № 2 (17). С. 92–99. EDN: ULXOZL

Ivankina L.I. Well-being and the problem of sustainable development of society. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 2015. No. 2 (17). P. 92–99. (In Russ.)

6. Иванова Е.И. Пожилой человек в сельской местности: родственные связи и межпоколенные трансферты // Социальная политика: реалии XXI века. Выпуск 1. М.: НИСП, 2003. С. 135–164.

Ivanova E.I. An elderly person in a rural area: family ties and intergenerational transfers. *Sotsial'naya politika: realii XXI veka*. [Social policy: realities of the 21st century.] Iss. 1. Moscow: NISP publ., 2003. P. 135–164. (In Russ.)

7. Козырева П.М., Низамова А.Э., Смирнов А.И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66–76. EDN: VSLWWF

Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Happiness and its Determinants (Pt. 2). *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 1. P. 66–76. (In Russ.)

8. Краснова О.В. Пожилые женщины в семье в условиях большого города // Психология зрелости и старения. 1999. № 3. С. 41–69.

Krasnova O.V. Elderly women in a family in a big city. *Psikhologiya zrelosti i stareniya*. 1999. No. 3. P. 41–69. (In Russ.)

9. Латова Н.В. Удовлетворенность россиян жизнью во время кризиса: 2015 — год бифуркации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 16–37. DOI: 10.14515/monitoring.2016.3.02 EDN: XDGOOJ

Latova N.V. Russian satisfaction with life during the crisis: 2015 as a year of bifurcation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2016. No. 3. P. 16–37. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.02> (In Russ.)

10. Пьянова Н.А., Гурова Е.В. К вопросу о личностных ресурсах и психологическом благополучии у лиц пожилого возраста // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019. С. 135–139. EDN: GWAUSS
P'yanova N.A., Gurova E.V. On the issue of personal resources and psychological well-being in elderly people. *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki*. [Social psychology: questions of theory and practice.] Moscow: FGBOU VO MGPPU publ., 2019. P. 135–139. (In Russ.)
11. Синявская О.В., Червякова А.А., Карева Д.Е. Помогающие и счастливые? Влияние социальной активности на счастье людей старше 50 лет в европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 237–258. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12 EDN: JQDDWR
Sinyavskaya O.V., Chervyakova A.A., Kareva D.E. Happy helpers? The impact of social activity on the levels of happiness among people aged 50 and over in the European countries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2019. No. 6. P. 237–258. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.12 (In Russ.)
12. Татарова Г.Г., Кученкова А.В. Показатели субъективного благополучия как типобразующие признаки // Социологические исследования. 2016. № 10. Р. 21–32. EDN: NSAODB
Tatarova G.G., Kuchenkova A.V. Indicators of subjective well-being as type-forming characteristics. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2016. No. 10. P. 21–32. (In Russ.)
13. Тихонова Н.Е. Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // Общественные науки и современность. 2015. № 3. С. 19–33 EDN: UBHMGX
Tikhonova N.E. Russians' life satisfaction: dynamics and factors. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2015. No. 3. P. 19–33. (In Russ.)
14. Abramowska-Kmon A., Łatkowski W., Rynko M. Informal Care and Subjective Well-Being among Older Adults in Selected European Countries. *Ageing International*. 2023. Vol. 48. No. 4. P. 1163–1189. DOI: 10.1007/s12126-023-09521-0
15. Blanchflower D.G., Oswald A.J. Is well-being U-shaped over the life cycle? *Social science & medicine*. 2008. Vol. 66. No. 8. P. 1733–1749. DOI: 10.1016/j.socscimed.2008.01.030
16. Chen X., Silverstein M. Intergenerational social support and the psychological well-being of older parents in China. *Research on aging*. 2000. Vol. 22. No. 1. P. 43–65. DOI: 10.1177/0164027500221003
17. Cox D. Private transfers within the family: mothers, fathers, sons and daughters. *Working Papers in Economics*. 2003. Accessed 09.03.2024. URL:

- chrome-extension://efaidnbmninnbpcapjpcgiclfndmkaj/https://dlib.bc.edu//islandora/object/bc-ir:103184/datastream/PDF/view
18. Diener E., Seligman M.E.P. Very happy people. *Psychological science*. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 81–84. DOI: 10.1111/1467-9280.00415
 19. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Subjective well-being: The science of happiness and life satisfaction. *The handbook of positive psychology*. Ed. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. 2nd ed. N.Y.: Oxford University Press, 2009. P. 187–194. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780195187243.013.0017
 20. Dunbar M., Ford G., Hunt K. Why is the receipt of social support associated with increased psychological distress? An examination of three hypotheses. *Psychology and health*. 1998. Vol. 13. No. 3. P. 527–544. DOI: 10.1080/08870449808407308
 21. Ghuman S., Ofstedal M.B. Gender and family support for older adults in Bangladesh. *Population Studies Center, University of Michigan*, 2004. Accessed 19.01.2024. URL: <https://www.psc.isr.umich.edu/pubs/rr04-563de49.pdf?i=908685848784154962559509913&f=rr04-563.pdf>
 22. Hammer B., et al. The gender dimension of intergenerational transfers in Europe. *The Journal of the Economics of Ageing*. 2020. Vol. 15. Accessed 15.02.2024. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2212828X19301215?casa_token=z0y2kWTPzPAAAAA:Lflzqv7q9tUjr76n6KTecrEGv6XcPoNHy_5vbYynC2OyRia_CzLW3hvhQqiAz0T-V2JxUwJZHAQT
 23. Ko P.C., Möhring K. Chipping in or crowding-out? The impact of pension receipt on older adults' intergenerational support and subjective well-being in rural China. *Journal of Cross-Cultural Gerontology*. 2021. Vol. 36. P. 139–154. DOI: 10.1007/s10823-020-09422-8
 24. Lee G.R., Netzer J.K., Coward R.T. Depression among older parents: The role of intergenerational exchange. *Journal of Marriage and the Family*. 1995. Vol. 57. P. 823–833. DOI: 10.2307/353935
 25. Leopold T., Raab M. Short-term reciprocity in late parent-child relationships. *Journal of Marriage and Family*. 2011. Vol. 73. No. 1. P. 105–119. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2010.00792.x
 26. Lepore S.J., Glaser D.B., Roberts K.J. On the positive relation between received social support and negative affect: a test of the triage and self-esteem threat models in women with breast cancer. *Psycho-Oncology*. 2008. Vol. 17. No. 12. P. 1210–1215. DOI: 10.1002/pon.1347
 27. Li S., Song L., Feldman M.W. Intergenerational support and subjective health of older people in rural China: A gender-based longitudinal study. *Australasian Journal on Ageing*. 2009. Vol. 28. No. 2. P. 81–86. DOI: 10.1111/j.1741-6612.2009.00364.x
 28. Liu Q. Intergenerational relations and life happiness of the elder men in China. *South China Population*. 2014. Vol. 29. No. 4. P. 35–46.

29. Lyubomirsky S., Sheldon K.M., Schkade D. Pursuing happiness: The architecture of sustainable change. *Review of general psychology*. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 111–131. DOI: 10.1037/1089-2680.9.2.111
30. Marroquín B. Interpersonal emotion regulation as a mechanism of social support in depression. *Clinical psychology review*. 2011. Vol. 31. No. 8. P. 1276–1290. DOI: 10.1016/j.cpr.2011.09.005
31. Mental health and older adults. *World health organization*. Accessed 19.01.2024. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-of-older-adults>
32. Park C. Why do children transfer to their parents? Evidence from South Korea. *Review of Economics of the Household*. 2014. Vol. 12. P. 461–485. DOI: 10.1007/s11150-012-9173-6
33. Peng H., Mao X., Lai D. East or West, home is the best: Effect of intergenerational and social support on the subjective well-being of older adults: A comparison between migrants and local residents in Shenzhen, China. *Ageing International*. 2015. Vol. 40. No. 4. P. 376–392. DOI: 10.1007/s12126-015-9234-2
34. Ryff C.D. Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia. *Psychotherapy and psychosomatics*. 2014. Vol. 83. No. 1. P. 10–28. DOI: 10.1159/000353263
35. Seeman T.E., Bruce M.L., McAvay G.J. Social network characteristics and onset of ADL disability: MacArthur studies of successful aging. *The Journals of Gerontology Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 1996. Vol. 51. No. 4. P. 191–200. DOI: 10.1093/geronb/51B.4.S191
36. Seidman G., Shrout P.E., Bolger N. Why is enacted social support associated with increased distress? Using simulation to test two possible sources of spuriousness. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. Vol. 32. No. 1. P. 52–65. DOI: 10.1177/0146167205279582
37. Siedlecki K.L., et al. The relationship between social support and subjective well-being across age. *Social indicators research*. 2014. Vol. 117. No. 2. P. 561–576. DOI: 10.1007/s11205-013-0361-4
38. Silverstein M., Bengtson V.L. Does intergenerational social support influence the psychological well-being of older parents? The contingencies of declining health and widowhood. *Social science & medicine*. 1994. Vol. 38. No. 7. P. 943–957. DOI: 10.1016/0277-9536(94)90427-8
39. Silverstein M., Cong Z., Li S. Intergenerational transfers and living arrangements of older people in rural China: Consequences for psychological well-being. *The Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences and Social Sciences*. 2006. Vol. 61. No. 5. P. 256–266. DOI: 10.1093/geronb/61.5.S256
40. Sommer K.L., Bourgeois M.J. Linking the perceived ability to influence others to subjective well-being: A need-based approach. *Social Influence*. 2010. Vol. 5. No. 3. P. 220–244. DOI: 10.1080/15534510903513860

41. Taylor J., Turner R.J. A longitudinal study of the role and significance of mat-
tering to others for depressive symptoms. *Journal of Health and Social Behavior*.
2001. Vol. 42. P. 310–325. DOI: 10.2307/3090217
42. Thomas P. A. Is it better to give or to receive? Social support and the well-being
of older adults. *Journals of Gerontology Series. B: Psychological Sciences and
Social Sciences*. 2010. Vol. 65. No. 3. P. 351–357. DOI: 10.1093/geronb/gbp113
43. Van Landeghem B. A test for the convexity of human well-being over the
life cycle: Longitudinal evidence from a 20-year panel. *Journal of Economic
Behavior & Organization*. 2012. Vol. 81. No. 2. P. 571–582. DOI: 10.1016/j.
jebo.2011.08.001
44. Williamson G.M., Clark M.S. Providing help and desired relationship type as
determinants of changes in moods and self-evaluations. *Journal of personality
and social psychology*. 1989. Vol. 56. No. 5. P. 722. DOI: 10.1037//0022-
3514.56.5.722

Статья поступила в редакцию: 15.02.2023; поступила после рецензирования
и доработки: 27.04.2024; принята к публикации: 31.05.2024.

Received: 15.02.2023; revised after review: 27.04.2024; accepted for publication:
31.05.2024.

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.4

EDN: GAFXXW

А.А. ТЕРНИКОВ¹, Д.А. ШЕВЕЛЕВА¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

194100, Санкт-Петербург, ул. Кантемировская, д. 3, корп. 1.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ НА РЫНКЕ ТРУДА: ПОИСК ИСТОЧНИКОВ КОНФЛИКТА

Аннотация. Классические подходы к категоризации конфликтов, используемые в области социальных наук, зачастую не адаптированы к контексту рынка труда, поскольку находятся вне рамок экономических теорий. Насколько нам известно, в настоящее время ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не существует концептуальной систематизации конфликтов, возникающих в процессе найма. Такая систематизация позволила бы объединить факторы конфликтов на пересечении экономических, социологических теорий и теорий конфликтов. В статье предложена категоризация, основанная на наиболее значимых теориях конфликта, а также рассмотрены типы конфликтов, которые могут возникать в процессе трудоустройства на рынке труда. Авторская категоризация сгруппирована по участникам рынка (стороны спроса и предложения) и по типам конфликтов (системные и несистемные конфликты). Выделены четыре основных источника конфликта: рыночный механизм и зарплатные ожидания (системные конфликты); ценности компании и человеческий капитал (несистемные конфликты). Политика конкретной компании и ожидания соискателей по поводу конкретной вакансии относятся к несистемным конфликтогенным факторам, они зависят от ценностей компании и человеческого капитала. Системные факторы конфликтов, такие как соответствие спроса и предложения и зарплатные ожидания, определяются рыночными механизмами, объективными и предсказуемыми экономическими процессами. Социологические теории конфликтов обычно исключаются из вышеуказанного контекста, что может привести к необъективному изображению макроэкономических процессов. Предложенная в статье категоризация позволяет на раннем этапе определить источник конфликта и потенциально снизить нежелательный эффект от него.

Ключевые слова: конфликтогенные факторы; спрос и предложение; рынок труда; категоризация конфликтов; зарплатные ожидания соискателей; ценностные установки работодателей; человеческий капитал.

Для цитирования: Терников А.А., Шевелева Д.А. Спрос и предложение на рынке труда: поиск источников конфликта // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.4 EDN: GAFXW

Введение

Современная нестабильная экономическая ситуация в Российской Федерации является объектом пристального внимания со стороны исследователей [61]. Действительно, в последние годы наблюдается значительная турбулентность, связанная с цифровизацией общества, ситуативным увеличением спроса на кадры в отдельных областях промышленности и экономики, снижением уровня жизни, инфляционными процессами и другими факторами [51; 52; 62; 64]. Рынок труда как составляющая часть общих экономических процессов подвержен этой турбулентности в наибольшей степени, в связи с чем увеличивается и число факторов, приводящих к конфликтным ситуациям.

В данном исследовании не будем рассматривать конфликты между работодателем и работником внутри компании, а также проблематику функционирования институтов регуляции рынков, хотя очевидно, что, например, политика в сфере трудоустройства может быть ограничена текущим политическим курсом государства, а юридические нормы могут меняться [30; 40; 41]. Также важно, что мы не рассматриваем внутренний рынок труда, поскольку информация о таких вакансиях не распространяется в открытом доступе. Акцент делается на другом: на том, что независимо от краткосрочности конфликта, возникающего между работодателем и соискателем, это важная составляющая часть функционирования рынка труда в целом.

Также в исследовании выделяем понятие конфликтного фактора (противоречия между участниками) как составляющей части конфликта, предшествующей острой фазе. Например, инфляционные процессы, характерные для неустойчивой экономики, снижают минимальную отметку оплаты труда по конкретным вакансиям. Речь идет о наиболее незащищенных и маргинализированных вакансиях: менеджеры низшего звена, обслуживающий персонал. Возникновение такой ситуации само по себе является конфликтным фактором, ведущим к снижению удовлетворенности профессией [23], а также к неэффективной реализации человеческого капитала (здесь имеются в виду ожидания в контексте развития общества и несоответствие этих ожиданий реальности) [59].

В частности, удовлетворенность населения имеющимися агрегаторами на рынке вакансий низкая, о чем свидетельствуют как аналитические материалы самих сайтов-агрегаторов, так и большое количество конфликтных ситуаций на рынке¹. Кроме того, в большинстве

¹ In-Depth Analysis of the Labour Market Relevance and Outcomes of Higher Education Systems: Analytical Framework and Country Practices Report,

крупных компаний существует «закрытый рынок труда» [55], предназначенный для подготовки кадров на некоторые внутренние позиции компании. Вакансии по этим позициям почти никогда не попадают в общедоступный (внешний) рынок труда, а соискатели «со стороны» могут претендовать только на низшие позиции или на те, которые не требуют специальной подготовки / специальных знаний, умений и навыков (ЗУН). Кандидаты на определенные позиции из внешнего рынка труда обычно рассматриваются как нелояльные, что также может повлечь снижение их потенциальной заработной платы. Это отчасти связано с тем, что компании в нестабильное время не всегда готовы платить соискателям конкурентную заработную плату, особенно если рассматриваются соискатели, нашедшие вакансию именно через Интернет.

Хотелось бы обратить внимание на другой аспект: многочисленные примеры показывают, что на микроэкономическом уровне большое количество конфликтов связаны преимущественно с тем, что предложение превышает спрос². Число резюме обычно превышает число вакансий, и если вернуться к финансовой составляющей конфликтности рынка труда, то на уровне конкретной компании или учреждения вакансия будет закрыта при любой ее стоимости. При этом срок закрытия вакансии, ресурс ее заполнения и квалификация соискателя могут не отвечать требованиям компании, что является также конфликтогенным фактором [53].

Традиционно рынок труда в западной экономической социологии рассматривался с отвлеченно-теоретической точки зрения [46; 48; 54]. Предполагалось, что рыночная система взаимоотношений между работодателями и соискателями не является конфликтогенной сама по себе при условии успешного функционирования общественных и государственных институтов, а также норм, призванных ее регулировать [17; 22]. В связи с этим большинство исследователей рассматривали теоретические аспекты конфликтов на рынке труда без привязки к конкретным конфликтогенным ситуациям. В последние десятилетия ситуация немного изменилась в связи с возрастающим интересом к исследованиям, посвященным проблемам людей с ОВЗ и мигрантов [4; 15; 16; 18; 24], а также к гендерным исследованиям [7; 10; 47; 50]. Однако отметим, что в приведенных работах не предлагаются ни методики по снижению уровня конфликтности, ни классификации конфликтов. Эти работы ставят своей целью обратить внимание на проблематику, а также конкретизировать возможные источники кон-

Enhancing Higher Education System Performance // OECD. Paris. 2017. — URL: <https://www.oecd.org/education/skills-beyond-school/LMRO%20Report.pdf> (дата обращения 15.04.2024).

² Jütersonke O. C., Kobayashi K. Employment and Decent Work in Fragile Settings: A Compass to Orient the World of Work. 2015. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_467329.pdf (дата обращения 15.04.2024).

фликтов. Систематизация конфликтов как таковых на рынке труда все еще остается перспективным направлением исследований. В данной статье предлагается авторская категоризация конфликтов на рынке труда, а также намечаются пути для дальнейших исследований.

Теоретические и методологические основы исследования

С методологической точки зрения для анализа конфликтогенных ситуаций на рынке труда в литературе применяются как сугубо теоретические подходы, так и подходы, основанные на анализе эмпирических данных. Например, среди последних встречаются методы математического моделирования и теоретико-игровые модели, методы, сопряженные с анализом данных социологических опросов и интервью, а также исследования кейсов [27; 49; 57]. Несмотря на многообразие исследований и теоретических концепций, посвященных анализу процесса найма на рынке труда, тематика определения и категоризации конфликтных ситуаций остается недостаточно изученной. Насколько известно, на данный момент ни в отечественной, ни в зарубежной литературе не представлена концептуальная систематизация конфликтов, возникающих в процессе найма, которая бы объединяла конфликтогенные факторы на стыке экономических, социологических и конфликтологических теорий. В настоящей работе систематизируются наиболее значимые социологические и экономические концепции, представляющие глубокий теоретический анализ процессов, происходящих как в целом в обществе, так и на рынке труда.

В XX в. активное развитие получила социологическая теория конфликта. С середины столетия появляется позитивный взгляд на конфликт как социальный конструкт в работах Л. Козера, Д. Норта и других исследователей [8; 14; 31; 35; 36]. Примечательно, что позитивные социальные функции конфликта начинают рассматриваться в связи с конфликтом как неотъемлемой частью сосуществования людей в обществе. Подходы классической западной конфликтологии также применимы к большинству социальных конфликтов. Например, предложенные М. Дойчем [36] и Р. Дарендорфом [35] методы анализа конфликта достаточно универсальны. В российских конфликтологических исследованиях такой универсальный (обезличенный) подход получил развитие в работах А. Зайцева, а также других исследователей конца XX в. [5; 6; 19]. При этом экономическая составляющая в конфликтах зачастую нивелируется, а акцент делается на социологии конфликта в целом [9]. Мы считаем, что анализ экономических процессов в России необходимо развивать в направлении объединения классической методологии конфликтологии (которая зачастую рассматривает конфликты безотносительно их динамики и не учитывает конкретные социальные условия) и специфических российских условий существования рынка труда.

В западной социологии теория экономических конфликтов получила развитие в работах Р. Дарендорфа (теория классов в индустриальном обществе) [35], У. Бека (общая конфликтогенность капиталистического

общества) [1], У. Мاستенбрука (управление конфликтами внутри компании) [12], Дж. Неймана (математические модели конкуренции) [13], а с развитием транснациональных корпораций — в трудах Г. Хофстеде и Р.Д. Льюиса (кросс-культурные исследования) [11; 43; 44], а также некоторых других исследователей. Все перечисленные теории предполагают комплексный подход при рассмотрении экономических конфликтов. То есть теория экономических конфликтов, в том числе на рынке труда, находится на стыке классической социологии и экономики. При этом в рамках теорий, посвященных взаимодействию работодателей и соискателей на рынке труда, понятие конфликтной ситуации не фигурирует напрямую, а описывается через призму взаимодействия сторон спроса (компаний и нанимателей) и предложения (соискателей).

Конфликтные ситуации могут возникать в результате функционирования рыночного механизма. Так, например, у нас есть два основных сегмента рынка, имеющих отношение к заданным характеристикам профессии и категории нанимаемого персонала: высококвалифицированный труд и низкоквалифицированный труд. Указанное разделение находит отражение в феномене сегментации рынка труда (*Labor market segmentation*) и, в частности, в гипотезе рыночного дуализма (*Dual labor market*) [33; 54]. Как правило, функционирование рынка труда основывается на конкуренции вакансий с заранее известными характеристиками труда, такими как рабочие часы и переработки, трудовые функции и обязанности, наличие корпоративной культуры и т. п. Отмечается, что, хотя характеристики соискателя (например, требуемый опыт работы, уровень образования, навыки) четко сформированы рынком и являются важным фактором при принятии решения о трудоустройстве, компании зачастую предлагают заработную плату исходя из рыночной ценности совокупности указанных характеристик, в соответствии с конкретной должностью и позицией. Таким образом, соискатель не имеет возможности конкурировать с другими по поводу зарплаты, поскольку критерии отбора зачастую прозрачны и известны как компаниям, так и потенциальным работникам.

Однако существуют ситуации, при которых соискатель имеет возможность конкурировать с другими по заработной плате в процессе найма. При этом потенциал возникновения конфликтных ситуаций может возрастать, поскольку диапазон предлагаемых зарплат оказывается чрезмерно широким. Так, в теории инсайдеров — аутсайдеров (*Insider-Outsider theory*) [48; 56] описывается механизм установления порогового значения зарплат соискателями для конкретной отрасли, компании или вакансии. Здесь в качестве инсайдеров выступают соискатели, имеющие опыт работы в определенной области или компании, которым известен истинный диапазон зарплат. Таким образом, они имеют возможность устанавливать размер своих финансовых ожиданий в объеме, превышающем среднерыночный, тем самым создавая барьеры входа на рынок для аутсайдеров (для безработных или соискателей, не обладающих достаточной информацией о возможной компенсации своего труда).

Кроме того, на рынке труда встречается феномен, при котором зарплатный фактор и характеристика навыков кандидата отходят на второй план, что порождает проблему дискриминации в широком смысле. Экономические теории, посвященные рынку труда, описывают возникающую ситуацию через теории разделенного рынка труда (*Split labor market*) [29] и внутреннего рынка труда (*Internal labor market*) [26; 34]. Первая теория описывает некаллекционную дискриминацию кандидата (например, по расовым, этническим, культурным основаниям), а вторая — невозможность внешних кандидатов трудоустроиться на внутреннюю позицию компании, информация о которой не выкладывается общедоступно. Эти ситуации задают дополнительные барьеры входа на рынок труда, которые зачастую сопряжены с ценностными установками компании, отдела кадров компании или трудового коллектива.

Последний феномен, широко описываемый при анализе процесса найма на рынке труда, связан с различиями между квалификацией соискателя и требованиями к навыкам со стороны работодателя (*Skill mismatch*) [45; 58]. В данном случае рассматривается ситуация, когда квалификация соискателя в значительной степени превосходит установленные квалификационные требования (*Overqualification*) [25; 32; 38]. Другими словами, соискатель обладает большим спектром навыков, многие из которых работодателю не требуются, либо работодателю выгоднее нанять несколько специалистов вместо одного универсального. Здесь в процессе найма возникает конфликтотенная ситуация. С одной стороны, она связана с зарплатными ожиданиями кандидата, которые компания не может удовлетворить. С другой стороны, для таких кандидатов требуется создание новых профессий и должностей, объединяющих их ЗУН для решения конкретных рабочих задач. Иными словами, компаниям с устоявшейся иерархией должностей проще нанять нескольких специалистов на понятные им (с четко очерченными квалификационными рамками) должности.

Категоризация конфликтов в контексте рынка труда

В классических теориях конфликтов предлагается несколько основных категоризаций, основанных либо на определяющих, либо на внешних признаках. Продемонстрируем применимость основных категоризаций, существующих в социологии конфликта, к рынку труда. Введем два понятия для пояснения категорий и типов конфликтов: системные и несистемные конфликты.

Системные конфликты зависят от объективных обстоятельств (политика государства, юридические нормы, экономическая ситуация, инфляционные процессы). Они связаны с функционированием системы (в данном случае рыночной) и распространяются одновременно на макроэкономический и микроэкономический уровни, а также характерны для противоречий между функционально взаимосвязанными группами. Эти конфликты могут составлять базу для статистических исследований, их достаточно легко анализировать в рамках макросоциальных систем, в известной степени они предсказуемы и регулируемы [2; 5; 8; 17; 60; 63].

Несистемные конфликты связаны с личными особенностями соискателя, с особенностями политики найма конкретной компании, неверно понятыми условиями, дезинформацией, дискриминацией и т. п. Такие конфликты плохо поддаются анализу, они непредсказуемы, однако сильно влияют на статистику конфликтных ситуаций в целом и на конфликтогенный фон рынка труда. По большей части они рассматриваются в рамках психологических теорий конфликта [2; 27].

В таблице 1 представлены авторы, разработавшие конкретную категоризацию, применимость, а также основные положения, характеризующие конфликты на рынке труда в рамках конкретной категоризации. Рассмотрены классические для западной социологии конфликта категоризации социального конфликта Л. Козера [8], Р. Дарендорфа [35] и М. Дойча [36; 37]. Приведенные категоризации широко распространены, и в целом современная теория конфликта, притом что она характеризуется междисциплинарностью, опирается именно на них. Отметим, что существуют другие возможные категоризации, но они не относятся к социальному конфликту в широком смысле слова (например, теория Й. Галтунга [39] предлагается для терапии поляризационных отношений «Я — Другой»).

Отметим, что, помимо предложенных, существуют категоризации по форме проявления, длительности (затяжные/кратковременные, острые/слабые), которые свойственны любой социальной системе, в том числе рыночной [3; 12]. Мы не выделяем их отдельно, поскольку это характеристики не столько конфликтной ситуации, сколько любого социального процесса.

Далее, исходя из подходов, указанных в таблице 1, приведем авторскую классификацию конфликтов, основанную на особенностях конкретных экономических теорий (табл. 2). Мы опираемся на экономические теории рынка труда, указанные ранее: теории сегментированного рынка труда и рыночного дуализма, инсайдеров и аутсайдеров, разделенного и внутреннего рынков труда, а также на феномен несоответствия имеющейся у соискателя и требуемой работодателем квалификации. Для этих теорий обозначены ключевые особенности, определяющие взаимоотношения работника и работодателя на рынке труда *ex ante*: механизм установления заработной платы, наличие информации о квалификационных требованиях и наличие барьеров входа на рынок труда. Отметим, что представленная классификация призвана в первую очередь очертить границы возникновения потенциальных конфликтных ситуаций на рынке труда, поэтому в таблице 2 введены следующие группирующие характеристики: источник конфликта и сторона рынка труда, определяющая конфликт. Таким образом, полученные кластеры сгруппированы по столбцам в категориях системных и несистемных конфликтов, а также по строкам в отношении сторон спроса и предложения (компаний и соискателей соответственно).

Таблица 1

Применение классических подходов к категоризации конфликтов на рынке труда

№ п/п	Автор подхода	Категоризация	Описание	Тип конфликта	
				системный	несистемный
1	Л. Козер [8]	• из-за определяющих ценностей • из-за привходящих ценностей	Рынок труда предполагает наличие и определяющих для соискателя или компании условий вакансии (определяющие ценности), и тех, которыми они готовы пожертвовать (привходящие ценности)		✓
2	Л. Козер [8]	• реалистические • нереалистические	Нереалистические конфликты предполагают смещение объекта конфликта, то есть действия сторон не направлены друг на друга напрямую, а сдвигаются на объекты, не имеющие отношения к конфликту. Рынок труда характеризуется обычно реалистическими объектами и целями конфликта: стоимость вакансии, интересы соискателя и т. п. По большей части эти конфликты лежат в области зарплатных ожиданий	✓	✓
3	Л. Козер [8], Р. Дарендорф [35], М. Дойч [36]	• функциональные (конструктивные) • дисфункциональные (неконструктивные)	Результат конфликта будет полностью зависеть от конкретной компании и ситуации и не будет влиять на макроэкономический уровень. Функциональность конфликта определяется не столько результатом, сколько его широкими последствиями (например, на уровне политики компании)		✓

Окончание таблицы 1

№ п/п	Автор подхода	Категоризация	Описание	Тип конфликта	
				системный	несистемный
4	М. Дойч [37]	• подлинные • случайные • смещенные • неверно приписанные • латентные • ложные	Данная категоризация ограничено применяется к рынку труда: некоторые типы (смещенные, латентные) несвойственны ни системным, ни несистемным конфликтам. Однако подлинные/случайные конфликты, аналогичные категоризации Л. Козера (п. 2), могут описывать макроэкономические процессы	✓	
5	Р. Дарендорф [35]	• по идентификации • по ценностям • по интересам	Рынок труда предполагает, что вакансии закрываются не только размером заработной платы, но и ценностными установками соискателя. Значительное количество несистемных конфликтов может происходить из-за неверно приписанных навыков и умений; политики компании в отношении мигрантов или женщин, из-за разницы в ценностях компании и соискателя и т. п.		✓
6	Р. Дарендорф [35]	• успешные • безуспешные	Эта категоризация позволяет анализировать результаты конфликтов в соответствии с критерием успешности; может быть применима как к системным, так и к несистемным конфликтам	✓	✓
7	Р. Дарендорф [35]	• случайные • подлинные	На рынке труда можно найти примеры и случайных конфликтов (по большей части несистемных), и подлинных (по большей части системных). Зарплатный фактор в большинстве системных конфликтов является решающим	✓	✓

Таблица 2

Типы конфликтов в экономических теориях рынка труда

Участник рынка труда, определяющий конфликт	Типы конфликта	
	системные	несистемные
Сторона спроса (компания)	Источник конфликта: рыночный механизм (спрос/предложение) Основные особенности: • понятные ЗУН • понятная зарплата • экзогенное разделение на первичный и вторичный рынки труда по профессиям Теории: • теория сегментированного рынка труда • теория рыночного дуализма Типизация конфликтов: • успешные/безуспешные [35] • случайные/подлинные [35; 37]	Источник конфликта: ценности компании Основные особенности: • существование дискриминации и барьеров входа, не связанных с ЗУН и заработной платой • скрытая информация о спросе Теории: • теория разделенного рынка труда • теория внутреннего рынка труда Типизация конфликтов: • из-за определяющих ценностей / из-за приводящих ценностей [8] • функциональные/дисфункциональные [8] • успешные/безуспешные [35]
Сторона предложения (соискатели)	Источник конфликта: зарплатные ожидания Основные особенности: • понятные ЗУН • скрытая информация о зарплате • информация о спросе доступна, но не является истинной Теория: • теория инсайдеров и аутсайдеров Типизация конфликтов: • реалистические/нереалистические [8] • успешные/безуспешные [35] • случайные/подлинные [35]	Источник конфликта: человеческий капитал Основные особенности: • размытые требования к ЗУН • размытые представления о зарплате • информация о спросе доступна Теории: • теория несоответствия навыков • феномен сверхквалифицированных соискателей Типизация конфликтов: • из-за определяющих ценностей / из-за приводящих ценностей [8] • реалистические/нереалистические [8] • по идентификации/ценностям/интересам [35] • конструктивные/деструктивные [35; 36]

Для рынка труда характерны все представленные категории конфликтов, однако отметим, что данные официальной статистики репрезентируют по большей части конфликты, определяемые верхним левым кластером таблицы 2 [57, р. 141; 59, р. 104]. Например, в последние годы наблюдается значительный рост спроса на отдельные профессии (водители, курьеры, специалисты сферы информационных технологий и т. п.). Предположительно в этих областях либо высокая текучесть кадров, либо низкая заработная плата. Другими словами, компании не в состоянии обеспечить спрос на квалифицированные кадры в рамках рыночного механизма в долгосрочной перспективе.

Для правого верхнего кластера характерны конфликты, определяемые ценностями самих компаний, причем в некоторых случаях речь идет о долгосрочной политике. Например, компании могут не рассматривать соискателей старше определенного возраста, соискателей-женщин, соискателей-мигрантов, даже если ЗУН понятны и соискатель им соответствует [27, р. 35]. Позиция компании в данном случае может рассматриваться в качестве конфликтогенного фактора.

Левый нижний кластер связан с зарплатными ожиданиями по вакансиям, а конфликты в целом определяются завышенными ожиданиями соискателей. Например, соискатели традиционно рассматривают вакансии в сфере менеджмента или ИТ как более доходные, однако рынок может не предлагать вакансии по желаемой цене, даже если соискатель обладает необходимыми ЗУН.

Наконец, правый нижний кластер определяется несистемными и неклассифицируемыми ожиданиями соискателя по конкретной вакансии, а также неклассифицируемыми ожиданиями компании. К конфликтогенным факторам здесь относятся: неявные и нечетко сформулированные ЗУН и требования, указанные в вакансии [20, с. 79]; ожидания конкретного соискателя в зависимости от его личной ситуации [55, р. 1327]; нежелание компаний брать на низшие и средние позиции соискателей с высокой квалификацией [66, р. 2].

Таким образом, конфликтные ситуации на рынке труда сводятся к четырем типам, объединяющим множество существующих систематизаций. Таблица 3 представляет собой компактный вид таблицы 2, из которой исключены характеристики отношений между соискателем и работодателем.

Таблица 3

Источники конфликта на рынке труда по типам

Участник рынка труда, определяющий конфликт	Тип конфликта	
	системный	несистемный
Сторона спроса	рыночный механизм	ценности компании
Сторона предложения	зарплатные ожидания	человеческий капитал

Большинство конфликтов на рынке труда можно отнести к приведенным четырем типам (табл. 3). Таким образом, в зависимости от типа конфликта участники рынка имеют возможность на раннем этапе определить его источники и возможные способы решения и, следовательно, минимизировать нежелательные и дисфункциональные последствия.

Обсуждение и выводы

Рынок труда в экономической социологии рассматривается как открытый общественный институт *per se*. На практике же на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях существуют множество значимых источников конфликтных ситуаций. Притом что, как было показано, исследования, посвященные конфликтогенным факторам рынка труда, обычно сосредоточены на несистемных конфликтах, интерес вызывает изучение системных макроэкономических факторов.

На наш взгляд, представленная категоризация может быть применима к российскому рынку труда. Очевидно, что ему свойственны и системные конфликты, обусловленные социальными структурами (например, большая доля принадлежит внутреннему рынку труда), и несистемные, обусловленные политикой компаний и ожиданиями соискателей (например, значимая роль личных связей соискателя при найме) [40; 42; 65]. Можно видеть, что системные конфликты зачастую обусловлены социальной системой и институтами, федеральным законодательством в сфере труда и занятости, федеральным миграционным законодательством, а также объемом совокупного спроса на конкретных специалистов [21; 57]. Несистемные конфликты практически полностью находятся в сфере ожиданий соискателя и, к сожалению, мало поддаются спецификации и обобщениям либо могут определяться политикой конкретной компании, ее интересами и сиюминутными запросами. Так, скажем, обсуждаются вопросы дискриминации по этническому признаку на примере российских регионов [28]. При этом, учитывая специфику российского рынка труда, сформировавшегося на стыке плановой и рыночной экономик, обнаруживаем, что в статистике будут представлены системные конфликты, однако больший удельный вес будут иметь несистемные, обусловленные, например, политикой конкретных компаний и проблемой сверхквалификации [61, p. 127]. Таким образом, значительное число конфликтных ситуаций не попадет в статистические данные, поскольку не поддается количественному измерению.

Конфликты на рынке труда возникают в целом по основаниям, которые мы обозначили в виде системных и несистемных. Механизмами рынка определяются системные конфликтогенные факторы (соответствие спроса / предложения и зарплатные ожидания), а политикой конкретной компании и ожиданиями соискателя в отношении кон-

кретной вакансии — в свою очередь, несистемные (ценности компании / человеческий капитал). Эти факторы определяются объективными и предсказуемыми процессами, происходящими в экономике, однако обычно рассматриваются в отрыве от социологических теорий конфликта, что приводит к одностороннему взгляду на макроэкономические процессы. Предложенная в статье категоризация позволяет на раннем этапе определить источник конфликта и потенциально снизить нежелательный эффект от него. Таким образом, знание источника конфликта способствует снижению остроты конфликтной ситуации, и ее можно регулировать на начальном этапе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Терников Андрей Александрович — старший преподаватель, департамент менеджмента, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (812) 644-59-11 доб. 61598. **Электронная почта:** aternikov@hse.ru

Шевелева Дарья Алексеевна — кандидат философских наук, методист, приглашенный преподаватель, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (812) 644-59-11 доб. 61535. **Электронная почта:** dsheveleva@hse.ru

Research Article

ANDREI A. TERNIKOV¹, DARIA A. SHEVELEVA¹

¹ HSE University.

3/1, Kantemirovskaya str., 194100, Saint Petersburg, Russian Federation.

THE SEARCH FOR SOURCES OF CONFLICTS: SUPPLY AND DEMAND IN THE LABOR MARKET

Abstract. Classical approaches towards categorizing conflict within the field of social sciences may not be applicable to the labor market context because they are beyond economic theories. To the best of our knowledge, currently, neither national nor foreign literature contains any conceptual systematization of conflicts that occur during the hiring process. Such systematization would combine conflict factors at the intersection of economic, sociological, and conflict theories. The article proposes a categorization that is based on the prominent conflict theories while taking into consideration potential employment conflicts within the labor market. The proposed categorization groups market participants (supply and demand sides) and sorts conflicts by type (systemic and non-systemic conflicts). Four primary sources of conflict are identified, including market mechanisms and salary expectations (systemic conflicts), company values and human capital (non-systemic conflicts). Systemic factors of conflicts such as supply/demand matching and wage expectations are determined by market mechanisms. These economic factors are determined by objective and predictable processes, but sociological theories of conflict are typically excluded from the aforementioned context, which can result in a biased portrayal of macroeconomic processes. In addition, the policy of a particular company and a job seeker's expectations for a specific job position are non-systemic, they depend on such types of factors as company values and human capital.

This categorization enables early identification of the source of conflict and potential reduction of its destructive effects.

Keywords: factors of conflict; supply and demand; labor market; categorization of conflicts; salary expectations of job seekers; employer's values; human capital.

For citation: Ternikov, A.A., Sheveleva, D.A. The Search for Sources of Conflicts: Supply and Demand in the Labor Market. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 82–101. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.4

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrei A. Ternikov — Senior Lecturer, HSE University. Russian Federation.

Phone: +7 (812) 644-59-11 ext. 61598. **Email:** aternikov@hse.ru

Daria A. Sheveleva — Candidate of Philosophical Sciences, Visiting Lecturer, HSE University. **Phone:** +7 (812) 644-59-11 ext. 61535. **Email:** dsheveleva@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; Общ. ред. и послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 304 с. EDN: RAYTKT
Bek U. What is Globalization? [Russ. ed.: *Chto takoe globalizatsiya?* Transl. from Germ. by A. Grigor'ev, V. Sedel'nik; Ed. and afterword by A. Filippov. Moscow: Progress-Traditsiya publ., 2001. 304 p.]
2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. — 544 с.
Grishina N.V. *Psikhologiya konflikta*. [Psychology of Conflict.] 2nd ed. St Petersburg: Piter publ., 2008. 544 p. (In Russ.)
3. Дмитриев А.В. Конфликтология. Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. — 320 с.
Dmitriev A.V. *Konfliktologiya. Uchebnoe posobie*. [Conflictology. Tutorial.] Moscow: Gardariki publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
4. Дудуева Ф.А. Научные подходы к исследованию природы и причин этно-социальных конфликтов на рынке труда в России // Социальная политика и социология. 2015. Т. 14. № 4 (111). С. 105–112. DOI: 10.17922/2071-3665-2015-14-4-105-112 EDN: UZFNKB
Dudueva F.A. Scientific Approaches to Studying the Nature and Causes of Ethno-Social Conflicts in the Labor Market in Russia. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2015. Vol. 14. No. 4 (111). P. 105–112. DOI: 10.17922/2071-3665-2015-14-4-105-112 (In Russ.)
5. Зайцев А.К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. М.: Academia, 2001. — 464 с.
Zaitsev A.K. *Sotsial'nyi konflikt*. [Social Conflict.] 2nd ed. Moscow: Academia publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
6. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. 3-изд., доп и пер. М.: Аспект-Пресс, 1996. — 317 с.

Zdravomyslov A.G. *Sotsiologiya konflikta*. [Sociology of Conflict.] 3rd ed. Moscow: Aspekt-Press publ., 1996. 317 p. (In Russ.)

7. Зимин Д.А. Анализ гендерного неравенства на региональном рынке труда РФ: на примере Орловской области // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2023. № 1 (5). С. 48–64. DOI: 10.24412/2782-4845-2023-5-48-64 EDN: WIEVOE

Zimin D.A. The Analysis of Gender Inequality in the Regional Labor Market of the Russian Federation: The Oryol Region. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo*. 2023. No. 1 (5). P. 48–64. DOI: 10.24412/2782-4845-2023-5-48-64 (In Russ.)

8. Козер Л. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. — 205 с.

Kozer L. The Functions of Social Conflict. [Russ. ed.: *Funktsii sotsial'nogo konflikta*. Transl. from Eng. by O. Nazarova; Ed. by L.G. Ionin. Moscow: Ideya-Press publ.; Dom intellektual'noi knigi publ., 2000. 205 p.]

9. Камолов С., Подольский В.Э. Количественная оценка конфликтогенности в иерархической организации // Право и управление. XXI век. 2013. Т. 1. № 26. С. 47–53. EDN: QBNIDN

Kamolov S., Podolskiy V.E. A Quantitative Assessment of Conflicogenic Power in a Hierarchical Organization. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. 2013. Vol. 1. No. 26. P. 47–53. (In Russ.)

10. Костенькова Т.А. Проблемы гендерного неравенства на российском рынке труда // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 5. С. 509–522. DOI: 10.18334/et.8.5.112022 EDN: LIWIRZ

Kosten'kova T.A. Problems of Gender Inequality in the Russian Labor Market. *Ekonomika truda*. 2021. Vol. 8. No. 5. P. 509–522. DOI: 10.18334/et.8.5.112022 (In Russ.)

11. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / Пер. с англ. Т.А. Нестик; Под общ. ред. и со вступ. ст. П.Н. Шихирева. 2-е изд. М.: Дело, 2001. — 448 с.

Lewis R.D. When Cultures Collide. Managing successfully across cultures. [Russ. ed.: *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese: ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu*. Transl. from Eng. by T.A. Nestik; Ed. by P.N. Shikhirev. 2nd ed. Moscow: Delo publ., 2001. 448 p.]

12. Мастенбрук У. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, 1996. — 256 с.

Mastenbruk U. Conflict Management and Organization Development. [Russ. ed.: *Upravlenie konfliktnymi situatsiyami i razvitie organizatsii*. Transl. from Eng. Moscow: INFRA-M publ., 1996. 256 p.]

13. Нейман Дж. фон, Моргенштерн О. Теория игр и экономическое поведение / Пер. с англ. под ред. и с доб. Н.Н. Воробьева. М.: Наука, 1970. — 707 с.

- Neumann J. von, Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior. [Russ. ed.: *Teoriya igr i ekonomicheskoe povedenie*. Transl. from Eng. and ed. by N.N. Vorob'ev. Moscow: Nauka publ., 1970. 707 p.]
14. Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Дж. Уоллис, Б. Вайнгайт; Пер. с англ. Д. Узланера [и др.]. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. — 478 [1] с. EDN: QOMGLZ
- North D. Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. [Russ. ed.: *Nasilie i sotsial'nye poriadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Transl. from Eng. by D. Uzlaner [et al.]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaidara publ., 2011. 478 [1] p.]
15. Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Особенность этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России (на примере г. Москвы). Сравнительный анализ со странами Западной Европы // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2020. Т. 26. № 4. С. 185–204. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-185-204 EDN: WPWWBK
- Oseev A.A., Dudueva F.A. The Peculiarity of Ethno-Social Relations in the Russian Labor Market: Attitude Towards Immigrants in Russia (on the Example of Moscow). Comparative Analysis with Countries of Western Europe. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2020. Vol. 26. No. 4. P. 185–204. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-4-185-204 (In Russ.)
16. Осеев А.А., Дудуева Ф.А. Особенность этносоциальных конфликтов на российском рынке труда: отношение к иммигрантам в России и Великобритании — сравнительный анализ // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2015. № 4. С. 85–97. EDN: WBOREL
- Oseev A.A., Dudueva F.A. The Peculiarity of the Ethno-Social Conflicts in the Russian Labor Market: Attitudes towards Immigrants in Russia and the UK — a Comparative Analysis. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2015. No. 4. P. 85–97. (In Russ.)
17. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. — 832 с.
- Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh*. [About Social Systems.] Ed. by V.F. Chesnokova, S.A. Belanovskiy. Moscow: Akademicheskii proekt publ., 2002. 832 p. (In Russ.)
18. Пономарев П.А., Киселева Н.А. Барьеры, определяющие конфликт со средой на рынке труда лиц с ограниченными возможностями // Научный поиск: Материалы IV Международной научно-практической конференции. Таганрог, 31 мая 2015 г. / Науч. ред. Ю.В. Мамченко. Таганрог: Перо, 2015. С. 94–97. EDN: UJPQXB

- Ponomarev P.A., Kiseleva N.A. Barriers That Determine Conflict with the Environment in the Labor Market for Persons with Disabilities. *Nauchnyi poisk: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Scientific Research: Materials of the IV International Scientific and Practical Conference. Taganrog, 31 maya 2015 g.] Ed. by. Yu.V. Mamchenko. Taganrog: Pero publ., 2015. P. 94–97. (In Russ.)
19. *Растов Ю.Е., Трофимова Р.А.* Конфликтология. Учебно-методическое пособие. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. — 118 с.
 Rastov Yu.E., Trofimova R.A. *Konfliktologiya. Uchebno-metodicheskoe posobie*. [Conflictology. Educational Manual.] Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta publ., 1995. 118 p. (In Russ.)
20. *Терников А.А., Бляхер М.Л.* Спрос на знания, умения и навыки в вакансиях: кого готовит университет? // Мир России. Социология. Этнология. 2023. Т. 32. № 2. С. 74–96. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-74-96 EDN: NQHDAC
 Ternikov A.A., Blyakher M.L. The Demand for Skills in Vacancies: Who Is the University Preparing? *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*. 2023. Vol. 32. No. 2. P. 74–96. DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-2-74-96 (In Russ.)
21. *Троцук И.В., Невзорова Н.А.* Структурные дисбалансы как ключевой фактор безработицы на российском рынке труда // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 2. С. 93–103. EDN: TPTDFN
 Trotsuk I.V., Nevzorova N.A. Structural Imbalances as a Key Factor of Unemployment in the Russian Labor Market. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2015. No. 2. P. 93–103. (In Russ.)
22. Akerlof G. A Theory of Social Custom of Which Unemployment May Be One Consequence. *Quarterly Journal of Economics*. 1980. Vol. 94. No. 4. P. 749–775. DOI: 10.2307/1885667
23. Alder S.D., Lagakos D., Ohanian L. Labor Market Conflict and the Decline of the Rust Belt. *Journal of Political Economy*. 2023. Vol. 131. No. 10. P. 2780–2824. DOI: 10.1086/724852 EDN: WGSDNK
24. Aleksanyan A. Labor Migration of Armenians into Russia: Problems and Prospects. *Mir Rossii*. 2015. Vol. 24. No. 2. P. 105–128. DOI: 10.1177/1095796014566401
25. Allen J., Van der Velden R. Educational Mismatches versus Skill Mismatches: Effects on Wages, Job Satisfaction, and On-the-job Search. *Oxford Economic Papers*. 2001. Vol. 53. No. 3. P. 434–452. DOI: 10.1093/oep/53.3.434
26. Althauser R.P. Internal Labor Markets. *Annual Review of Sociology*. 1989. Vol. 15. No. 1. P. 143–161. DOI: 10.1146/annurev.soc.15.1.143
27. Arthur J.B. Do HR System Characteristics Affect the Frequency of Interpersonal Deviance in Organizations? The Role of Team Autonomy and Internal Labor Market Practices. *Industrial Relations: A Journal of Economy and Society*. 2011. Vol. 50. No. 1. P. 30–56. DOI: 10.1111/j.1468-232X.2010.00624.x

28. Bessudnov A., Shcherbak A. Ethnic Discrimination in Multi-ethnic Societies: Evidence from Russia. *European Sociological Review*. 2020. Vol. 36. No. 1. P. 104–120. DOI: 10.1093/esr/jcz045
29. Bonacich E. A Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market. *Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective*. 2nd ed. N.Y.: Routledge, 2019. P. 555–568.
30. Borjas G.J. The Labor Demand Curve is Downward Sloping: Reexamining the Impact of Immigration on the Labor Market. *The Quarterly Journal of Economics*. 2003. Vol. 118. No. 4. P. 1335–1374. DOI: 10.1162/003355303322552810
31. Boulding K. *Conflict and Defense. A General Theory*. N.Y.: Harper Torchbooks, 1963. 349 p.
32. Brynin M. Overqualification in Employment. *Work, Employment and Society*. 2002. Vol. 16. No. 4. P. 637–654. DOI: 10.1177/095001702321587406
33. Cain G.G. The Challenge of Segmented Labor Market Theories to Orthodox Theory: A Survey. *Journal of Economic Literature*. 1976. Vol. 14. No. 4. P. 1215–1257.
34. Cappelli P., Cascio W.F. Why Some Jobs Command Wage Premiums: A Test of Career Tournament and Internal Labor Market Hypotheses. *Academy of Management Journal*. 1991. Vol. 34. No. 4. P. 848–868. DOI: 10.5465/256392
35. Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford: Stanford University Press, 1959. 358 p.
36. Deutsch M. *The Resolution of Conflict. Constructive and Destructive Processes*. New Haven, L.: Yale University Press, 1973. 420 p.
37. Deutsch M., Coleman P.T. *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice*. 2nd ed. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2006. 960 p.
38. Flisi S., et al. Measuring Occupational Mismatch: Overeducation and Overskill in Europe — Evidence from PIAAC. *Social Indicators Research*. 2017. Vol. 131. P. 1211–1249. DOI: 10.1007/s11205-016-1292-7
39. Galtung J. Introduction: peace by peaceful conflict transformation — the TRANSCEND approach. *Handbook of Peace and Conflict Studies*. Ed. by C. Webel, J. Galtung. L.: Routledge, 2007. P. 14–32. DOI: 10.4324/9780203089163.ch2
40. Gerber T.P., Mayorova O. Getting Personal: Networks and Stratification in the Russian Labor Market, 1985–2001. *American Journal of Sociology*. 2010. Vol. 116. No. 3. P. 855–908. DOI: 10.1086/655750
41. Glitz A. The Labor Market Impact of Immigration: A Quasi-experiment Exploiting Immigrant Location Rules in Germany. *Journal of Labor Economics*. 2012. Vol. 30. No. 1. P. 175–213. DOI: 10.1086/662143
42. Hendley K. Rethinking the Role of Personal Connections in the Russian Labor Market: Getting a Job as a Law Graduate in Russia. *Post-Soviet Affairs*. 2021. Vol. 37. No. 3. P. 242–260. DOI: 10.1080/1060586X.2021.1874768

43. Hofstede G. Cultural Constraints in Management Theories. *The Executive*. 1993. Vol. 7. No. 1. P. 81–94. DOI: 10.5465/ame.1993.9409142061
44. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations. Software of the Mind. Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival*. 3rd ed. N.Y.: McGraw-Hill eBooks, 2010. 576 p.
45. Jovanovic B. Job Matching and the Theory of Turnover. *Journal of Political Economy*. 1979. Vol. 87. No. 5. Part 1. P. 972–990. DOI: 10.1086/260808
46. Kalleberg A.L., Sørensen A.B. The Sociology of Labor Markets. *Annual Review of Sociology*. 1979. Vol. 5. No. 1. P. 351–379. DOI: 10.1146/annurev.so.05.080179.002031
47. Kizilova K., Mosakova E.A. The Birth Rate in BRICS Countries under the Gender Inequality in the Labor Market. *RUDN Journal of Sociology*. 2019. Vol. 19. No. 4. P. 630–638. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-4-630-638
48. Lindbeck A., Snower D.J. Insiders versus Outsiders. *Journal of Economic Perspectives*. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 165–188. DOI: 10.1257/jep.15.1.165
49. Liu Y., Pant G., Sheng O.R.L. Predicting Labor Market Competition: Leveraging Interfirm Network and Employee Skills. *Information Systems Research*. 2020. Vol. 31. No. 4. P. 1443–1466. DOI: 10.1287/isre.2020.0954
50. Lozano L., Ranehill E., Reuben E. Gender and Preferences in the Labor Market: Insights from Experiments. *Handbook of Labor, Human Resources and Population Economics*. Berlin: Springer, 2022. P. 1–34. DOI: 10.1007/978-3-319-57365-6_118-1
51. Malousis A.T., Zefkilis P.N., Daglis T. Employment in the 21st Century: Pre- and Post-COVID-19 Changes. *Encyclopedia*. 2023. Vol. 3. No. 3. P. 853–869. DOI: 10.3390/encyclopedia3030061
52. Pan Y., Froese F.J. An Interdisciplinary Review of AI and HRM: Challenges and Future Directions. *Human Resource Management Review*. 2023. Vol. 33. No. 1. P. 100924. DOI: 10.1016/j.hrmr.2022.100924
53. Pedace R. Immigration, Labor Market Mobility, and the Earnings of Native-Born Workers: An Occupational Segmentation Approach. *American Journal of Economics and Sociology*. 2006. Vol. 65. No. 2. P. 313–345. DOI: 10.1111/j.1536-7150.2006.00453.x
54. Reich M., Gordon D.M., Edwards R.C. Dual Labor Markets. A Theory of Labor Market Segmentation. *American Economic Review*. 1973. Vol. 63. No. 2. P. 359–365.
55. Schlachter S.D., Pieper J.R. Employee Referral Hiring in Organizations: An Integrative Conceptual Review, Model, and Agenda for Future Research. *Journal of Applied Psychology*. 2019. Vol. 104. No. 11. P. 1325–1346. DOI: 10.1037/apl0000412
56. Schwander H. Labor Market Dualization and Insider–Outsider Divides: Why this New Conflict Matters. *Political Studies Review*. 2019. Vol. 17. No. 1. P. 14–29. DOI: 10.1177/1478929918790872

57. Shevchuk A., Strebkov D., Bögenhold D. Work Values and Hybrid Careers in the Gig Economy: The Evidence from an Online Labor Market. *Economic and Industrial Democracy*. 2022. Vol. 45. No. 1. P. 138–163. DOI: 10.1177/0143831X221140153
58. Shevchuk A., Strebkov D., Davis Sh.N. Skill Mismatch and Work–Life Conflict: The Mediating Role of Job Satisfaction. *Journal of Education and Work*. 2019. Vol. 32. No. 2. P. 181–195. DOI: 10.1080/13639080.2019.1616281
59. Sibirskaya E.V., et al. Monitoring of Regional Labor Markets and the Main Trends of Labor Underutilization in Russia. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2021. Vol. 41. No. 1/2. P. 103–115. DOI: 10.1108/IJSSP-03-2020-0090
60. Tiffin J., McCormick E.J. *Industrial Psychology*. New Jersey: Prentice-Hall Inc., Englewood Cliffs, 1974. 625 p.
61. Varshavskaya E.Ya., Podverbnikh U.S. Impact of Job Mismatches on Job Satisfaction and Turnover Intention: Case of Russia. *Russian Management Journal*. 2023. Vol. 21. No. 1. P. 115–132. DOI: 10.21638/spbu18.2023.106
62. Vodenko K.V., et al. Modelling of Conflict in the Labour Market Under the Conditions of Automatization Based on Robots, Big Data and AI: The Specifics of Technological Inequality of Countries and Conflict Management. *Technology, Society, and Conflict*. 2022. Vol. 30. P. 121–131. DOI: 10.1108/S1572-832320220000030011
63. Wildavsky A. *The Art and Craft of Policy Analysis*. L.: Macmillan Press LTD, 1980. 560 p. DOI: 10.1007/978-1-349-04955-4
64. Wood A.J., Lehdonvirta V. Antagonism beyond Employment: How the ‘Subordinated Agency’ of Labour Platforms Generates Conflict in the Remote Gig Economy. *Socio-Economic Review*. 2021. Vol. 19. No. 4. P. 1369–1396. DOI:10.1093/ser/mwab016
65. Yakubovich V. Weak Ties, Information, and Influence: How Workers Find Jobs in a Local Russian Labor Market. *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. No. 3. P. 408–421. DOI: 10.1177/000312240507000303
66. Zhou X., et al. The influence of employees’ perception of over-qualification on career compromise: Mediated by role conflict and sense of relative deprivation. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 13. No. 1039800. P. 1–15. DOI: 10.3389/fpsyg.2022.1039800

Статья поступила в редакцию: 22.01.2024; поступила после рецензирования и доработки: 14.03.2024; принята к публикации: 03.04.2024.

Received: 22.01.2024; revised after review: 14.03.2024; accepted for publication: 03.04.2024.

СОЦИОЛОГИЯ ГОРОДА

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.5

EDN: IRJMGK

Н.А. КОЛОДИЙ¹, В.С. ИВАНОВА²

¹ Национальный исследовательский Томский политехнический университет.
634030, Томск, пр. Ленина, д. 30.

² Национальный исследовательский Томский государственный университет.
634030, Томск, пр. Ленина, д. 36.

СБОРКА ГОРОДА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Аннотация. В статье представлена проблематика, отражающая современные стратегии и тактики конструирования целостного образа города. Так называемая сборка (пересборка) осуществляется в ответ на вызовы раздробленного, фрагментированного, децентрализованного, гибридного, но все-таки развивающегося города. Выявляются несколько типов сборки в зависимости от «собирателей взгляда»: всякий раз это либо представители лояльно настроенных к политике властных структур, либо оппозиционно настроенные блогеры, популярные лидеры городских сообществ, либо представители исследовательских групп.

Авторы рассматривают город как динамичную систему, формирующую множество векторов развития и многообразие урбанистических дискурсов. В статье доказано: в медиапространстве города конкурируют три типа дискурса: дискурс устойчивого развития, критически-урбанистический и лайт-вариант дискурса нового урбанизма. Предметом анализа стали тексты и высказывания представителей социально-медийных сообществ (трех сибирских городов: Новосибирска, Барнаула, Томска), которые производят аудит пространственного развития и предлагают свои сценарии сборки города. Выявлены роль и значение виртуальных соборок, которые, как показывает опыт социально-медийных сообществ, могут привести к реальным сборкам и взаимодействию всех акторов города в процессе трансформации пространства, к пересмотру режимов вовлеченности горожан в процесс проектирования городской жизни. Дискуссии, связанные со сборкой города, могут и затормозить процесс реализации городских проектов, практику застройки городов, обладающих статусом исторического поселения. Тем более что потребности горожан в аутентичном городском пространстве, отвечающем критериям подлинности, историчности, зачастую исключены из зоны интересов представителей власти.

Каждый из анализируемых городов демонстрирует свой уникальный набор институциональных механизмов и взаимодействий участников на аренах принятия решений, обусловленный неповторимым культурным, социальным, политическим и историческим контекстами.

Ключевые слова: сборка города; социально-медийные сообщества; урбанистические дискурсы; аудит пространства; гибридный город; режим гражданственности.

Для цитирования: Колодий Н.А., Иванова В.С. Сборка города в современных дискурсивных практиках // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 102–123. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.5 EDN: IRJMGK

Введение

Горожанин сегодня погружен в такую реальность гибридного города, с которой он никогда не сталкивался раньше. С современными технологиями связаны трансформации повседневной жизни, возникающая синхронность опыта и переживаний людей, сложное удвоение реальности: каждый элемент пространства в сообщениях семиотически нагружен, и часто эти семиотические конструкции создают свою уникальную реальность, слабо соотносящуюся с объективной реальностью. Социальные медиа создают свои конструкты, улавливающие алгоритм изменений города, удерживающие определенный контекст трансформации. И хотя в сетевых разговорах любое обсуждение сопровождается особой экспрессивностью, асимметричностью коммуникаций, невозможностью подлинного создания «перекрестка мнений» [3], в этих условиях в большинстве случаев социальные сети формируют «когнитивные рамки восприятия события», а также способствуют тому, что появляются группы субъектов, объединяющиеся вокруг конкретной городской проблемы, что может «привести к инновационным решениям» [21]. Почти в каждом таком случае в социальных медиа осуществляется невольная так называемая сборка города. Любое социально-медийное сообщество демонстрирует определенный алгоритм реакций на события и процессы.

Конструирование целостного образа (сборка города) осуществляется многовекторно, отражая процесс сосуществования нескольких типов ритмов, темпоральных режимов городской жизни. Иногда сборка предстает как процесс конструирования особенностей и уникальности города с опорой либо на жизненные практики и повседневные представления, либо на исследования, но всякий раз в центре конструкции — субъективная упорядоченность общественно-политического мира [28].

Горожане оспаривают предлагаемые проектные и управленческие решения, главным образом потому, что они лично не участвовали в их обсуждении или их мнение не могли представлять те, кто участвовал в общественных слушаниях. Примечательно, что протесты в такой же мере неожиданны для власти, как и управленческие решения для людей. Новые формы акторов на сцене города (сообщества, группировки)

рующиеся вокруг блогеров, и пр.) формируют и новый тип «общества аудита», и новый тип освоения городского пространства, основанный на использовании коллективной рациональности и коммуникативных компетенций. К тому же в сегодняшней реальности имеет место сетевой индивидуализм. И сборка города чаще рассматривается в контексте акторно-сетевой теории [10].

Как подчеркивают исследователи, «городские сообщества демонстрируют разные дискурсивные практики и представления о состоянии города, что провоцирует конфликт между социальными группами... каждая из них оперирует разными институциональными конструктами города и, следовательно, видит, ставит и решает разные проблемы» [13].

В этом контексте мы рассматриваем виртуальные сборки города в нескольких сибирских городах (Томск, Новосибирск, Барнаул), отличающихся друг от друга типом пространственного развития, формой взаимодействия власти—бизнеса—горожан; типом социально-медийных сообществ, что в конечном счете определяет разные варианты сборок. Часть медийных сообществ собирают концепт «городского» с учетом таких проблем, как гибридизация социальных процессов, появление новых «ассамблежей» социального и технологического, возникновение новой роли информации, изменение природы властного действия, а также новых ландшафтов сопротивления горожан.

Дизайн исследования

В научной литературе чаще всего анализируются те варианты сборки, которые осуществляются целенаправленно и завершаются если не формированием теории города как объясняющего концепта, то восхождением к теории. Мы же обращаем внимание, с одной стороны, на сборки, осуществляемые представителями власти и лояльными к ней сообществами, а с другой — на пересборки городского, разрабатываемые протестными социально-медийными сообществами. «Собираемыми взгляда» в этом случае являются блогеры, журналисты, лидеры городских сообществ с гражданской ориентацией, предлагающие альтернативные смарт-решения и проекты в области пространственного развития города.

Проблемными вопросами нашего исследования являются: как происходит наиболее типичная сборка города с участием социально-медийных сообществ? Как можно типологизировать позиции различных городских сообществ — прогосударственно настроенных или радикально-оппозиционных групп — в отношении сборки города? Как выстраивается воздействие официального дискурса, развиваемого властью, на аудиторию как коллективного актора? На какой площадке могут/должны встретиться представители городских сообществ, чтобы обсудить, договориться о каком-то едином видении города, что позволило бы сформироваться этому взаимодействию как стабильному?

Цель исследования — выявить модели сборки городского пространства, способные произвести реальный аудит существующих

и потенциальных стратегий развития, благодаря которым можно предложить власти, группам, культурным институциям не только объясняющий концепт, но и реальный сценарий взаимодействия всех игроков городского поля.

Ключевая гипотеза: в медиапространстве города конкурируют три типа дискурса — дискурс устойчивого развития (или официальный дискурс), критически-урбанистический и лайт-вариант дискурса нового урбанизма. Основные параметры сборки города задает официальный дискурс (дискурс устойчивого урбанизма): высказывания руководителей города, экспертное мнение лояльных к власти, реакции прогосударственно настроенных СМИ и пр.

Методология исследования складывалась из а) реконструкции принципов сборки в реальном или виртуальном пространстве; б) моделей сборки и интерпретации с опорой на теории нового урбанизма; в) дискурсивного анализа репрезентаций города (высказываний различных медийных сообществ).

Эмпирическую основу составили видеозаписи фокус-групп, проведенных в 2019 и 2022 гг., по проблеме соучастного городского проектирования; сообщения СМИ, посты и комментарии в социальных сетях, социально-медийных сообществах трех сибирских городов: Томска¹, Новосибирска², Барнаула³. Материалом дискурс-анализа стала совокупность текстов об особенностях городского развития: онлайн-высказывания официальных лиц (сайты администраций городов, группы в «ВКонтакте»); суждения паблик групп, имеющие отношение

¹ Администрация Томска. — URL: <https://vk.com/tomskadm70> (дата обращения 24.03.2023); Центр развития городской среды Томской области. — URL: <https://vk.com/sredatomsk> (дата обращения 25.03.2023); Городские проекты в Томске. — URL: https://vk.com/city4people_tomsk (дата обращения 24.03.2023); Сеть живых лабораторий Томска. — URL: <https://vk.com/lltnet> (дата обращения 04.04.2023); Сибирский центр дизайна. Томск. — URL: <https://vk.com/design.siberia> (дата обращения 05.04.2023); Городской портал VTOMSKE.RU. — URL: <https://vk.com/vtomskeru> (дата обращения 24.03.2023).

² Мэрия Новосибирска. — URL: https://vk.com/nsk_adm (дата обращения 23.01.2023); Зеленый Новосибирск. — URL: <http://green.novo-sibirsk.ru/default.aspx> (дата обращения 14.04.2023); Умный Новосибирск. — URL: <https://vk.com/smartnovosib> (дата обращения 06.02.2023); Типичный Новосибирск. — URL: https://vk.com/typical_nsk (дата обращения 06.02.2023).

³ Город Барнаул. — URL: <https://vk.com/official.barnaul> (дата обращения 24.04.2023); Барнаул 22. — URL: <https://vk.com/barneos22> (дата обращения 24.04.2023); Архитектурное наследие Барнаула. — URL: <https://barnaulheritage.ru/> (дата обращения 27.04.2023); ТОЛК. Общество. — URL: <https://tolknews.ru/obsestvo/153106-pravda-li-cto-v-barnaule-zakonchil-blagoustroystvo-parka-izumrudniy> (дата обращения 12.05.2023).

к проблемам города; мнения лиц, участвующих в формировании городской повестки; сообщения в традиционных и электронных СМИ; мнения горожан, участвующих в «публичных сетевых разговорах». Методика базировалась на том, что коммуникативное пространство формируется под воздействием официальных мнений, развиваемых в публичном дискурсе, навязываемых без видимого насилия в виде создания интерпретативных фреймов. Выгрузка постов и сообщений осуществлялась с помощью платформы “PolyAnalyst” (2021 и 2023 гг.). По хэштегам проводились автоматизированный веб-краулинг и ручное кодирование массива текстовых сообщений. Основываясь на взаимодействии пользователей (посты, комментарии), мы оценивали, какие сообщества являются наиболее влиятельными носителями дискурса. Это дало возможность нам типологизировать урбанистические дискурсы, представленные в контенте социально-медийных сообществ.

Обзор литературы

Один из классиков городской теории Вальтер Беньямин в начале XX в. наметил своеобразную логику восприятия городов. Он противопоставил цельному восприятию объектов-символов динамичную сборку, которая может много раз пересобираться и перепридумываться [1]. Все исследования, посвященные сборке города, не являются однородными и включают по несколько перспектив, каждая из которых предлагает свое понимание форм и масштаба агентности. Анализ имеющихся исследований на данную тему позволил составить таблицу (см. табл.). Нас интересовали в первую очередь те исследования, которые открывают в различных вариантах сборки меняющуюся логику социального, или логику культурного, или автономную логику городского [23].

Анализ представленных в таблице исследовательских разработок позволяет выявить недостаточность тех моментов, которые бы отражали процессы сборки города, осуществляемые представителями блогосферы или участниками социально-медийных сообществ. В этом случае фреймы создаются как в рамках обсуждения проблем управления городом, так и по ходу дискуссий о режиме партисипаторности [32]. Фрейм-билдинг и фрейм-сеттинг, в формирование которых вносят определенный вклад блогеры и популярные пользователи, задающие повестку дня, демонстрируют множество эффектов на индивидуальном и социальном уровнях. Господствующие фреймы отражают трансформацию гражданской активности — переориентацию граждан на менее формальные, а потому менее заметные традиционным исследовательским оптикам форматы. Спонтанно возникают формы «гибридного управления», которые действуют в контексте «институциональной неопределенности»; они часто «нестабильны» и имеют партнеров из контекстов, действующих по другим правилам взаимодействия [24].

Таблица

Основные концепты сборки города

Подход	Ключевая идея	Персоналии
Акторно-сетевой подход, или «перформативно-социологический»	Материальные объекты выступают как актанты, влияя на микропрактики людей установлением связей-ассоциаций, соединяющих субъектов с объектами и друг с другом	Латур Б. [10], Вахштайн В. [5*; 6*].
Философский: новая философия общества / антиэссенциалистский	Ход трансформации города: от природного ландшафта к тотально урбанизированному пространству. Фокус исследования заключается в отказе от эссенциалистской постановки вопроса о социальном, в отказе от поиска сущности и, соответственно, упрощающей оптики. В социальной сфере сущности представляют собой динамичные объекты, свойства которых могут изменяться в результате реализации этими сущностями их способностей к взаимодействию с другими динамичными объектами	Лефевр А., Деланда М., Харман Г. [11; 27; 17]
Социогео-графический	Материальные объекты становятся полноправными участниками социального мира. Исследование пространственной сферы как результата непрерывного симметричного взаимодействия человеческих и нечеловеческих актантов	Соджиа Э., Амин Э., Трифт Н. [35; 19; 20].
Критически-урбанистический, или социокритический	Анализируется процедура сборки как эмпирического инструмента для подробного описания «городского неравенства, порожденного отношениями истории и потенциала территории». Сборка осуществляется с учетом «кумулятивной текстуры локальной городской культуры», которая находит выражение в образах и коллективных репрезентациях как материального, так и нематериального рода	Беркинг Х., Ваноло А., Макфарлэйн К. [2; 36; 33; 35]
Социологический: новый урбанизм	Основа сборки — реконструкция режима гражданственности, исследуемого с точки зрения трех пересекающихся измерений: 1) «сочетание ответственности», которое относится к распределению ответственности между человеком, сообществом, рынком и государством; 2) права и обязанности, устанавливающие границы политического сообщества; 3) методы управления, включая способы вовлечения граждан и доступа к принятию государственных решений	Кардулло П., Китчин Р., Коули Р., Джосс С., Дайот Ю., Габрис Дж. [25; 26; 29].

* Материалы произведены иноагентом.

Этот формат, в свою очередь, проявляет следующую закономерность: «каждый город демонстрирует различный набор институциональных механизмов и взаимодействий участников на аренах принятия решений из-за своего собственного уникального политического, экономического, социального и исторического контекста» [21].

Для исследователей города важно понимать не столько сам процесс сборки, формы этого процесса, сколько особенности тех субъектов и акторов, кто инициирует сборку, кто ее осуществляет, кто является «собирающими взгляда» [15]. Сегодня налицо ситуация перехода к социальным формам, которым еще нет названия: «инфра-персональные затерянные миры капитализма платформ, невидимые стены и всевидящее око цифровой власти подводят нас к тому, что Шошанна Зубофф называет беспрецедентным» [18]. Гибридное пространство отличается от различного рода технологически образуемых пространств тем, что у горожанина всегда есть возможность быть подключенным к Интернету: это меняет его опыт пользования пространством, что позволяет быть включенным как в отдаленную коммуникацию, так и в коммуникацию «здесь и сейчас».

Анклавы цифрового городского пространства, воплощающие новые практики освоения пространства, реализуемые в особых условиях (когда виртуальные сообщества горожан, критикуя самые противоречивые решения градопроектировщиков), предлагают иные проекты, разработанные локальными активистами⁴ или просто людьми вне всяких институций.

Результаты исследования

На основе анализа некоторых теоретических высказываний и проработки эмпирических данных получены следующие результаты:

1. Выявлены характер и различия сборки города обследуемых локаций. Сборка предстает как конструкция, то есть опубликование проекта в акциях власти, девелоперов, архитекторов, жителей, а также как событие и реакции на него общественности в социальных медиа.

Как собирается Новосибирск? С точки зрения администрации, столица Сибири — прогрессивный центр конструктивизма, транспортный хаб, самый быстрорастущий город. Медийное сообщество «Деловой квартал»⁵ чаще всего «собирает город» как город-предприниматель. Для части жителей город — серый/мрачный, депрессивный, воплощающий искусственную и централизованную организацию труда, отдыха и быта, и в то же время это территория, капитализация которой ведет к неиз-

⁴ Под локальным активизмом мы понимаем коллективные действия горожан, их самоорганизацию для участия в пространственном развитии города.

⁵ Деловой квартал. Новосибирск. — URL: <https://vk.com/dk.novosibirskp> (дата обращения 27.02.2023).

бежной фрагментарности, спонтанной точечной застройке города⁶. Для Новосибирска, энергично развивающегося, типична сборка, которая осуществляется сквозь призму джентрификации, меняющей как пространство центра, так и особенности окраинных районов: *«В Советском районе, который с 1950-х г. складывался как уникальный научный анклав со своим особым типом жителей, устоявшаяся среда понемногу размывается. Калининский же район... сформировавшийся как научно-производственный вокруг НЗХК и других заводов, претерпевает другие метаморфозы. Здесь новые территории застраиваются произвольно, и в них селятся жители, которые ничего не знают про старую атмосферу района. На улицах Богдана Хмельницкого, Учительской и других формируются свои сообщества, не связанные друг с другом»*⁷.

В комментариях жителей в социальных сетях преобладают высказывания, которые демонстрируют, как могут или должны сосуществовать «старое» и «новое»: *«...как бы мы ни делились внутри одного города на местных и понаехавших, старых и молодых, консерваторов и прогрессистов, Новосибирск у нас один. И разорвать его на множество маленьких комфортных своему узкому кругу лоскутков не сможем, иначе это будет уже не наша привычная “столица Сибири”»*⁸.

В сознании горожан сталкиваются представления о Новосибирске как о бывшем социалистическом городе и о городе-предпринимателе, городе с кварталами повышенной комфортности и зонами (такими, как так называемый Хилокский треугольник⁹). Именно такие районы города, определяемые жителями как «зона отчуждения», «гетто», вынуждают жителей признавать Новосибирск некомфортным городом Сибири. Любые опубликованные данные о позиции города в рейтинге «умных» или комфортных городов вызывают протесты жителей. И чем более разнообразны стратегии обсуждения, тем больше выявленных противоречий, тем более рельефны различия между развитием центра и периферии, между инновациями и наследием социалистического города. Но и в этом процессе представления горожан — на периферии дискуссий. Модели сборки в таком контексте отличают неопределенность, процессуальность, турбулентность социокультурных явлений.

Как собирается Барнаул? Сборки демонстрируют два следа конкурирующих «городских идеологий»: индустриальный центр Алтая и зеленый

⁶ Типичный Новосибирск. — URL: https://vk.com/typical_nsk (дата обращения 06.02.2023).

⁷ Улицы раздора. — URL: <https://ведомостинсо.рф/2021-44-18-1> (дата обращения 10.02.2024).

⁸ Улицы раздора. — URL: <https://ведомостинсо.рф/2021-44-18-1> (дата обращения 06.02.2023).

⁹ «Хилокский треугольник» — кладбище, рынок, мусорный полигон. — URL: https://vk.com/wall-163061027_2769291 (дата обращения 06.02.2023).

(экологически выставочный) город. Сборка города становится многовекторной, если внимание социальных сообществ фокусируется на экопроблематике. В Барнауле сборка чаще всего осуществляется практикующими архитекторами в медийном сообществе «ТОЛК»¹⁰, где они постоянно высказываются, инициируют дискуссии, делая акцент на потере городом своего промышленного статуса (по мнению градостроителей, строить предприятия просто негде). Журналисты, участвующие в дискуссиях о практике градостроительства, фиксируют многообразие позиций жителей. *«Одни говорят, что город — не застывшая форма, что появление новых пространств, ракурсов — нормальный эволюционный процесс, что любой мегаполис — живой организм, который развивается, адаптируется к новым запросам, требованиям и т. д. Другие же настаивают, что застройка разномасштабная, что высоты “перекрыли все горизонты”, что жить в “человейниках” и новых пространствах стало некомфортно»*¹¹. Администрация города убеждает жителей, что город достаточно озеленен, на одного человека приходится 29 кв. м зеленой территории, тогда как норма предполагает 10 кв. м. Архитектурная общественность уверена, что *«зеленый каркас города», которого нет и который необходимо создать, уменьшит социальное напряжение, улучшит качество жизни людей»*¹².

Как собирается Томск? Администрация настаивает: Томск — Большой город, город-университет, жемчужина деревянного зодчества¹³, город, обладающий статусом исторического поселения, пространство для реального экспериментирования и сохранения традиций. Сборки реального пространства города, определение границ исторического центра, сопровождаемые высказываниями в сетях, с одной стороны, привели к реальным изменениям (появление пространств, развивающихся по канонам нового урбанизма, возникновение урбан-кварталов), а с другой — обусловили долгие дискуссии, не позволяющие реализовывать разнообразные градостроительные про-

¹⁰ ТОЛК. Общество. — URL: <https://tolknews.ru/obsestvo/153106-pravda-li-chto-v-barnaule-zakonchili-blagoustroystvo-parka-izumrudniy> (дата обращения 12.05.2023).

¹¹ С видом на жительство: как меняется Барнаул и что об этом думают архитекторы. — URL: <https://tolknews.ru/obsestvo/152334-kak-menyaetsya-barnaul-i-chto-po-etomu-povodu-dumayut-arhitektori> (дата обращения 20.05.2024).

¹² Город, которого нет: каким будет Барнаул к 2036 г. — URL: <https://www.amic.ru/news/obschestvo/gorod-kotorogo-net-kakim-budet-barnaul-k-2036-godu-po-novomu-genplanu-443549> (дата обращения 24.03.2023).

¹³ Администрация Томска. — URL: <https://vk.com/tomskadm70> (дата обращения 24.03.2023); Что изменится с принятием проекта границ исторического Томска. — URL: <https://www.riatomsk.ru/article/20230823/chto-izmenitsya-s-prinyatiem-proekta-granic-istoricheskogo-tomska/> (дата обращения 24.08.2023).

екты. К примеру, даже определение границ исторического поселения может превратиться в сложную долговременную процедуру, если между сообществами, властью и разработчиками не будет выстроен диалог. Так, *«в СМИ долго обсуждалась информация о том, что разработчики проекта “Томские набережные” предложили снять с Томска статус исторического поселения. Позже по этому поводу высказались и власти: губернатор... заявил, что “не для того статус ставили, чтобы его снимать”, а мэр города... заметил, что статус почетен, но “по факту пока не дает больших преимуществ городу”». При этом все сходятся в одном: “статус городу необходим”»*¹⁴. Но границы исторического поселения до сих пор не определены. А городские сообщества, осуществляющие сборки параллельно официальным, видят глубинные контексты и причины застоя в практике застройки города, а не только в отсутствии точных границ исторического поселения; усматривают черты городской социопространственной поляризации, маргинализации и депривации¹⁵. Если в модели сборки акцентируется внимание на каком-то одном измерении, одном проекте, то она вызывает радикальную критику, и, как правило, модель не приводит к реальной сборке¹⁶.

Официальный дискурс строится на вере, что горожане нуждаются во «всеобъемлющем всевидящем оке власти», особенно при реализации крупных проектов, таких как строительство Межуниверситетского кампуса. Дискурс формируется так, как будто у горожан произошла сознательная утрата определенности в восприятии города, как будто налицо целенаправленный отказ от действующих канонов восприятия городского пространства и действия в нем. В 2021 г. такая направленность дискурса достигает своего пика. Если исследовать активность медийных сообществ, то следует заметить, что максимума она достигает тогда, когда появляются самые утопические сообщения власти: *«...после канатной дороги мы вернемся и к вантовому мосту. Это в том числе для автобусов-беспилотников, мы хотели, чтобы они ходили до университетов»*¹⁷. У аудитории представителей критического дискурса есть стойкое неже-

¹⁴ Шеламова Е. Все сложно. Что не так со статусом исторического поселения Томска // Томский обзор. — URL: <https://obzor.city/article/482192> (дата обращения 24.05.2024).

¹⁵ Что делать, чтобы Томск не превратился в пустыню. — URL: <https://russia24.pro/tomsk/281658162/?ysclid=l85j6x667u488338356f> (дата обращения 24.08.2023).

¹⁶ В Томске не утихают баталии по поводу строительства студенческого кампуса за 35 млрд. — URL: <https://riafan.ru/1358793-v-tomske-ne-utikhayut-batalii-po-povodu-stroitelstva-studencheskogo-kampusa-za-35-mlr> (дата обращения 27.05.2024).

¹⁷ Томский кампус: проект с подводными камнями. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/urban/tomskii-kampus-proekt-s-podvodnymi-kamniami-60ee5216d92f340d6f962d5b> (дата обращения 27.05.2024).

ление принимать пространственную компетентность Другого, тем более воплощающего волю представителей сегодняшнего истеблишмента. А у власти столь же стойкое неприятие любой критики, особенно по поводу реализованных проектов: «...какую бы ерунду ни собирали заезжие гастролеры-блогеры и некоторые местные любители поговорить, гранитная набережная стала отличным подарком нашим землякам к юбилею»¹⁸.

В этом контексте ориентация на проектную деятельность сужает горизонты видения целей социопро пространственного развития. Сложившиеся здесь «арены обсуждения и взаимодействия», позволяющие осуществить процесс согласования интересов, не являются эффективными. Но они требуют особого исследовательского внимания, поскольку отражают противоречивое взаимодействие власти, медийных сообществ, бизнеса, градозастройщиков, горожан.

Во множестве сборок этих городов акцентируется внимание на устойчивом развитии, которое понимается слишком односторонне.

2. Распространены варианты сборки этих же городов как пространственно-конфликтных. Если проанализировать отражение сегодняшних городских конфликтов в социальных медиа (пример Томска), то следует обратить внимание на типичные, повторяющиеся комментарии по поводу акций противников точечного строительства¹⁹, «акций против» администрации районов, не занимающихся проблемой экопроектирования. И тогда можно зафиксировать следующее: конфликты связаны с изменениями в пространстве города, не затрагивающими базовые интересы горожан, но вызывающими радикальное недовольство. Так, критика проекта, связанного со строительством Межуниверситетского кампуса в Томске, начавшаяся после публичной презентации проекта, привела в конечном счете к изменению локации кампуса.

В Новосибирске сборка города, инициированная научной общественностью, привела к созданию Геоинформационной базы данных конфликтов Новосибирской агломерации. Комментируя типологию конфликтов, жители Новосибирска подчеркивали, что могли бы дополнить описание более 200 случаев городских конфликтов. Наиболее обсуждаемые конфликты, имеющие отношение к практике градостроения, демонстрируют одну особенность: «Сегодня конфликт очень легко переходит из одной сферы в другую: градостроительный конфликт превращается в экологический, экологический легко может превратиться в кон-

¹⁸ Томский кампус: проект с подводными камнями. — URL: <https://zen.yandex.ru/media/urban/tomskii-kampus-proekt-s-podvodnymi-kamniami-60ee5216d92f340d6f962d5b> (дата обращения 27.05.2024).

¹⁹ «Надгробная набережная»: видео впечатления московского урбаниста Гершмана о Томске. — URL: <https://tv2.today/News/Nadgrobnaya-naberezhnaya-i-progulka-po-severnomu-parku-videovpechatleniya-moskovskogo-urbanista-gershmana-o-tomske> (дата обращения 27.05.2024).

*фликт этнический и т. д.»*²⁰ Такие метаморфозы научная общественность фиксировала почти во всех конфликтах Академгородка. Одни жители в этих конфликтах отстаивали политику на основе принципов самоуправления, привлечения граждан, открытых общественных экспертиз. Других устраивало усиление капитализации территории за счет повышения привлекательности и конкурентоспособности.

В Барнауле конфликты связаны с тем, что строительство новых районов сокращает зеленый массив города. Жители высказываются против уплотнительной застройки, вырубки зеленых насаждений, в защиту исторических и архитектурных памятников. Протестные акции показывают, что коммерческий интерес определяет архитектурное развитие столицы края, влияет на формирование его облика. Наиболее типичным в этом контексте стало обсуждение проекта нового корпуса Алтайского госуниверситета на одной из центральных зеленых площадей города²¹. В течение нескольких лет проект отклонялся членами градостроительного комитета Барнаула. Жителями он трактовался как проект, который «убьет площадь»; они возмущались: «...*складывается впечатление, что проектировщики ненавидят деревья... Оставьте зеленую зону в покое*»²². Но все же проект будет реализован.

3. Определены особенности официального дискурса города как системы научно обоснованных интерпретаций, в рамках которых город понимается не только как целостная экосистема, существующая на основе сложившихся принципов и практик пространственного развития, но и как сложное фрагментарно сложившееся образование (город как калейдоскопическая совокупность потоков, образов), включающее знаки, символы, речевые и нормативно-правовые высказывания, сопровождающие деятельность по трансформации городской среды, по социопространственным проблемам города и способам их решения.

Официальный дискурс — это маятниковое движение. Основные ценности, на основе которых выстраивается дискурс: устойчивое развитие («сделать регион заметным на инновационной карте»), порядок («консолидировать усилия для формирования экосистемы города»), лидерство («идея Большого томского университета — заявка на глобальное

²⁰ Ирина Скалабан: мы создали единственную в России геоинформационную базу данных конфликтов новосибирской агломерации. — URL: <https://infopro54.ru/news/irina-skalaban-my-sozdali-edinstvennuyu-v-rossii-geoinformacionnuyu-bazu-dannykh-konfliktov-novosibirskoj-aglomeracii> (дата обращения 26.05.2024).

²¹ Протест против вуза. Конфликт вокруг нового корпуса АлтГУ. — URL: https://altai.aif.ru/society/protest_protiv_vuza_konflikt_vokrug_novogo_korpusa_alngu_ne_zatuhaet?from_inject=1 (дата обращения 25.05.2024).

²² Стоимость нового корпуса АлтГУ выросла в 4 раза за три года. — URL: https://vk.com/wall-38551279_7407541 (дата обращения 25.05.2024).

лидерство»), гражданский консенсус («не идти на поводу у местных и иных блогеров»)²³. В дискурсе власти независимо от обследуемых городов доминируют представления о том, что «без земли и собственности власть — ничто», что «строптивость жителей», не принимающих реализованные городские проекты, надо преодолевать.

4. В дискурсе социально-медийных сообществ можно выделить три типа: апеллирующий к официальному дискурсу, критически-проектный и лайт-урбанизм. У этих сообществ имеется достаточный уровень компетентности, способности привлечь к конкретной градостроительной повестке внимание людей. Среди таких сообществ можно выделить прежде всего архитекторов, историков, краеведов, которые во всех трех городах очень легко инициируют обсуждение указанной проблематики. Это православные активисты Новосибирска, как обсуждающие градостроительные проблемы, так и предлагающие сценарии протестного поведения горожан. Это экологические сообщества, в состав которых входят значительное количество экспертов. Именно они формируют повестку обсуждения и сценарий конфликта, способствуя трансформации, переводу его в другую плоскость: в сферу сохранения культурного наследия города, в этническую область и т. д. По новосибирским сообществам в рамках исследования в 2021 г. был проанализирован текстовый контент 32 социально-медийных сообществ (выгружены 343 поста, 255 комментариев), в 2023 г. — 41 сообщество (295 постов, 151 комментарий). Только в 21% всех текстовых сообщений за этот год не только содержится тотальная критика, но и обсуждается репертуар совместных действий в случае возникновения конфликта. Но активность комьюнити свидетельствует, что Новосибирск — образец живого гражданского общества.

В Томске в рамках исследования в 2021 г. проанализирован текстовый контент 18 социально-медийных сообществ (выгружены 221 пост, 178 комментариев), в 2023 г. — 21 сообщество (195 постов, 141 комментарий). Городские медийные сообщества («Умный транспорт», «Город не бесит», «Жесть», «Суровый Томск»), группы, реализующие проектную деятельность в городе, мобилизуемые с помощью активности в сетях, занимаются сборкой города, создавая свои варианты сборки и коммуникаций, отличающиеся такими параметрами, как: направленность (есть лояльные и критически ориентированные по отношению к власти); позиция в гражданской инфраструктуре (формируемая на базе модели «соседского» режима коммуникации городских жителей и определяемая этим режимом); роль в формировании

²³ Мэрия Новосибирска. — URL: https://vk.com/nsk_adm (дата обращения 23.01.2023); Администрация Томска. — URL: <https://vk.com/tomskadm70> (дата обращения 24.03.2023); Город Барнаул. — URL: <https://vk.com/official.barnaul> (дата обращения 24.04.2023).

режима гражданственности (группы, предлагающие ресурсы, репертуар действий, адекватных реакций горожан на несправедливость, и группы, отвергающие все формы коммуникаций, кроме социального радикального протеста); формирование своей аудитории (с эффектом «мы-вместе» и настойчивым позиционированием и без данного эффекта, ориентацией на конструктивный диалог со всеми акторами города, участие в действиях на легитимных аренах)²⁴.

Каждое четвертое сообщение в 2021 г. в социальных медиа Томска посвящено уже реализованным или разрабатываемым проектам, которые, согласно мнению горожан, не учитывают их мнение. И это, несмотря на предварительные предпроектные социологические исследования, общественные слушания, публичное обсуждение проектов.

В Барнауле в рамках исследования в 2021 г. были проанализированы тексты 10 социально-медийных сообществ (выгружены 167 постов, 93 комментария), в 2023 г. — 14 сообществ (203 поста, 137 комментариев). Социально-медийные сообщества часто возникают благодаря повестке градостроения, которая интерпретируется активистами как неадекватная: «...в вопросах застройки доминирует частный интерес, а не общественный или государственный, в том числе в скверах и парках, которые мы привыкли считать общественными. Нет единого плана, как должен развиваться город. “Зеленого каркаса” нет»²⁵. Следует отметить, что таким сообществам иногда удается добиться желаемой цели: «...барнаульцам удалось отстоять зеленую зону на пересечении пр. Социалистического и ул. Молодежной, где планировали возвести отель Radisson, ... сохранить парк им. Ленина, где планировался физкультурно-оздоровительный комплекс»²⁶. Но часто заказчики градостроительных проектов предпочитают вести диалог только с общественностью, которую представляют «оформленные организации». Такая позиция расходится с политикой алтайских властей, которые нацелены на диалог с жителями в сфере градостроительства. Власть воспринимается жителями как арбитр или ресурс для решения проблемы²⁷.

²⁴ Козьявкин А. Кампуснём? — URL: <https://news.vtomske.ru/view/181016-kampusnem> (дата обращения 25.05.2024).

²⁵ Барнаульцы предложили ввести мораторий на застройку зеленых зон. — URL: https://altai.aif.ru/society/barnaulcy_predlozhili_vvesti_moratoriy_na_zastroyku_zelenyh_zon (дата обращения 24.03.2023).

²⁶ Президент АлтГУ обозначил свое раздражение общественными протестами против нового корпуса в сквере. — URL: <https://www.bankfax.ru/news/140003/> (дата обращения 24.03.2023).

²⁷ Общественный конфликт вокруг земли в барнаульском парке им. Ленина. — URL: <https://www.bankfax.ru/povestka/145823/> (дата обращения 24.05.2024).

Итак, во-первых, городские сообщества развивают свою риторику, используя дискурс, связанный с официальным пониманием устойчивого развития и ростом города. С этой точки зрения комфортный город — это мегаполис со скоростными магистралями, большими производственными и другими автономными зонами. Это мобильный, развивающийся, богатый город. В инновациях усматривается единственный вариант повышения конкурентоспособности региона. Ведущая роль в процессе инновационного развития традиционно отводится науке и образованию. Во-вторых, сообщества ориентированы на дискурс, структуру которого создает тезаурус критического урбанизма. Согласно ему город — машина неравенства и несправедливости, которая, даже осуществляя благоустройство, действует не в интересах жителей. *«Михайловская роща попала под каток “благоустройства”... не благоустройство, а просто освоение бюджетных средств»; «в Томске снова поднялась волна зачистки исторических территорий под новое строительство; ... самовольные трактовки регламентов привели к тому, что на месте деревянных домов появляются бетонные монстры»; «есть такое понятие “ткань городской застройки”, когда мы теряем хоть один дом, в этой ткани образуются дыры»*²⁸. Критики в Томске акцентируют внимание на том, что городская политика не учитывает как развитие охранных зон города, так и пространство его окраин, хотя там проживают значительная часть горожан. Потенциальная открытость диапазону опытов тех, кто производит этот дискурс, делает его продуктивным. В этом дискурсе особую функцию выполняют блогеры: они всячески радикализируют дискурс, дополняя его критически понятой этнографией, и в то же время превращают блоги в место, где горожане могут продемонстрировать неповседневный, «фотографический» взгляд на город [8].

Тезаурус, на котором базируется этот тип дискурса, неоднозначен. С одной стороны, критически-проектный, акцентирующий такие символические ценности, как многовариантность развития, расширение прав и возможностей граждан, их соучастие в процессах, формирующих демократические принципы; справедливость и социальные инновации; жизнеспособность городов с анклавами цифрового развития. А с другой стороны, тотально-агрессивный, характеризующийся привычной риторикой рассерженного горожанина (неравенство, незащищенность, неимение возможности участвовать в обсуждениях).

В-третьих, часть городских сообществ ориентирована на дискурс лайт-урбанизма, нового урбанизма гейловского²⁹ плана (некоторые называют его хипстерским урбанизмом). Он акцентирует внимание на идее важности публичного пространства, где люди могут взаимо-

²⁸ Шеламова Е. Что не так со статусом исторического поселения Томска. — URL: <https://obzor.city/article/482192> (дата обращения 24.05.2024).

²⁹ Ян Гейл — датский урбанист, автор «Город для людей» (2012).

действовать. Город рассматривается как яркое, активное, комфортное место, где жители счастливы. Это настоящая публичность, где люди выступают как наблюдатели друг друга. На дискурс влияют позиции групп, которые возникают по инициативе горожан в результате самоорганизации и активно используют краудсорсинг (вовлечение горожан), тяготеют к неформальному устройству и проводят самостоятельную экспертизу предлагаемых проектов.

Именно благодаря последнему дискурсу формируются как формально демократические инструменты участия в проектировании города, так и повседневные неформальные практики, сети горожан, которые позволяют им играть роль участников процесса развития городских территорий.

Заключение

В ходе исследования выявлены как теоретически обоснованные модели сборки города, так и виртуальные, реальные сборки, пересборки городского пространства, которые инициировались представителями власти, участниками социально-медийных сообществ, членами публик групп, формирующих повестку дня пространственного развития городов.

Сборки города, как было доказано, осуществляются с использованием того или иного дискурса, коммуникативной рациональности, задающих видение особенностей городского развития и документов, определяющих практику градостроения. Решающее воздействие на виртуальные сборки оказывает тот или иной дискурс города. Исследование показало, что в виртуальном пространстве конкурируют три дискурса: официальный, связанный с устойчивым развитием, критический и дискурс лайт-урбанизма. Сборки с привлечением горожан или по их инициативе, как правило, удлиняют процесс сборок реальных, но зато делают процесс запуска городских проектов менее противоречивым, менее конфликтным.

И сборка, и двойная сборка, и пересборка отражают фреймы восприятия города и формируют новые. Например, обращаясь к новой вещественности и материальности, участвующей в формировании социальности, задают фреймы новой чувствительности, аутентичности, искренности. Финальные сборки выполняют, как правило, функцию объясняющего концепта. Сборка на основании теории устойчивого развития города чаще всего фрагментарна, калейдоскопична, она не дает представления об онтологии города, о перспективах пространственного развития. Сборки подобного рода многоконтекстуальны, но они схватывают гибридность городского пространства, соединение прошлого и настоящего города, новое взаимодействие технического и социального. Они слабо ориентированы на соучастное проектирование.

Критическая теория города ставит под сомнение возможность сделать город более эффективным, более экологически устойчивым и со-

циально справедливым, безопасным и экономически процветающим, особенно в свете интегрирования умных технологий. Поэтому, когда на горизонте появляется умное решение, которое обещает быть масштабируемым, наиболее критично мыслящие управленцы пытаются осуществить ревизию сущности города. «Собирателями взгляда» становятся как эксперты-ученые, профессионалы-архитекторы, так и журналисты-блогеры, имеющие репутацию либо «хранителей времени», либо новаторов — проводников новых смыслов и новых технологий.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колодий Наталия Андреевна — доктор философских наук, профессор, Отделение социально-гуманитарных наук, Школа общественных наук, Национальный исследовательский Томский политехнический университет. **Телефон:** +7 (3822) 707-177. **Электронная почта:** kolna@tpu.ru

Иванова Вера Степановна — кандидат философских наук, доцент, кафедра социологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет. **Телефон:** +7 (3822) 529-784. **Электронная почта:** vcsoc@rambler.ru

Research Article

NATALIIA A. KOLODII¹, VERA S. IVANOVA²

¹National Research Tomsk Polytechnic University.
30, Lenin Str., 634030, Tomsk, Russian Federation.

²National Research Tomsk State University.
36, Lenin Str., 634030, Tomsk, Russian Federation.

ASSEMBLING CITIES IN CONTEMPORARY DISCURSIVE PRACTICES

Abstract. The article presents issues that reflect modern strategies and tactics for constructing a holistic image of a city. The so-called assembly (reassembly) is executed in response to the challenges of a scattered, fragmented, decentralized, hybrid city, but a developing city nonetheless. We reveal several types of “assembly”, depending on who the “outlook collectors” are: each time these are either those who generally approve of the policies of the powers that be, or opposition-minded bloggers, popular leaders of urban communities; or members of research groups. The authors consider the city as a dynamic system that forms many vectors of development and makes for diversity of urban discourse. The article proves that in the media three types of discourse compete in the city space: the discourse of sustainable development, critical urbanism, as well as a softer version referred to as the discourse of new urbanism. We conduct subject analysis of texts and statements made by members of social media communities (from three Siberian cities: Novosibirsk, Barnaul, Tomsk), who conduct spatial development audits and offer their own scenarios for putting together a city. The role and the importance are shown of virtual assemblies, which, if social media communities are anything to go by, can lead to creating actual assemblies and to the interaction of all city actors in the process of transforming space, to revising the modes of involvement of citizens in process of designing urban life. Discussions related to putting together a city may also slow down the process of implementing urban projects and hamper practices of further developing cities that are considered historical settlements. Moreover, citizens’ demands for an authentic urban space that can be called genuine and historic are often neglected

by government officials. Each of the analyzed cities demonstrates its own unique set of institutional mechanisms and interactions of participants in decision-making arenas that are a product of a certain unique cultural, social, political and historical context.

Keywords: city assembly; social media communities; urban discourses; space audit; hybrid city; citizenship regime.

For citation: Kolodii, N.A., Ivanova, V.S. Assembling Cities in Contemporary Discursive Practices. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 102–123. 10.19181/socjour.2024.30.2.5

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia A. Kolodii — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Division for Social Sciences and Humanities, School of Social sciences, National Research Tomsk Polytechnic University. **Phone:** +7 (3822) 707-177. **Email:** kolna@tpu.ru

Vera S. Ivanova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate professor, Department of Sociology, National Research Tomsk State University. **Phone:** +7 (3822) 529-784. **Email:** vcsoc@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Беньямин В. Москва // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избранные эссе / Под ред. Ю.А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. С. 163–209.*
Ben'yamin V. Moscow. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti: izbrannye esse*. [A Work of Art in the Era of Its Technical Reproducibility: Selected Essays.] Ed. by Yu.A. Zdorovyi. Moscow: Medium publ., 1996. P. 163–209. (In Russ.)
2. *Беркинг Х. «Города, как людей, узнаешь по походке»: наброски об изучении города и городов // Собственная логика городов. Новые подходы в урбанистике / Под отв. ред. Х. Беркинга, М. Лев. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 15–29.*
Berking Kh. “You Recognize Cities as People by Their Gait”: Sketches about the Study of Cities and Towns. *Sobstvennaya logika gorodov. Nove podkhody v urbanistike*. [Own Logic of Cities. New Approaches in Urbanism.] Ed. by Kh. Berking, M. Lev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2008. P. 15–29. (In Russ.)
3. *Бодрунова С.С., Смолярова А.С., Блеканов И.С., Журавлева Н.Н., Данилова Ю.С. A Global Public Sphere of Compassion? #JeSuisCharlie and #JeNeSuisPasCharlie on Twitter and Their Language Boundaries // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 267–295. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.14 EDN: YQUCQX*
Bodrunova S.S., Smolyarova A.S., Blekanov I.S., Zhuravleva N.N., Danilova Yu.S. A Global Public Sphere of Compassion? #JeSuisCharlie and #JeNeSuisPasCharlie on Twitter and Their Language Boundaries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018. No. 1. P. 267–295. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.14 (In Russ.)

4. Бюхли В. Антропология архитектуры / Пер. с англ. М.В. Григорьевой и О.В. Гритчиной. Харьков: Гуманитарный центр, 2017. — 288 с.
Buchli V. An Anthropology of architecture. [Russ. ed.: *Antropologiya arkhitektury*. Transl. from Eng. by M.V. Grigor'eva, O.V. Gritchina. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr publ., 2017. 288 p.]
5. Вахштайн В.С. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38. EDN: SHBVRP*
Vakhshain V.S. The Reassembly of the City: Between Language and Space. *Sotsiologiya vlasti*. 2014. No. 2. P. 9–38. (In Russ.)
6. Вахштайн В.С. Город как ассамбляж: к теории гетерополиса // Социология власти. 2021. Т. 33. № 4. С. 35–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-4-35-54 EDN: HRTSWK*
Vakhshain V.S. The City as an Assemblage: Towards the Theory of Heteropolis. *Sotsiologiya vlasti*. 2021. Vol. 33. No. 4. P. 35–54. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-4-35-54 (In Russ.)
7. Желнина А.А., Тыканова Е.В. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 1. С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8 EDN: VVKYRG
Zheltnina A.A., Tykanova E.V. Formal and Informal Civic Infrastructure: Contemporary Studies of Urban Local Activism in Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2019. Vol. 22. No. 1. P. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8 (In Russ.)
8. Запорожец О.Н., Лапина-Кратасюк Е.Г. Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода // Этнографическое обозрение. 2015. № 4. С. 41–54. EDN: UHCBPJ
Zaporozhets O.N., Lapina-Kratasyuk E.G. The Anthropology of the Digital City: On the Question of Choosing a Method. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2015. No. 4. P. 41–54. (In Russ.)
9. Квят А.Г. «Все будет иначе»: городской пикник как гетеротопия // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 388. С. 65–75. EDN: TALBVH
Kvyat A.G. “Everything will be different”: Urban Picnic as a Heterotopia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014. No. 388. P. 65–75. (In Russ.)
10. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. — 384 с. EDN: SYZVMJ
Latur B. The Reassembly of the Social: an Introduction to Actor-network Theory. [Russ. ed.: *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Transl. from Eng. by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow: Izd. dom VShE publ., 2014. 384 p.]
11. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с франц. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. — 432 с. EDN: TRPTCI

* Материалы произведены иноагентом.

- Lefevr A. The Production of Space. [Russ. ed.: *Proizvodstvo prostranstva*. Transl. from French by I. Staf. Moscow: Strelka Press publ., 2015. 432 p.]
12. Москалева С.М., Тыканова Е.В. Социальные условия деятельности гражданских и экспертных групп по улучшению качества городской среды // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 4 (87). С. 103–120. EDN: XXRFND
- Moskaleva S.M., Tykanova E.V. Social Conditions of the Performance of Civic and Expert Groups Aimed at the Improvement of the Quality of Urban Environment. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2016. Vol. 19. No. 4 (87). P. 103–120. (In Russ.)
13. Оводова С.Н., Чупин Р.И., Жигунов А.Ю. Урбанистический дискурс о благоустройстве города в городе: от нарративов к институтам // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 3. С. 123–138. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.123-138 EDN: YAWSZD
- Ovodova S.N., Chupin R.I., Zhigunov A.Yu. Urban Discourse about City Improvement: From Narratives to Institutions. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*. 2018. Vol. 10. No. 3. P. 123–138. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.3.123-138 (In Russ.)
14. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна / Пер. с франц. А.Ю. Коннов / Под ред. Т. Тимаковой, О. Печенкова. М.: Новое литературное обозрение, 2017. — 97 с.
- Ozhe M. No-places. Introduction to the Anthropology of Hypermodernity. [Russ. ed.: *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiyu gipermoderna*. Transl. from French by A.Yu. Konnov, Ed. by T. Timakova, O. Pechenkov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2017. 97 p.]
15. Самутина Н.В. Собиратели взгляда // Социологическое обозрение. 2018. Т. 18. № 1. С. 325–332.
- Samutina N.V. Collectors of the view. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2018. Vol. 18. No. 1. P. 325–332. (In Russ.)
16. Усманова А. «Огугленное знание»: производство и распространение знания в условиях цифрового поворота // Топос. 2017. № 1–2. С. 7–17.
- Usmanova A. E-Burned Knowledge: the Production and Dissemination of Knowledge after the Digital Turn. *Topos*. 2017. No. 1–2. P. 7–17. (In Russ.)
17. Харман Г. Четвероякий объект: Метафизика вещей после Хайдеггера / Пер. с англ. А. Морозова, О. Мышкина. Пермь: Гиле Пресс, 2015. — 152 с.
- Kharman G. The Fourfold Object: The Metaphysics of Things after Heidegger. [Russ. ed.: *Chetveroyakii ob'ekt: Metafizika veshchei posle Khaideggera*. Transl. from Eng. by A. Morozov, O. Myshkin. Perm: Gile Press publ., 2015. 152 p.]
18. Шурина С., Будрайтскис И. Машины различий у врат Беспрецедентного // Художественный журнал. 2021. № 117 [электронный ресурс]. Дата обращения 10.11.2023. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/105/article/2315>

- Shuripa S., Budraitskis I. Difference Machines at the Gates of the Transcendent. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 2021. No. 117. Accessed 10.11.2023. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/105/article/2315> (In Russ.)
19. Amin A., Thrift N. *Seeing Like a City*. Cambridge: Polity Press, 2017. 216 p.
 20. Amin A. Re-thinking the Urban Social. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy*. 2007. Vol. 11. No. 1. P. 100–114. DOI: 10.1080/13604810701200961
 21. Baud I., Jameson S., Peyroux E., Scott D. The Urban Governance Configuration: A Conceptual Framework for Understanding Complexity and Enhancing Transitions to Greater Sustainability in Cities. *Geography Compass*. 2021. Vol. 15. Iss. 5. P. 1–17. DOI: 10.1111/gec3.12562
 22. Brenner N., Madden D., Wachsmuth D. Assemblage Urbanism and The Challenges of Critical Urban Theory. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2011. Vol. 15. No. 2. P. 225–240. DOI: 10.1080/13604813.2011.568717
 23. Brenner N., Schmid Ch. Towards a New Epistemology of the Urban? *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2015. No. 2–3. P. 151–182. DOI: 10.1080/13604813.2015.1014712
 24. Bulkeley H. Reconfiguring Environmental Governance: Towards a Politics of Scales and Networks. *Political Geography*. 2005. Vol. 24. No. 8. P. 875–902. DOI: 10.1016/j.polgeo.2005.07.002
 25. Cardullo P., Kitchin R. Smart Urbanism and Smart Citizenship: The Neoliberal Logic of ‘Citizen-Focused’ Smart Cities in Europe. *Environment and Planning C Politics and Space*. 2018. Vol. 37. No. 5. P. 813–830. DOI: 10.1177/0263774X18806508
 26. Cowley R., Joss S., Dayot Y. The Smart City and Its Publics: Insights from Across Six UK Cities. *Urban Research & Practice*. 2018. Vol. 11. Iss. 1. P. 53–77. DOI: 10.1080/17535069.2017.1293150
 27. DeLanda M. *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*. L.: Continuum, 2006. 107 p. DOI: 10.5040/9781350096769
 28. Fredericks J., Hespanhol L., Parker C., Zhou D., Tomitsch M. Blending Pop-Up Urbanism and Participatory Technologies: Challenges and Opportunities for Inclusive City Making. *City, Culture and Society*. 2018. Vol. 12. P. 44–53. DOI: 10.1016/j.ccs.2017.06.005
 29. Gabrys J. Programming Environments: Environmentality and Citizen Sensing in the Smart City. *Environment and Planning D: Society and Space*. 2014. Vol. 32. No. 1. P. 30–48. DOI: 10.1068/d16812
 30. Jenson J. Redesigning Citizenship Regimes after Neoliberalism: Moving Towards Social Investment. *Towards A Social Investment Welfare State? Ideas, Policies and Challenges*. Ed. by N. Morel, B. Palier, J. Palme. Stockholm: Institute for Future Studies. 2009. P. 27–44. DOI: 10.1332/policy-press/9781847429247.003.0003

31. Joss S., Cook M., Dayot Y. Smart Cities: Towards a New Citizenship Regime? A Discourse Analysis of the British Smart City Standard. *Journal of Urban Technology*. 2017. Vol. 24. Iss. 4. P. 29–49. DOI: 10.1080/10630732.2017.1336027
32. Lim C., Cho G., Kim J. Understanding the Linkages of Smart-City Technologies and Applications: Key Lessons from a Text Mining Approach and a Call for Future Research. *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. Vol. 170. P. 1–13. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.120893
33. McFarlane C. Assemblage and Critical Urbanism. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2011. Vol. 15. No. 2. P. 204–224. DOI: 10.1080/13604813.2011.568715
34. McFarlane C., Söderström O. On Alternative Smart Cities: From a Technology-intensive to a Knowledge-intensive Smart Urbanism. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*. 2017. Vol. 21. No. 2. P. 1–17. DOI: 10.1080/13604813.2017.1327166
35. Soja E. *Six Discourses on the Postmetropolis*. Oxford: Blackwell. 1998. 14 p. Accessed 30.01.2023. URL: http://www.opa-a2a.org/dissensus/wp-content/uploads/2008/05/soja_edward_w_six_discourses_on_the_postmetropolis.pdf
36. Vanolo A. Smartmentality: The Smart City as Disciplinary Strategy. *Urban Studies*. 2014. Vol. 51. Iss. 5. P. 883–898. DOI: 10.1177/0042098013494427
37. Verrest H., Pfeffer K. Elaborating the Urbanism in Smart Urbanism: Distilling Relevant Dimensions for a Comprehensive Analysis of Smart City Approaches. *Information, Communication & Society*. 2019. Vol. 22. Iss. 9. P. 1328–1342. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1424921

Статья поступила в редакцию: 19.02.2024; поступила после рецензирования и доработки: 05.06.2024; принята к публикации: 13.06.2024.

Received: 19.02.2024; revised after review: 05.06.2024; accepted for publication: 13.06.2024.

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.6

EDN: OQQHOU

А. Н. МАЛИНКИН¹

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

СОЦИОЛОГИЯ И МЕТАФИЗИКА ТЕХНИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА. К 150-ЛЕТИЮ РУССКОГО МЫСЛИТЕЛЯ

Аннотация. В статье рассматривается социальная философия техники Н.А. Бердяева, которую он позиционирует как персоналистически-социалистическую. Реконструируются ее основные положения, выявляются «метафизические и «социологические» аспекты. Показывается, во-первых, что к метафизике техники Бердяев относит критику современного представления человека о самом себе как *homo faber* или *toolmaking animal*, возникшего вследствие нарушения им вечного порядка ценностей и сотворения из техники кумира. Во-вторых, что, согласно Бердяеву, техника создает онтологически «новую действительность», которая, в свою очередь, определяет специфику современной «технической и экономической» эпохи. В-третьих, что христиански правильное, одухотворенное отношение человека к технике является необходимым и существенным элементом апокалиптической эсхатологии Бердяева. Социология техники трактуется русским мыслителем как социальная философия и философия истории. В их свете, с одной стороны, вскрываются культурно- и реально-исторические предпосылки возникновения «технической» эпохи — таковыми Бердяев считает, соответственно, гуманизм и капитализм, а с другой — предлагаются способы преодоления ее сущностных изъянов в свете персоналистически-социалистического идеала общества. Автор статьи подчеркивает актуальность социально-философских идей Бердяева в контексте новейших исторических реалий.

Ключевые слова: Н.А. Бердяев; техника; человек; личность; персоналистический социализм; метафизика техники; социология техники; социальная философия; философия истории; эсхатология.

Для цитирования: Малинкин А.Н. Социология и метафизика техники Н.А. Бердяева. К 150-летию русского мыслителя // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 124–138. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.6 EDN: OQQHOU

Введение

В год 150-летия великого русского философа Н.А. Бердяева мы выбрали из его богатого идейного наследия, на наш взгляд, наиболее злободневную тему. Тот факт, что она не раз попадала в поле зрения исследователей, нисколько нас не смущает, ибо не лишне указать на те идеи и прозрения Бердяева, которые так и не получили в нашей стране должного отклика в плане их *социально-философского развития*, не говоря уже об *адекватных политических решениях в общественной практике*. Те метафизические уроки, что Бердяев извлек в XX в., не пошли нам на пользу — они были опрометчиво проигнорированы. К сожалению, не только нами, но и всеми индустриально развитыми странами.

Неудивительно поэтому, что проблемы, связанные с противостоянием человека и машины, личности и техники, в XXI в. усугубились и приобрели ранее невиданную остроту. С одной стороны, явно нарастает отчуждение человека от своей «внутренней» природы под влиянием новейших технических достижений, принимая нередко крайне извращенные формы. С другой стороны, негативные последствия взаимодействия человека и машины для окружающей среды («внешней» природы) становятся все более угрожающими, приобретая планетарные масштабы. Э.П. Головкин справедливо отмечает, что размышления Бердяева на этот счет, «недооцененные до сего дня, актуальны как никогда» [8, с. 69].

На первый взгляд может показаться, что интерес Бердяева к технике имел эпизодический характер. Но это, конечно, не так. В статье мы постараемся объяснить, почему вопрос о технике и технизации социальной жизни был для него принципиально важным. «Машина имеет огромное не только социологическое, но и космологическое значение, и она ставит с необычайной остротой проблему судьбы человека в обществе и космосе», — писал русский философ [7, с. 508].

Проблему техники Бердяев затрагивал еще в ранней работе «Философия свободы» (1911) [4]. В последующих работах он всегда, когда писал о современном капитализме, о буржуазном (и советско-коммунистическом) общественном строе, упоминал безбожную, бездушную «техническую цивилизацию», уничтожающую духовные основы общества и высокую культуру. Правда, при этом он всегда отмечал и положительную миссию техники: она уменьшила зависимость человека от природы, избавила его от патриархальных социальных уз, освободила сознание от веры в духов и демонов и т. п. «Как это ни парадоксально покажется, — писал Бердяев, — но нужно сказать, что именно христианство расчистило духовно почву для развития научного естествознания и техники. Христианство освободило языческий мир от демономании, изгнало демонов из природы, механизировало природу и тем открыло путь для подчинения природы» [4, с. 62].

Пассажи о технизации человеческой жизни и мышления (в том числе философского) рассыпаны едва ли не по всем книгам и статьям

Бердяева. Эссе «Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники)» [7], опубликованное в журнале «Путь» в 1933 г., выделяется на фоне остальных его публикаций тем, что целиком и полностью посвящено проблеме техники. В нем русский мыслитель сосредоточил внимание только на этой теме. Вот почему именно его содержание стало предметом нашего анализа. В эссе, в частности, Бердяев выразил недоумение, почему до сих пор не была создана философия техники и машины¹. Для создания такой философии уже многое подготовлено, констатирует он, но не сделано самое главное: техника не осознана как духовная проблема, как судьба человека. «Машина рассматривается лишь извне, лишь в социальной проекции. Но изнутри она есть тема философии человеческого существования (*Existenzphilosophie*)» [7, с. 508]. Свою метафизику техники Бердяев рассматривает как первый шаг в построении христианской философии техники.

Сразу поясним, что понятие техники Бердяев наделял самым широким смыслом: «Мы говорим не только о технике экономической, промышленной, военной, о технике, связанной с передвижением и комфортом жизни, но и о технике мышления, стихосложения, живописи, танца, права, даже о технике духовной жизни, мистического пути. Так, например, йога есть своеобразная духовная техника. Техника повсюду учит достигать наибольшего результата при наименьшей трате сил. И такова особенно техника нашего технического, экономического века» [7, с. 500]. Итак, техника для Бердяева — не только инструменты, производственные технологии, но и все, что является для человека средством². Стало быть, техника — это для него также формы и спо-

¹ Мнение Бердяева, что до 1933 г. не было философии техники, конечно, небесспорно. Он сам тут же ссылается на книгу Ф. Дессауэра «Философия техники» (1927) и оценивает ее как «опыт философии техники». Но еще в середине XIX в. появилась философия техники Р. Каппа. Если предположить, что Бердяев имел в виду только *религиозную* философию техники, тогда странным выглядит игнорирование им книги С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» (1912), где техника и технология (проектирование, моделирование) исследуются как части трудовой и хозяйственной деятельности, а также работы немецкого епископа Г. Лилье «Техническая эпоха» (1928). Заслуживает внимания и точка зрения, что в нашей стране философия техники была основана П.К. Энгельмейером, который сформулировал основные положения исследовательской программы по философии техники в 1929 г. [11]. Впрочем, вопрос о персональных приоритетах в создании философии техники как особого предметного направления философской мысли выходит за рамки нашей статьи.

² Техника, согласно Бердяеву, может быть самоценностью и самоцелью лишь в одном случае: «Конечно, техника для ученого, делающего научные открытия, для инженера, делающего изобретения, может стать главным содержанием и целью жизни. В этом случае техника как познание и изобретение получает духовный смысл и относится к жизни духа» [7, с. 501]. Добавим: другим исключением может быть коллекционирование технических изделий, индивидуально-частное и музейное.

собы социальной организации, и то, что мы называем сегодня «социальными технологиями». Современность Бердяев квалифицирует как «*техническую эпоху*», иногда как «*техническую и экономическую*».

Головокружительные успехи науки и техники в XIX в. способствовали успешному развитию человеческой цивилизации, пишет Бердяев, да так, что их достижения стали основой гуманистической веры в «прогресс». «Техника есть единственная сфера оптимистической веры современного человека, самое большое его увлечение», — говорил он, выступая с докладом «Духовное состояние современного мира» на съезде лидеров Мировой христианской федерации в мае 1931 г. [6, с. 488]. Но с началом Первой мировой войны радость по поводу достижений науки и техники все чаще стала омрачаться негативными последствиями их использования в общественной практике. Одновременно техника начала играть в духовной культуре чрезвычайно важную, но далеко не однозначную роль.

Метафизика техники

Бердяев полагал, что техника — а точнее говоря, «вера в технику, в ее мощь и ее бесконечное развитие» — стала для современного человека эрзацем, заменившим не только религию, но даже и гуманистическую веру в самого себя [7, с. 499—500]. Техника подменила собой Бога. От нее ждут чудес, делают из нее идола, кумира. Естественная потребность людей верить в некую высшую силу утоляется современным человеком превратно. Он обращается не к наследию мировых религий — а среди них именно христианство, как полагал Бердяев, выделяется своим эмансипационным потенциалом, содействующим развитию духовно-творческого (личностного) начала в человеке, — а к якобы всемогущей технике, способной творить чудеса. Люди бессознательно наделяют технику той высшей ценностью, которая может принадлежать, согласно Бердяеву, исключительно Богу. «Человек так устроен, что он может жить или верой в Бога, или верой в идеалы и кумиры. <...> Отпадая от веры в Бога, он впадает в идолатрию» [6, с. 487].

Первый аспект проблемы «*метафизики*» техники Бердяева состоит в изобличении кумира, созданного современным человеком. Христианский философ предупреждает об угрозах, возникающих из-за слепого ему поклонения, указывает надлежащее место и роль техники в общественной жизни людей. Как известно, сотворение кумира не остается безнаказанным: человек становится рабом своего кумира, то есть рабом той самой техники, которая создавалась им, чтобы освободиться от тяжелого физического труда, обеспечить бытовые удобства, духовно возвыситься как личность. Между тем в техническую и экономическую эпоху наблюдаются еще большее, чем ранее, отчуждение человека от человека, душевное и духовное опустошение, деградация личности. Техника из средства превратилась в псевдорелигиозный предмет веры, надежды, любви и, следовательно, в ложную цель. Бердяев винит в этом западноевропейский гуманизм, предав-

ший забвению свои христианские корни. «Возвышает человека лишь сознание, что человек есть образ и подобие Божие, то есть духовное существо... Самоутверждение человека приводит к самоистреблению человека. Такова роковая логика гуманизма» [2, с. 25].

Обольщение кумиром привело к подмене цели средством ее достижения. Одно из современных определений человека как *homo faber* (существо, изготавливающее орудие), воспроизводящее определение Б. Франклина *toolmaking animal* (животное, производящее орудия), уже свидетельствует о фундаментальной подмене целей жизни средствами жизни, констатирует Бердяев. Такое поверхностное, иллюзорное понимание человеком самого себя — следствие извращения вечного, данного Богом порядка ценностей, которое угрожает всей человеческой культуре. «Мы стоим перед основным парадоксом: без техники невозможна культура, с нею связано самое возникновение культуры, и окончательная победа техники в культуре, вступление в техническую эпоху влечет культуру к гибели» [7, с. 502].

Второй аспект метафизической проблемы техники состоит в том, что человек вызвал к жизни «новую действительность». Бердяев понимает ее двояко: с одной стороны, как новую *культурно-историческую* эпоху (технически-машинную), а с другой — как новое *реально-историческое* бытие, которое включает не только новую материальную и вещную среду (в виде самой техники и всего, что ею создано), но и ментально преобразованный и по-новому социально организованный человеческий материал. Человечество с помощью техники покоряет и трансформирует природу в планетарном масштабе. Оно преодолевает пространство и время, отрывается от Земли, выходит в стратосферу, становится создателем новой космической реальности. Здесь Бердяев идейно сближается с концепцией «ноосферы» (одухотворенного космоса) В.И. Вернадского и его взглядом на человечество как мощный геологообразующий фактор. «Техника делает человека космиургом», — пишет он [7, с. 505].

Первым делом Бердяев проводит онтологическое различие между *организмом* и *организацией*, называя его «основным для нашей темы». При этом он отталкивается, с одной стороны, от виталистической трактовки организма Г. Дриша, а с другой — от инженерно-философской концепции Ж. Лафита³. Оба понятия русский мыслитель трактует предельно широко. В истории, пишет он, были «организованные тела, подобные жизни

³ Бердяев ссылается на французский перевод книги Дриша о философии организма и книгу Лафита “*Reflexions sur la science des machines*” («Размышления о теории машин», 1932). В последней автор, гражданский инженер, предпринимает попытку обрисовать в общих чертах науку «машинологию», дать всесторонний анализ эволюции техники от пассивных машин (посуда, одежда, дома) до «активных», или «рефлексивных», машин (таких, например, как преобразователи энергии, самоуправляемые устройства и т. п.).

организмов». Так, органическими и даже вечными в этой своей органичности представлялись патриархальный строй, натуральное хозяйство. Органический общественный строй считался созданием не человека, а самой природы или Бога. Но ни натурализм, ни эволюционизм, ни органицистский подход в социологии (когда общества рассматривались по аналогии с живыми организмами) не раскрывают метафизический аспект техники, справедливо утверждает Бердяев.

Дело в том, что благодаря технике — как следствие, все более рациональной организации жизни — в истории человечества возникла «новая действительность»⁴. «С этим связан смысл всей технической эпохи, — пишет он. — *Господство техники и машины есть прежде всего переход от органической жизни к организованной жизни, от растительности к конструктивности*. С точки зрения органической жизни техника означает развоплощение, разрыв в органических телах истории, разрыв плоти и духа. Техника раскрывает новую ступень действительности, и эта действительность есть создание человека, результат прорыва духа в природу и внедрение разума в стихийные процессы. Техника разрушает старые тела и создает новые тела, совсем не похожие на тела органические, создает тела организованные» [7, с. 505]. Этот новый антропоморфный пласт бытия Бердяев называет «сверхфизическим». «Техника имеет космогоническое значение, через нее создается новый космос» [7, с. 508].

Бердяев пишет о том, что на первый взгляд технизация духа и разума может легко представиться их гибелью. Но в действительности проблема гораздо сложнее, ибо «техника так же двойственна по своему значению, как все в этом мире» [7, с. 509]. Он находит позитивный момент в технизации. Отрывая человека от органического лона матери-земли, техника раскрывает перед ним ранее невиданные перспективы по овладению стихиями природы, пространством и временем. «Смысл технической эпохи прежде всего в том, что она заканчивает теллурический период в истории человечества, когда человек определялся землей не в физическом только, но и в метафизическом смысле слова. В этом религиозный смысл техники. Техника дает человеку чувство планетарности земли, совсем иное чувство земли, чем то, которое было свойственно человеку в прежние эпохи» [7, с. 510]. Техника дает человеку чувство его собственной мощи, она раскрывает человеческий «титанизм». «Человек впервые делается, наконец, царем и господином земли, а может быть, и мира» [там же].

О третьем аспекте метафизики техники Бердяева речь пойдет ниже.

⁴ Эту идею высоко оценил И.А. Ильин: «Н.А. Бердяеву принадлежит блестящая мысль, что машина есть третья форма материального бытия: ни органическая, ни неорганическая, но “организованная”. Сюда же примыкают идеи Лафита» [10, с. 62].

Социология техники

Под «социологией» русский мыслитель подразумевал, конечно, не спекулятивный утопический проект О. Конта, в рамках которого «социология» мыслилась как высшая наука в иерархии наук, а социальную философию и философию истории, то есть то, в лоне чего сам этот проект родился и чем он, по существу, является⁵. Об отношении Бердяева к социологии как «научной» (равно: «позитивной») дисциплине говорят следующие слова: «“Научная” теория истории невозможна и обычно выливается в мертвую и пустую дисциплину социологии — этого богословия позитивистов» [4, с. 177].

Согласно Бердяеву, «социологический» аспект техники раскроется, если выявить культурно-исторические предпосылки и движущие социальные силы, которые в нашу эпоху вознесли технику на недостижимую ранее «метафизическую» высоту. Необходимое аксиологическое мерило он находит в вечном порядке ценностей, данном Богом. Такой подход позволяет ему определить правильное отношение человека к технике и указать человечеству «истинный» путь исторического развития. «Машинизм, торжествующий в капиталистической цивилизации, прежде всего извращает иерархию ценностей, и восстановление иерархии ценностей есть ограничение власти машинизма» [7, с. 518].

Бердяев выделяет «три стадии в истории человечества — природно-органическую, культурную и технически-машинную» [7, с. 502], при этом сразу оговаривается, что речь идет не о временной последовательности, но об идеальных типах, эмпирические прототипы которых перманентно сосуществуют. «Элементы организации существовали с самой зари человеческой цивилизации, как всегда существовали элементы техники, но никогда принцип технической организации не был господствующим и всеобъемлющим, всегда многое оставалось в состоянии органическом, растительном. Организация, связанная с техникой, есть рационализация жизни. Но человеческая жизнь не может быть окончательно и без остатка рационализирована» [6, с. 491]. Получается, что «технически-машинная» стадия если полностью и не заменяет собой две другие, то, во всяком случае, безжалостно их теснит. В этом Бердяев видит трагизм современной эпохи.

Культурно-историческое развитие человечества, согласно Бердяеву, пошло по очень опасному и потенциально гибельному пути, свернуть с которого уже не в состоянии, поскольку не только не хочет отказываться от техники, но и не может. Казалось бы, технически оснащенный человек совершает благое дело, называемое «прогрессом», — органически-иррациональное в обществе заменяет организованно-рацио-

⁵ В приверженности социологии, понимаемой исключительно как наука по образцу естествознания, не меньше идеализма, чем в философии Гегеля. Криптометафизика позитивизма была выявлена и разоблачена Вл.С. Соловьевым еще в 1874 г. На современном гуманитарно-научном языке ее доскональный анализ был дан Ю.Н. Давыдовым [9, с. 64–131].

нальным⁶. Но беда в том, что широкое применение техники порождает в социальной жизни новые иррациональные последствия, невиданные прежде. Так, рационализация промышленности, в результате которой ручной труд заменяется машинным, порождает безработицу — величайшее бедствие нашего времени, констатирует Бердяев. «Человек сказал машине: ты мне нужна для облегчения моей жизни, для увеличения моей силы, машина же ответила человеку: а ты мне не нужен, я без тебя все буду делать, ты же можешь пропадать. Система Тейлора есть крайняя форма рационализации труда, но она превращает человека в усовершенствованную машину. Машина хочет, чтобы человек принял ее образ и подобие. Но человек есть образ и подобие Бога и не может стать образом и подобием машины, не перестав существовать. Здесь мы сталкиваемся с пределами перехода от органически-иррационального к организованно-рациональному» [7, с. 505–506]. Где же проходят границы рациональной организации человеческой жизни?

Эти границы проходят через душу, дух и даже тело (организм) рационального организатора. Он сам не может быть превращен в машину, утверждает Бердяев. «Но организация имеет тенденцию и самого организатора превратить из организма в машину. Самый дух, создавший технику и машину, не может быть технизирован и машинизирован без остатка, в нем всегда останется иррациональное начало. Но техника хочет овладеть духом и рационализировать его, превратить в автомата, поработить его. И это есть титаническая борьба человека и технизирваемой им природы» [7, с. 506]. На смену первоначальной «растительно-животной» зависимости человека от природы приходит технически-машинная зависимость, между тем психофизический организм человека сложился в другом мире и не приспособлен к новой технически-машинной среде. Мы еще не знаем, пишет Бердяев, насколько разрушительна для человека та атмосфера, которая создается его собственными техническими открытиями и изобретениями.

Характеризуя эту атмосферу, он отмечает, что разработка медицинских средств спасения жизни и здоровья людей хронически отстает от разработки оружия, иных средств их уничтожения, а также описывает процессы глобализации, распространения демократической формы правления, обезличивания человека, угасания духовности, омассовления культуры, или, по выражению Ортеги-и-Гассета, «восстания

⁶ Немецкий социолог М. Вебер посвятил большую часть своих исследований осмыслению прогрессирующей рационализации общественной жизни, сопровождавшейся с конца позднего Средневековья «расколдовыванием» (десакрализацией) мира. Он не видел этому процессу никакой альтернативы и, не будучи верующим, уповал на личностное сопротивление каждого своим «демонам» в протестантском смысле. Бердяев также не видел *реально-исторической* альтернативы рационализации и технизации социальной жизни, но как православный эсхатолог верил в соборное спасение на пути духовной, христианско-персоналистической революции.

масс». Этими тенденциями Бердяев как прирожденный и убежденный аристократ особенно озабочен [6, с. 492–499]. «Техника овладевает огромными пространствами и огромными массами, — пишет он. — Все делается мировым, все распространяется на всю человеческую массу в эпоху господства техники. В этом ее социологический смысл. Принцип техники демократический⁷. Техническая эпоха есть эпоха демократии и социализации, в ней все становится коллективным, в ней организуются коллективы, которые в старых культурах жили растительной, органической жизнью» [7, с. 511].

Все эти социально-исторические тенденции, угрожающие физической и ментальной жизни человека, имеют общий корень: русский мыслитель связывает их прежде всего с возникновением и развитием западноевропейского капитализма. «Власть техники и машины связана с капитализмом, она родилась в недрах капиталистического строя, и машина была самым могущественным орудием развития капитализма» [7, с. 521]. Однако он не объявляет капитализм первопричиной этих социально-исторических тенденций. «Техника дает человеку чувство страшного могущества, и она есть порождение воли к могуществу и к экспансии. Эта воля к экспансии, породившая европейский капитализм, вызывает неизбежно к исторической жизни народные массы. Тогда старый органический порядок рушится и неизбежна новая форма организации, которая дается техникой» [7, с. 511].

Таким образом, Бердяев не делает капитализм ответственным за все людские беды. Он ясно дает понять, что капитализм — не единственная и не главная причина описываемых негативных реально- и культурно-исторических тенденций. Капитализм внес, конечно, большой вклад в их формирование, но он и сам — следствие. Для «персоналистического социалиста», каковым считал себя Бердяев, первопричина лежит в человеке. «И вот трагедия в том, что творение восстает против своего творца, более не повинуется ему. Тайна грехопадения — в восстании твари против Творца. Она повторяется и во всей истории человечества. Прометеевский дух человека не в силах овладеть созданной им техникой, справиться с раскованными, небывальными энергиями. Мы это видим во всех процессах рационализации в техническую эпоху, когда человек заменяется машиной» [7, с. 505].

Итак, *третий* аспект метафизической проблемы техники смыкается с ее философско-историческим («социологическим»), или, точнее говоря, *эсхатологическим*, истолкованием. На вопрос, в чем главная опасность, которую несет машина для человека, Бердяев отвечает: «Я не думаю, чтобы это была опасность главным образом для духа и духовной жизни. Машина и техника наносят страшные поражения

⁷ Заметим от себя, что верно и обратное: если очистить понятие «демократия» от политически-идеологических наслоений, останется только техническая форма, или, точнее говоря, определенный комплекс социальных технологий управления государством.

душевной жизни человека и прежде всего жизни эмоциональной, человеческим чувствам. Душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации» [7, с. 513]. «Техника менее опасна для духа, хотя это на первый взгляд может удивить, — пишет он. — <...> Религиозный смысл современной техники именно в том, что она все ставит под знак духовного вопроса, а потому может привести и к одухотворению. Она требует напряжения духовности» [7, с. 514].

Бердяев прибегает к парадоксальной логике, аналогичной той, что выражена в афоризме Ницше: «Что не убивает меня, делает меня сильнее». Однако красивость этой фразы не делает ее смысл бесспорным. Бердяев упоает на то, что «игра на повышение», которую, условно говоря, ведет научно-технический прогресс, в конце концов предельно мобилизует духовные силы человека — и произойдет то, что он называет «одухотворением». Да, осознание того, что тотальная рационализация и технизация жизни погубят человечество, действительно, может вызвать противодействие духа. Но может и не вызвать. Либо вызвать у немногих. По прошествии 90 лет наблюдается последнее.

Как бы то ни было, русский мыслитель прав, на наш взгляд, в главном: духовно-нравственное состояние человека, его самосознание как личности становятся в современном мире решающим фактором исторического развития. «Когда человеку дается сила, которой он может управлять миром и может истребить значительную часть человечества и культуры, тогда все делается зависящим от духовного и нравственного состояния человека, от того, во имя чего он будет употреблять эту силу, какого он духа, — рассуждает Бердяев. — Вопрос техники неизбежно делается духовным вопросом, в конце концов религиозным вопросом. От этого зависит судьба человечества» [7, с. 514]. Как христианский философ Бердяев отвергает в своей эсхатологии не только детерминизм, но и фатализм. При этом он ориентируется на «философию общего дела» Н.Ф. Федорова.

Обращаясь к идеям Федорова, Бердяев дает им собственную интерпретацию. Термин «христианский социализм» он считал менее подходящим для характеристики своей философии истории и своего социально-философского идеала будущего общества. Бердяев предпочитал термин «*персоналистический социализм*». Он признает частичную правоту русского коммунизма, так как, по его мнению, он «есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи», и формулирует свой идеал так: «Христианство представляется мне соединимым лишь с системой, которую я назвал бы системой *персоналистического социализма, соединяющего принцип личности как верховной ценности с принципом братской общности людей*. При этом необходимо делать различие, которого не делает коммунизм, различие между осуществлением справедливости в общественной жизни, предполагающим момент принуждения, и осуществлением братства людей, их подлинного общения или коммуникации, предполагающим свободу человека и действие благодати» (курсив наш. — А. М.) [3, с. 152].

Идеи же Федорова интересны Бердяеву потому, что веру в мощь техники Федоров парадоксальным образом соединял с православно-христианским духом, прямо противоположным тому, который господствует в техническую эпоху. «Он ненавидел машинизм современной цивилизации, ненавидел капитализм, созданный блудными сынами, забывшими отцов. У него есть формальное сходство с Марксом и коммунизмом, но при полной противоположности духа. Н. Федоров один из немногих в истории христианской мысли, почти единственный, который преодолел пассивное понимание апокалипсиса. Апокалипсис есть откровение об исторических судьбах человека и мира и о конце, о конечном исходе. Но откровение это нельзя понимать детерминистически и фаталистически. Конец, страшный суд и вечная гибель многих совсем не предопределены божественной или природной необходимостью, совсем не фатальны. Человек свободен и призван к активности, конец зависит и от него. Апокалиптические пророчества условны» [7, с. 520].

Христианское человечество должно соединиться для общего дела, утверждает Бердяев, — ради овладения стихийными силами природы, ради «победы над смертью». Оно должно создать «царство христиански одухотворенного труда», преодолеть «дуализм теоретического и практического разума, умственного и физического труда». Цель — осуществить «христианское братство и любовь во всей полноте жизни», «победить смерть силой христианской любви и силой науки и техники». Если цель не будет достигнута, придет царство антихриста, наступит «конец мира, страшный суд и все, что описывается в апокалипсисе». Большевицкая Россия, ввергнутая в «социальную идолатрию»⁸, является негативным примером отношения к технике, считает Бердяев.

«Коммунизм целиком принимает от капиталистической цивилизации этот гипер-машинизм и техницизм и создает настоящую религию машины, которой поклоняется, как тотему. Бесспорно, если техника создала капитализм, то она же может способствовать преодолению капитализма и созданию иного, более справедливого социального строя. Она может стать могущественным орудием в решении социального вопроса» [7, с. 521]. Но тогда, делает оговорку Бердяев, все будет зависеть опять-таки от духовно-нравственного состояния человека. Коммунизм же подчиняет проблему человека как целостного душевно-телесного существа проблеме общества. Это означает, что общество организует человека, а не человек — общество. Правда заключается в обратном, уверен Бердяев: «...человеку принадлежит примат, человек должен организовывать общество и мир, и организация эта будет зависеть от того, каков человек, какого он духа. И человек берется тут не только как индивидуальное существо, но и как социальное существо, имеющее социальное призвание» [7, с. 521].

⁸ «Коммунизм есть крайняя форма социальной идолатрии» [6, с. 487].

Заключение

Нельзя сказать, что проблема техники является центральной в философии общества и истории Бердяева; главной для него всегда была проблема человека как личности, которую он рассматривал в свете своего истолкования христианского вероучения. Однако проблема техники — не просто важная, это *неотъемлемая и существенная* часть его социальной философии, философии истории и эсхатологии. Связь техники с духовной культурой человека стала осознаваться в XX в. и тем более яснее в XXI в. на фоне ошеломительного прогресса науки, упадка религиозной веры в традиционных конфессиях, распространения терроризма, сатанизма, тоталитарного сектантства, снижения культурного канона, деградации искусства, кризиса традиционной семьи, падения социальной морали, бытовых нравов и т. д. Эти и связанные с ними социокультурные тенденции Бердяев с горечью констатировал уже в начале XX в.

В наши дни никому не придет в голову оспаривать острую актуальность вопроса об отношении человека к технике и стоящей за ней науке. Политические, экономические, юридические, социокультурные и другие проблемы, возникающие в результате массового использования мобильной телефонии, Интернета, цифровых технологий и т. д., являются серьезным вызовом для государственной власти, правоохранительных органов, простых граждан. «Машина, техника, та власть, которую она с собой приносит, та быстрота движения, которую она порождает, создают химеры и фантазмы, направляют жизнь человеческую к фикциям, которые производят впечатление наиреальнейших реальностей» [5, с. 420] — эти слова Бердяева, опубликованные им в 1924 г., будто сказаны сегодня. Внедрение в социальные коммуникации искусственного интеллекта, технологий “deep fake”, все более широкое применение к человеку генетических и биологических технологий ставят перед людьми трудноразрешимые социально-этические и моральные проблемы.

Молодые люди пребывают сегодня уже не в той *повседневности*, в которой еще недавно жили их родители и которая имела прочную основу в общей для всех реальной действительности, но в двух интенсивно проникающих друг в друга и взаимовлияющих социокультурных реальностях — действительной и виртуальной. Причем последняя оказывается для многих — в силу их трудовой деятельности или досужих увлечений — более значимой, расценивается как приоритетная, даже как более «настоящая». Фактически многие «живут» в ней. Но вместо «ноосферы» мы приобрели пока лишь «инфосферу», «блогосферу», «порносферу», тираническую социально-сетевую охлократию, засилье провокационных «фальшивых новостей» и лицемерной политкорректности. Такие явления, как клонирование, смена пола, введение внутрь тела (в пределе — в мозг) дистанционно контролируемых чипов, экспоненциальный рост искусственных когнитивных систем (искусственного интеллекта) и т. п., — все это свидетельствует о том, что сбывается кошмарный сон, о котором писал Бердяев [7, с. 515]. Происходит встречное движение: машины все больше приближаются

во всех отношениях к людям, постепенно вытесняя их и получая над ними господство, а человек принимает образ и подобие машины, все в большей мере приобретая черты киборга.

И везде высшей и последней инстанцией в отношении к новым социокультурным реалиям, рожденным из героического прометеевского духа, оказываются *духовно-нравственные ценности* тех, кто принимает решения, — властно-политические, хозяйственно-экономические, социально-культурные, наконец, индивидуально-личные.

Бердяев писал: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным. Если нет Бога, то нет и Человека — вот что опытно обнаруживает наше время» [5, с. 413]. В другом месте он раскрывает тему с точки зрения преступления людьми данного Богом порядка ценностей: «Человек имеет непреодолимую склонность к идолотворению, и он создает идолы государства, нации, социального коллектива, техники, которым приносит кровавые человеческие жертвы» [1, с. 44–45]. Ключевые слова здесь: «опытно» и «кровавые человеческие жертвы». То, что Бердяев говорил почти 100 лет назад, так же верно и сейчас.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (499) 120-82-57. **Электронная почта:** lo_zio@bk.ru

Research Article

ALEXANDER N. MALINKIN¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

SOCIOLOGY AND METAPHYSICS OF TECHNIQUE BY N.A. BERYAEV.

TO COMMEMORATE THE 150TH ANNIVERSARY OF THE RUSSIAN THINKER

Abstract. The article examines the social philosophy of technique by N.A. Berdyayev, which he positions as Christian-personalistic-socialistic. Its main provisions are reconstructed, “metaphysical” and “sociological” aspects are identified. It is shown, firstly, that Berdyayev refers to metaphysics of technique as a criticism of the modern idea of man considering himself to be “homo faber” or a “tool-making animal”, which arose as a result of him violating the eternal order of values and idolizing technique. Secondly — that, according to Berdyayev, technique creates an ontologically “new reality”, which, in turn, determines the specifics of the modern “technical and economic” era. Thirdly, that a correct from a Christian standpoint, spiritualized attitude of man towards technique is a necessary and essential element of Berdyayev’s apocalyptic eschatology. Sociology of technique is interpreted by the Russian thinker as social philosophy and philosophy of history. In their light, on the one hand, the cultural and real-historical prerequisites for the emergence of the “technical” era are revealed — Berdyayev considers humanism and capitalism to be such, respectively — on the other hand, ways are proposed to overcome its essential flaws in the light of the personalistic-socialistic ideal of society. At the beginning of the article

and at the conclusion the author emphasizes the relevance of Berdyaev's philosophical ideas in the context of recent historical realities.

Keywords: N.A. Berdyaev; technique; Human; personality; personalistic socialism; metaphysics of technique; sociology of technique; social philosophy; philosophy of history; eschatology.

For citation: Malinkin, A.N. Sociology and Metaphysics of Technique by N.A. Berdyaev. To commemorate the 150th Anniversary of the Russian Thinker. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 124–138. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.6

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander N. Malinkin — Candidate of Philosophical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (499) 120-82-57. **Email:** lo_zio@bk.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Бердяев Н.А.* О социальном персонализме. (К критике «Нового Града») // Новый Град / Под. ред. И. Бунакова и Г. Федотова. Кн. 7. Париж, 1933. С. 44–60.
Berdyaev N.A. On Social Personalism. To the criticism of “New City”. *Novyi Grad*. [New City]. Ed. by I. Bunakov, G. Fedotov. No. 7. Paris, 1933. P. 44–60. (In Russ.)
2. *Бердяев Н.А.* Проблема человека (к построению христианской антропологии) // Путь. 1936. № 50. С. 3–26.
Berdyaev N.A. The Problem of Human. (Towards the Construction of Christian Anthropology). *Put'*. 1936. No. 50. P. 3–26. (In Russ.)
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-PRESS, 1955. — 159 с.
Berdyaev N.A. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. [Origins and Meaning of Russian Communism.] Paris: YMCA-PRESS publ., 1955. 159 p. (In Russ.)
4. *Бердяев Н.А.* Философия свободы // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Вступ. статья, сост., подготовка текста, прим. Л.В. Полякова. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 10–250.
Berdyaev N.A. Philosophy of Freedom. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity.] Foreword and ed. by L.V. Polyakov. Moscow: Pravda publ., 1989. P. 10–250. (In Russ.)
5. *Бердяев Н.А.* Новое средневековье // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1. / Н.А. Бердяев; вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «Лига», 1994. С. 406–485.
Berdyaev N.A. New Middle Ages. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh*. [Philosophy of Creativity, Culture and Art in Two Volumes.] Vol. 1. Foreword and ed. by R.A. Galtseva. Moscow: Art publ.; ICHP “League” publ., 1994. P. 406–485. (In Russ.)

6. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1. / Н.А. Бердяев; вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «Лига», 1994. С. 485–499.
Berdyayev N.A. Spiritual State of the Modern World. *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh*. [Philosophy of Creativity, Culture and Art in Two Volumes.] Vol. 1. Foreword and ed. by R.A. Galtseva. Moscow: Art publ.; ICHP "League" publ., 1994. P. 485–499. (In Russ.)
7. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства в двух томах. Т. 1. / Н.А. Бердяев; вступ. статья, составление, прим. Р.А. Гальцевой. М.: Изд-во «Искусство»; ИЧП «Лига», 1994. С. 499–523.
Berdyayev N.A. Human and Machine. (Problem of Sociology and Metaphysics of Technique). *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva v dvukh tomakh*. [Philosophy of Creativity, Culture and Art in two volumes.] Vol. 1. Foreword and ed. by R.A. Galtseva. Moscow: Art publ.; ICHP "League" publ., 1994. P. 499–523. (In Russ.)
8. Головкин Э.П. Н.А. Бердяев о кризисе человека, человечности и природы // Лесной вестник. 2011. № 2. С. 68–72.
Golovko E.P. N.A. Berdyayev about the Crisis of Human, Humanity and Nature. *Lesnoy vestnik*. 2011. No. 2. P. 68–72. (In Russ.)
9. Давыдов Ю.Н. Конт и умозрительно-спекулятивная версия позитивной науки об обществе (Конт и Гегель) // История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1. / Отв. ред. и сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Канон+, ОИ «Реабилитация», 2002. С. 63–140.
Davydov Yu.N. Comte and the Speculative Version of the Positive Science of Society (Comte and Hegel). *Istoriya teoreticheskoy sotsiologii*. [History of Theoretical Sociology.] In 4 Vols. Vol. 1. Ed. and select. by Yu.N. Davydov. Moscow: Canon+ publ.; OI "Reabilitatsiya" publ., 2002. P. 63–140. (In Russ.)
10. Ильин И.А. Техника и христианство // Новый Град. 1933. Кн. 7. Париж. С. 61–65.
Ilyin I.A. Technology and Christianity. *Novyy Grad*. [New City.] 1933. No. 7. Paris. P. 61–65. (In Russ.)
11. Философия техники / Новосиб. гос. аграр. ун-т, Юрид. фак.; Авт.-сост.: М.А. Назарова, С.И. Черных. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 26.01.2024. URL: <https://lektsii.org/18-63182.html>
Philosophy of Technique. [Filosofiya tekhniki.] Ed. and select. by M.A. Nazarova, S.I. Chernykh. Novosibirsk: ITS NGAU "Zolotoi kolos" publ., 2018. Accessed 01.26.2024. URL: <https://lektsii.org/18-63182.html> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 28.01.2024; поступила после рецензирования и доработки: 02.03.2024; принята к публикации: 13.05.2024.

Received: 28.01.2024; revised after review: 02.03.2024; accepted for publication: 13.05.2024.

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.7

EDN: SZRLJF

А. Ю. СОГОМОНОВ¹¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН.

109544, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1.

«ИГРЫ» ПРОСВЕЩЕНИЯ: О ВКЛАДЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ШТУДИЙ В СОЦИОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ РАННЕГО МОДЕРНА В РОССИИ

Аннотация. Эссе сконструировано в виде социологической реинтерпретации основных идей и результатов исследования, содержащегося в книге А. Строева «Авантюристы Просвещения». Его методология представляет собой редкий для отечественной науки пример синтеза исторических и филологических подходов к изучению уникального феномена авантюризма в эпоху Просвещения. Автор монографии, известный специалист в области мировой литературы, исследует судьбы европейских авантюристов как на Западе, так и в их странствиях и приключениях в Российской империи второй половины XVIII в. В те времена понятие «авантюрист» не было негативно окрашенным и характеризовало скорее свободную личность в состоянии свободных перемещений — территориальных, текстуальных и социальных. Автор книги сконструировал репрезентативную базу авантюристов, преимущественно французов и итальянцев, среди которых были как известные персонажи, к примеру Калиостро и Казанова, так и яркие личности, совершенно не известные ранее, но оставившие заметный «след» в истории России. Эти авантюристы, вопреки расхожему мнению, отнюдь не были мошенниками и шарлатанами; социальный обман не определял их зонтичную идентичность. Они — творческие люди, высокообразованные и талантливые писатели, а в широком смысле — «граждане мира». Единичная идентичность их не устраивала, они творили свои биографии как художественное произведение, постоянно меняя занятия и имиджи. Предложенные ими поведенческие образцы апеллировали к игре и лицедейству. Подобная манера поведения настолько привлекала внимание элит и эпатировала широкую публику, что в итоге это способствовало рождению новых социальных ролей в статичном российском обществе. Авантюристы продвигали ценности свободы и равенства, республиканизма и сетевых сообществ и сами демонстрировали образцы

высокой мобильности. Выступая в роли «консультантов» и «проводников» просветительских идей для властей и аристократии, они прививали им вкус к социальному воображению и утопическому мышлению. Французские философы-просветители, которые посещали Россию в качестве путешествующих авантюристов и с которыми Екатерина поддерживала тесные и уважительные отношения, тем не менее почти никак не повлияли на «курс» российской модернизации. Никому из них по-настоящему не удалось подкрепить свои теоретические идеи российской практикой, а императрица чаще всего отторгала их рекомендации как неадекватные нашим историческим условиям и тем самым закрепляла в отечественной политике и культуре установку на антиуниверсализм. Мотивированные исключительно эгоистическими соображениями и целями, авантюристы подспудно способствовали трансгрессии (первая «культура отмены») множества норм и ценностей императорской России в пользу принципов и стандартов становящегося раннего Модерна. Однако эти долгосрочные последствия пребывания авантюристов в стране имели непредумышленный и во многом случайный характер.

Ключевые слова: синтез гуманитарного и социального знания; интеллектуальная история; эпоха Просвещения; Новое время; ранний Модерн; европейские авантюристы в России; просветители и власти; раннемодернистские социальные роли и идентичности; генезис современного типа личности.

Для цитирования: Согомонов А.Ю. «Игры» Просвещения: о вкладе исторических штудий в социологическую теорию раннего Модерна в России // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 139–162. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.7 EDN: SZRLJF

Пристальное внимание социологов к историко-культурным контекстам эпохи Просвещения, несмотря на традиционное пренебрежение ко всему «до-современному», возникло сравнительно недавно. В последней трети прошлого столетия — в значительной степени под влиянием трудов М. Хоркхаймера, Т. Адорно, М. Фуко, Р. Козеллека, Р. Вилльямса, А. Лавджоя и К. Скиннера — в мировой науке окончательно оформились новые отраслевые дисциплины, такие как историческая социология и антропология, интеллектуальная история, социология литературы и культуры, история базовых понятий, без которых сегодня трудно представить большую «семью» социальных наук. Все они в той или иной степени сосредоточены на изучении «переходного времени» между двумя эпохами, то есть ранним Новым временем и Модерном в его национальных модификациях. Несмотря на определенную институциональную обособленность этих автономных дисциплин (в том числе в виде специализированных университетских курсов), тематические и методологические границы между ними жестко не прочерчены. Что работает скорее во благо знаниевому прогрессу. Теории среднего уровня и эмпирические штудии выступают мотиви-

рующим фактором для смежного сотворчества социальных ученых и традиционных гуманитариев. Их научные гипотезы и идеи сегодня свободно мигрируют, создавая благоприятную эпистемологическую платформу для перспективных научных поисков.

Принято считать, что современная социология родилась прежде всего в результате слияния классической философии и истории, по крайней мере, такого мнения придерживались ее «отцы-основатели», а сегодня — почти все авторы учебников по истории социологии. Со временем интерес позитивистов к своим истокам заметно ослаб, а роль побудителя к развитию перешла к экономическим наукам. Но в последней трети XX в. наметилась обратная тенденция: бум публикации активности социологов оказался в большей степени связан с гуманитарным знанием. Обновленный постмодернистский синтез стал крайне продуктивным для развития как социальной истории, так и антропологически ориентированной социальной науки. Исследователи-социологи и поныне ищут «вдохновение» к познанию актуальной современности в прошлом, а историки, напротив, освоив генеалогические подходы, начинают «открывать» даже в отдаленных периодах те значения, которые исконно приписываются социологическому типу анализа.

Однако различными все еще остаются методологические перспективы двух наук. Для историков «факт» ценен сам по себе, и они традиционно отталкиваются именно от него и вовсе не обязательно выстраивают длинные цепочки причинно-следственных взаимозависимостей. Возможно, поэтому они по-прежнему видят свою задачу в источниковедческом «очищении» свидетельств давних времен для придания им статуса «исторического факта» и часто не различают объект и предмет в своих исследованиях, ибо только факт выступает для них и тем и другим одновременно. Социологи, апеллируя к истории, мыслят исключительно ретроспективно: для них точкой отсчета выступают завершенные в своем развитии социальные явления, прообразы которых они ищут в прошлом. И только в ретроспективе обнаруживают исторические развилки, разные сценарные планы и в целом социально-смысловую эволюцию современного общества и человека современного типа во всей их сложности. Свойственный только им тип научного мышления позволяет видеть в прошлом магистральные и случайные процессы и выделять в хаосе исторических фактов такие когнитивные объекты, которые свидетельствуют об универсалистской природе проекта Модерн.

Сегодня же мы имеем возможность не противопоставлять, а сближать эти две познавательные перспективы.

В таком сциентистском ключе в фокусе внимания по праву оказывается эпоха Просвещения, благо письменных источников о ней (в том числе еще не «открытых», или пока не опубликованных, или

просто хорошо «стертых» из академической памяти) несметное множество. Для историков и филологов тот удивительный период развития цивилизации всегда был привлекательным, хотя обычно внимание ученых концентрировалось на реальных событиях и политических фигурах первостепенной важности. Сейчас же исследовательский фокус смещается на маргиналии — изучение мыслителей и общественных протагонистов второго плана. Это открывает интересные перспективы, в особенности для начинающих ученых, ибо им не составляет большого труда сконструировать аутентичную академическую нишу и пребывать в ней долгое время без опасения, что внимание к их научному объекту будет быстро исчерпано.

К сожалению, нынешние потоки междисциплинарных публикаций по истории и культуре Философского века не следуют основным социологическим маршрутам. И это в большей степени характерно для России, где изучение отечественного наследия эпохи Просвещения как *per se*, так и для лучшего понимания генезиса российской версии Модерна не стало приоритетной задачей. При этом любопытно, что если в западной научной традиции эта проблематика вписана в предметное поле социальной истории и лишь отчасти интересует специалистов в области социологии литературы и культуры, то у нас, напротив, все сюжетное полотно «просветительского движения» присвоено историками литературы и философии, а в более широком плане — русистами. В итоге этот важнейший период эволюции российского общества и культуры, в том числе в плане его влияния на весь последующий идейно-политический курс российской модернизации, эмпирически изучен слабо, а теоретически и вовсе остается неосмысленным. Так образовалась громадная лакуна в нашем обществоведении: изучение идейно-институциональных «истоков» осталось без должного академического присмотра. Этим можно объяснить великое множество квазинаучных спекуляций на темы исторической идентичности, «особого пути» и российских традиций в целом. Что, в свою очередь, открывает дорогу лавине «мусорных» публикаций, разобраться в научной валидности которых порой не по силам подготовленным специалистам, не говоря уже об обычных читателях. Одним словом, предметное поле генезиса российского Модерна из научной области историков литературы и философии незаметно перешло в монопольное ведение интеллектуалов-любителей, заангажированных публицистов и псевдоидеологов.

Очевидно, ожидать внезапного академического прозрения и экспоненциального роста прикладных социологических работ о русском Просвещении в ближайшем будущем не приходится. Для этого потребовалось бы, как минимум, перестроить сегодняшнюю модель научной подготовки молодых ученых. Ведь такая специализация предполагает совершенно иной характер гуманитарной и языковой подготовки, нестандартных исследовательских навыков и компетенций. Поэтому у со-

циальных ученых пока остается одна реальная перспектива — интенсифицировать междисциплинарное сотрудничество и активнее включать в свой научный оборот результаты исследований из смежных областей социально-гуманитарного знания. Пожалуй, по-другому вступить в публичную полемику с авторами теорий альтернативного «русского пути» вряд ли удастся. Развитие социальных сетей и полная безнаказанность шарлатанов и фрондеров от науки — будь то Интернет или независимое книгоиздательство — чреват срывом публичной миссии отечественного обществоведения. И, пожалуй, никогда еще со времен открытой дуэли славянофилов и западников толкование наших исторических истоков, традиций, ценностей и идентичности не было настолько оторванным от академической науки. Это, безусловно, создает серьезные культурные риски для страны и мировой политики в целом.

Системные исследования, призванные заполнить эпистемологическую лауну, — вероятно, дело будущего, но уже в последнее время стали появляться публикации, которые в совокупности шаг за шагом приближают нас к более адекватному социологическому пониманию того, *с чего и как* начинался российский проект Модерна. Особое место здесь по праву принадлежит монографии видного историка мировой литературы Александра Строева «Авантюристы Просвещения». По охвату материала, глубине проработки источников, оригинальности гипотез и широте поставленных вопросов монография выходит далеко за пределы традиционной филологии. Автор многие годы посвятил изучению литературы и культуры Философского века и, безусловно, относится к числу редких знатоков Просвещения и его богатого наследия. В 1998 г. вышло первое издание книги, а в 2023 г. — второе, исправленное и дополненное [3]. Этот труд совсем не просто определить жанрово, но одно очевидно: знакомство социальных ученых с идеями и подходами этой книги позволит куда корректнее судить о сущности и особенностях российской модернизации. Обычных рецензий на эту книгу будет, наверное, немало. Мне же сейчас представляется более актуальной иная задача: предложить рассуждение о том, как ее основные идеи могут быть инкорпорированы в общее социологическое представление об уникальном социокультурном феномене «авантюризма», а главное, выразить свою точку зрения о том, какую роль визиты европейских авантюристов в Россию второй половины XVIII в. сыграли в генезисе отечественного Модерна.

Александр Строев начинает свое сочинение с парадоксального суждения. Оценивая «дух времени» всего Философского века, он утверждает: именно там, где человеческий разум был возведен в ранг высшей ценности и превращен в объект культового почитания, и начинали твориться всякие «чудеса», а поведение людей все больше подчинялось иррациональным мотивам. Мистическое знание и оккультизм, непривычные формы социальности захватывали сердца миллионов.

На Западе рациональные теории на исходе Просвещения породили великий террор, а в России привели к рождению утопизма и мистического консерватизма. Философы-энциклопедисты всухую проиграли тем, кто вслед за Руссо апеллировал не к рассудку, а к чувствам людей. Нестандартный Модерн на передний план выводил тех, кого в XIX столетии позитивисты сочтут маргиналами. В эпоху Просвещения их именовали «авантюристами» и вкладывали в это понятие смысл, весьма отличный от более поздней негативной семантики. Классическая социология не смогла определить их «классовую позицию» в протобуржуазной социальной структуре, не увидела их функциональной роли в общественном разделении труда, поэтому никак не охарактеризовала их историческую роль. В итоге авантюристы раннего Нового времени были выведены за скобки социологического дискурса.

Очевидно, А. Строев не первый обратил внимание на этот феномен Просвещения. О путешествиях в Россию во второй половине XVIII в. Казановы, Калиостро, д'Эона, Бернардена де Сен-Пьера и ряда других «отчаянных» европейцев информированный читатель, конечно же, был осведомлен и ранее, но до публикации книги эти, казалось бы, единичные и партикулярные визиты искателей приключений не расценивались как фактор, сыгравший серьезную роль в дальнейшем развитии страны.

К середине XVIII столетия Старый Свет постепенно становился, по меткому выражению А. Строева, «французской Европой», настолько сильным во всем было галльское влияние: читали одни и те же книги, одинаково говорили, думали и одевались [3, с. 12]. В этом утверждении, безусловно, содержится некоторое преувеличение, по крайней мере, касательно России. И все же следует признать: подражание всему французскому, особенно в годы правления Екатерины Великой, было очень масштабным, хоть и далеко не всеобъемлющим. Как показывают недавние исследования, даже проникновение в русскую повседневную культуру французского языка на самом деле было довольно поверхностным [2]. И это несмотря на хождение огромного множества заимствованных сложных понятий, бытовых слов или избретенных на базе галлицизмов новых лексем в устной и письменной речи, не говоря уже о торжестве сословной нормы коммуницировать в «высшем свете» на французском языке.

«Западный фактор» на старте российской модернизации не стоит ни преуменьшать, ни преувеличивать. Духом французского энциклопедизма были пронизаны почти все ранние социальные и политические инновации в империи, а также низовые практики осовременивания общественных отношений и повседневной культуры. Тем не менее конструирование солидарных норм и стандартов, к примеру, в отношении ожидаемого и приемлемого в образцах поведения, высказываний, рассуждений и даже умствований происходило не только

в логике простого подражания зарубежным паттернам. Определение баланса автохтонного и имитационного в тех социокультурных процессах, собственно, и представляет для академической науки предмет первостепенной важности.

Свою задачу А. Строев видит в раскрытии лишь одного из аспектов этой широкой темы, а именно соотношения универсального и локального в процессе нашей вестернизации. И поскольку «универсальное начало», пусть и неглубоко, прижилось на русской почве довольно быстро, интерес для образованных подданных империи стали представлять в первую очередь социальные антиподы. В данном случае — путешествующие европейские авантюристы. Они проникали в страну и в более раннее время, но именно во второй половине века Просвещения превратились в особый магнит, притягивающий к себе внимание русских элит и совсем неименитых обывателей. Так единичные вояжи на европейский Север России во второй половине столетия сменились относительно частым блужданием авантюристов по территории постоянно расширяющей свои пределы империи. Численно их было не так много. Казанова упоминает в своих мемуарах до полусотни таких искателей приключений, но это был активный и весьма творческий дивизион. И в их контактах с россиянами всех уровней, как в зеркале, отразились тайные желания, надежды, страхи и фантазмы передовой части российского общества [3, с. 13].

Прежде всего важно установить, почему европейские «авантюристы в России» обрели особую социальную роль и почему их жизнедеятельность оказалась чрезвычайно важна для генезиса общества модерного типа. Если развить базовую гипотезу автора и придать ей социологический вид, то можно утверждать, что немногочисленный «социальный тип» европейских авантюристов в генеральной совокупности явил собой уникальный социокультурный феномен как аутентичное порождение «поисковой» эпохи. Их не следует путать ни с прохвостами раннего Нового времени (то есть с героями «плутовского романа»), ни с аферистами уже более зрелого Модерна. Европейский капитализм никогда не обходился без людей этого типа. Хотя, разумеется, социальный обман — всеобщая аномалия человечества. Однако именно мошенничество не было зонтичной идентичностью авантюристов Просвещения. В их жизни, конечно, не обходилось без шарлатанства, и все же они были историческими фигурами совершенно иного склада и формата. При этом не следует поддаваться соблазну отнести европейских авантюристов к частной разновидности более широкого феномена «чужаков», известного в социологической теории со времени написания одноименного эссе Г. Зиммелем. Подобное отождествление, при всей его легкости и даже познавательной навязчивости, на самом деле некорректно. Чужаки для Зиммеля суть внеисторический тип личности, они существовали

всегда и везде. Их социальная формация подчеркивала их близость и одновременно далекость локальной социальной среде, соответственно — чуждость происхождения. Чужаками люди становились не в силу индивидуальных особенностей, а по причине географической подвижности и исключенности из контекстов совместности (подобно странствующим торговцам).

Авантюрист Просвещения — это разносторонний и совершенно уникальный социальный типаж. Он — бесстрашный путешественник и вдумчивый наблюдатель, гений коммуникации и изобретательности, фантазер и интеллектуал, рефлексивный аналитик и, как правило, яркий литературный талант. В традициях русской семиотической школы А. Строев рассматривает фигуру авантюриста в сплетении реальных судеб, художественных нарративов и сложных социопространственных мобильностей. И тогда его жизнь предстает перед нами в свете трех кругов перемещений: в обществе, в культуре и в мире [3, с. 15]. В авантюристах Просвещения мы обнаруживаем лишь внешнее сходство с так называемыми «чужаками». Напротив, в тех новых для них средах, где они по своей доброй воле оказывались, их отнюдь не воспринимали чуждыми и, даже вопреки здравой логике, воспринимали вполне «своими» и удивительно притягательными для общения и обмена социальным опытом. Разве не таковым теоретическая социология рисует раннего модернистского субъекта, всячески подчеркивая его упорство в труде, аутентичность собственного «Я», стремление к горизонтальной и восходящей мобильности, коммуникативной работе с нарождавшимся общественным мнением, установку на проектную деятельность и, что, пожалуй, самое главное, на «разрыв» с традициями, социальными ожиданиями и обычаями.

Строев в силу своего литературоведческого бэкграунда не склонен к социологическим обобщениям, однако сам предмет исследования с неумолимой силой ведет его к этому. И местами книга написана именно в жанре социологии литературы. Кстати, одна из первых диссертаций на тему европейского авантюризма, принадлежащая С. Рот, — «Приключение и авантюристы XVIII века» (1980) — имела характерный подзаголовок: «опыт литературной социологии». В России же пока опубликовано немного работ, по которым можно составить корректное представление о жанре социологии литературы, чаще это словосочетание используется метонимически. В силу этого А. Строеву приходится опираться прежде всего на громадную библиотеку эмпирических исследований о скитаниях авантюристов и самостоятельно формулировать концептуальный нарратив. При этом он констатирует, что многие публикации построены на легендах, в них фактическая история авантюристов неотделима от вымысла. Вспомнить хотя бы для примера «сказания» о жизни Казановы и Калиостро — об их приключениях в России в частности. Но это уже имеет большее значение

для историко-биографических изысканий, чем для социологов, более сконцентрированных на предмете, нежели на объекте.

Александр Строев проводит строгий отбор персонажей по трем параметрам. Авантюрист должен был быть: (1) выходцем из третьего сословия, (2) человеком пишущим и (3) оставившим заметный след в истории России. Таким образом, автор включил в свою базу индивидуальных кейсов 20 подлинных героев, среди которых превалировали французы и итальянцы. И еще приблизительно две дюжины авантюристов, жизнь которых не соответствовала строго выделенным критериям, изредка упоминаются автором, а их биографические «следы» не остались за пределами его исследовательского интереса. Довольно часто он обращается и к странствующим энциклопедистам, которые, строго говоря, не подпадали под выделенные параметры, но в какой-то момент своей жизни выполнили схожие исторические роли. В результате источниковая база книги оказалась настолько внушительной, что сомневаться в репрезентативности результатов исследования не приходится. Кроме того, многие документы, в том числе найденные во французских и российских архивах, предъявлены читателям впервые, все они переведены А. Строевым на русский язык высокохудожественным слогом и опубликованы в конце книги в виде текстовых приложений.

Современному обществоведы, который не готов погружаться в перипетии давних жизненных историй, важно понимать прежде всего, почему выход европейского авантюриста на историческую авансцену стал огромным шагом на пути к Модерну? Чтобы ответить на принципиальный для нас вопрос, потребуются более тщательное рассмотрение того, как вписывался этот необычный субъект в социальное пространство Просвещения. И здесь мы переходим с площадки литературоведения на более привычное нам поле исторической социологии.

В канун эпохи Просвещения слово «авантюрист» имело уничижительное значение, а сама высокая территориальная и социальная мобильность воспринималась негативно, как угроза. В раннее Новое время все еще преобладала гносеологическая оптика статичного общества. Само это слово французского происхождения (*avanturier*, «искатель приключения»). Оно закрепилось в европейских языках в XVII столетии и использовалось довольно редко, а толковалось по-разному. Позднее, уже в Философский век, авантюрист стал устойчиво восприниматься как «темная личность», ибо его жизненная философия сводилась к тому, «чтобы ничего не иметь, ни к чему не привязываться, избегать работы и семьи и все считать своей вотчиной» [3, с. 21]. Но нет, он никакой не мошенник и не интриган, просто это невероятно свободолюбивый человек, с которым случаются всякие авантюры. Он мотивирован на биографический успех и достигает его при помощи нетрадиционных инструментов. Отвергает все стандартные жизненные пути, и прежде всего формальный семейный статус и сословную

карьеру. Причем делает он это преднамеренно, хотя изредка и по необходимости. Тем самым своим бытийным образцом авантюрист придавал архаичному обществу некоторый динамический импульс. И этим он бесконечно далек от зиммелевского «чужака». То есть, по сути, авантюрист выступал в роли социальной «смазки», как метафорично выразился автор книги, способствуя большей связности (когезии) сословного общества, медленно, но неуклонно погружавшегося в трансформационный кризис. Приходящий на смену ранний Модерн как раз нуждался в свободных радикалах, именно они создавали новые паттерны поведения и социального взаимодействия, отвергая большинство до-модерновых норм и стереотипов «нормальности».

Не в этом ли кроется причина невероятной привлекательности европейских авантюристов для российской аудитории? Известно, что они не просто эпатировали и тем самым интриговали русскую публику XVIII в., но и вступали в тесные взаимоотношения с вельможами высших чинов, в том числе напрямую контактировали с обеими императрицами. Однако роль авантюриста всегда была сложносочиненной. Он не только нарушал границу между реальностью и фантазией, но и пестовал в себе мессианское начало. А. Строев нередко именуется его «пророком»: авантюрист вполне сознательно избирал стратегию умелого искушения современников, особенно в чужих землях. Поражал их своими нестандартными внешним видом, образом мысли, неординарностью во всех проявлениях. В известном смысле и свою жизнь он творил как художественное произведение, неизменно утаивал от посторонних подлинную информацию, скрывал настоящее имя и происхождение, вел себя максимально непредсказуемо и благодаря этому всегда привлекал внимание. А неподдельный интерес к нестандартности делал свое дело — неспешно вел «старорежимного» человека в иное, удивительное будущее.

Авантюриста не устраивала единичная и устойчивая идентичность. Он поочередно примеривал разные облики и занятия. Так переменчивость и дар импровизации становились доминантными чертами этого типа личности. Жить в одиночестве или уединении — не его стезя. Ему, как театральному актеру, требовалось быть постоянно на виду и лицезреть восхищение в глазах публики. Он все время нуждался в одобрении и никогда не чурался громких скандалов. Постоянную смену личного амплу авантюрист искренне считал своим высшим призванием. То есть он конструировал онтологическую идентичность, меняя лишь социальные формы, невзирая ни на какие социокультурные сущности. Авантюрист с легкостью «играл» в жизнь и смерть. Он мог опубликовать в газетах известие о своей кончине или выкинуть еще какой-либо фокус подобного рода. Культурным «открытием» авантюристов социолог может считать именно социальное лицедейство, которое, по версии И. Гофмана, станет базовой чертой субъекта развитого Модерна, причем совсем не обязательно маргинальной личности.

В этот коллективный портрет А. Строев добавляет важные нюансы. Для авантюристов, считает он, крайне важным было постоянное движение, вечный путь, полный риска. Он хоть внешне и стремился к успеху, но не желал его искренне, поскольку сама возможность обеспечить свою жизнь на годы вперед, по-семейному или карьерно обустроиться для него могла означать фатальную биографическую остановку. И тогда он переставал быть подлинным авантюристом. А иначе не объяснить, почему, к примеру, Казанова свою шелковую фабрику превратил в разорительный для себя гарем и всех работниц взял на содержание; ведь законный брак он почитал тюрьмой [3, с. 26].

Более того, авантюрист всегда легко расставался со своим прошлым, не желая знать и помнить родителей, придумывал себе другие имена, прикидывался подкидышем или незаконнорожденным ребенком; словом, вырывал всякие связи с корнями, стирал себя из коллективной памяти и начинал жизнь с чистого листа. Полностью расчистив стартовую площадку для своего уникального биографического путешествия, он чувствовал себя абсолютно свободным, пусть и совершенно одиноким. Как только не интерпретировали исследователи эту загадочную фигуру странствующего нарцисса эпохи Просвещения — прибегали даже к помощи психоанализа. Однако для социальной науки гораздо важнее понять, к каким социальным последствиям в итоге привел европейский авантюризм.

Документально известно, что авантюристы поддерживали друг с другом тесные отношения, создавали братства посвященных, которые были похожи, но лишь внешне, на популярные в то время «тайные общества» розенкрейцеров или масонские ложи. Они распространяли по миру французский язык, реже итальянский, парижские моду и нравы, литературные и философские новинки, а заодно и заразные болезни, одна из которых так и именовалась — «французская». И создали чуть ли не первое общеевропейское открытое «сетевое» сообщество без границ и сословий, со свободными входом и выходом. Неслучайно авантюристы превозносили личностную модель абсолютно свободного от государственной принадлежности человека, то есть «гражданина мира»¹. И если европейские философы и писатели эту концепцию универсалистской светскости пропагандировали словом (как, к примеру, Вольтер и Оливер Голдсмит), то авантюристы — делом.

А. Строев уточняет, что отсутствие у них «дома, семьи и родины компенсируется вступлением в космополитические братства» [3, с. 33]. Авантюристы вполне корректно использовали в данном контексте слово «братство», которое впоследствии было включено в триаду знаменитого девиза французской революции, что, как правило, в XIX в.

¹ Автобиографическая книга авантюриста Ф. де Монброна претенциозно именовалась именно так: «Космополит, или Гражданин мира» (1750).

вызывало смысловую путаницу. «Свобода» и «равенство» — вроде бы понятные слова, но о каком «братстве» мечтали революционеры? А на самом деле эта идея на исходе Просвещения была предельно прозрачной: братства авантюристов суть свободные альянсы свободных людей, объединенных интересами и игровым отношением к жизни. Была ли революционная модель почерпнута из опыта взаимодействия с сообществами авантюристов, трудно сказать, но вполне вероятно, что ее корни следует искать скорее в реальной жизни, чем в сочинениях энциклопедистов (к примеру, Монтескье и Руссо, оказавших наибольшее влияние на сознание великих бунтовщиков).

Авантюристы одновременно могли участвовать в разных игровых конгломератах. К примеру, принадлежность к альянсу ученых не мешала дополнительной «прописке» в содружествах картежников, комедиантов, франкмасонов или кого-то еще. И в каждом случае низовая жизнь была организована как своеобразный театр со своими нормами и правилами, предполагавшими вечные гастроли и отказ от своего «Я» во имя временного актерского амплуа. Вот почему авантюрист стремился испробовать множество профессий, никогда не совершая окончательного жизненного выбора. Безусловно, все это напоминало, выражаясь современным языком, увлекательные «туры» в параллельную реальность. Но человеческие жизни тут действительно разыгрывались по всем правилам приключенческого жанра. Взаимоотношения между людьми выстраивались по законам воображаемой республики, где торжествовали принципы равенства и свободы. При этом важно подчеркнуть, что исторически это были значимые для эволюции культуры социально-символические игры. В них оттачивались новые общественные роли и ценности, а главное — отвергались старые иерархические нормы и детерминанты. Иными словами, это был великий эксперимент свободы, равенства и жизненного успеха, основанный на принципе индивидуального использования разума, без чего в недалеком будущем, по Канту, модернистский субъект стал бы социально неосуществимой мечтой. И его внезапное появление в канун столетия революционных потрясений в Европе произошло в привлекательной игровой форме. Так, авантюрист, известный нам под именем барон де Чуди, характерным образом озаглавил свой основной труд, посвященный, кстати, графу И. Шувалову: «Философ на французском Парнасе, или Игривый моралист» (1754).

Единая «Республика Словесности» Просвещения была не просто концептуальным фантазмом, но и социально осязаемой утопией публичной открытости, материализованной в сетевых отношениях реальных персонажей, и вполне может рассматриваться как провозвестница нового типа общества. Правда, к концу эпохи ее витальность существенно ослабевает и в то же время растет число «закрытых» масонских и мистических объединений. Но несмотря на это, авантю-

ристы по-прежнему мыслили себя единым целым и продвигали ценности свободной республики, создавая внутренние взаимозависимости и модели восходящей мобильности, претендуя на роль законодателей в сфере практического применения универсального разума.

Казанова, кстати, подписывался «депутатом Республики Словесности», когда сочинял для Екатерины Великой проект реформы российского календаря или когда подыскивал себе место при дворе польского короля Станислава Августа. Желание служить лично принцепсу и совершенствовать свой литературный талант — пожалуй, самые сокровенные мотивы биографического творчества авантюристов. И это, по мнению А. Строева, принципиально отличало их от типажа заурядного плута вне конкретного исторического времени и пространства. Авантюрист «размышляет над своим поведением, анализирует подвиги своих собратьев, создает теорию восхождения на вершины жизни» [3, с. 36]. Неважно при этом, *что* выступает главным предметом рефлексии — модели антисоциального поведения (как у Казановы, Калиостро) или истории шулеров (как у А. Гудара).

Иными словами, если энциклопедисты разрабатывали основы общественно ориентированного философского мышления Нового времени, создавая теоретический фундамент для будущей социальной науки, то авантюристы были подлинными «деятелями» Модерна. Эти лицедеи стали первыми свободно рефлекслирующими субъектами Европы, которые эмансипировали границы дозволенного в социальном воображении. Разумеется, все это свершилось «само по себе», совершенно непреднамеренно, ибо мотивы авантюристов, в отличие от просветительских, отнюдь не были прообщественными, да и долгосрочное планирование чего-либо никак не корреспондировало с их философией жизни.

Таким образом, опираясь на генеалогический метод, в фигуре европейского авантюриста социальный исследователь вправе обнаружить один из самых действенных инструментов, с помощью которых Модерн эффективно расчищал себе дорогу на Западе. Причем в восточноевропейских странах и в России последствия присутствия авантюристов были куда более результативными, чем в странах старой Европы. Несмотря на традиции самозванства, негативно маркированного в русском сознании, авантюризм выступил у нас скорее культурной неожиданностью и не вызвал никакого социального отторжения ни со стороны элит, ни со стороны рядового мещанства. Возможно, кстати, в том числе и в силу априорного доверия россиянина к европейцам, особенно к тем, кто по собственному желанию прибыл с «добрыми намерениями» на евразийский Север.

Россияне после культурного шока, испытанного в годы петровских тектонических сдвигов, во второй половине столетия куда искреннее хотели подражать европейцам в поведении, этикете, манерах, гово-

рении, думании и письме. Стать по максимуму «вестернизированными» во внешнем облике, пусть и в меньшей степени — по «духу». В этом солидарном стремлении к формализованным поведенческим и речевым переменам и заключался, по Н. Элиасу, цивилизационный процесс. Именно «процесс», ведь речь шла о генезисе социального человека, поведение которого должно было соответствовать универсальным нормам, быть предсказуемым. Его идентичность надлежало отстраивать не от его индивидуальности, а скорее от имитационной ролевой нормы. Причем принципиально ничего нового в тех ролях не прибавлялось, хоть и смещались акценты. А сами нормы в большей степени «разыгрывались», что и считалось тождественным натурализации новых ролей. В этом глубинном транзите от *быть* к *казаться* отчетливо просматривается культурный след, оставленный европейскими авантюристами в России. Казаться европейцем (или, если точнее, европеизированным) считалось самодостаточной биографической целью. Все свойственные западному универсализму метафизические смыслы с легкостью отменялись в пользу нового захватывающего «перформанса».

«Игры» при императорском дворе, на открытых городских площадках, на бирже и в салонах, в коридорах власти и в частных кулуарах — везде социальный человек, стремящийся *казаться* цивилизованным, подражал «среднему европейцу» и поэтому зачастую прибегал к консультационной помощи странствующих по России авантюристов. Инновационные социальные типы раннего Модерна, как, к примеру, «щеголь» и «философ», несмотря на резкую критику в их адрес со стороны русских мыслителей того времени (прежде всего Д.И. Фонвизина), довольно быстро и весьма основательно прижились на русской почве. Западные авантюристы, как правило, на публичных подмостках играли «щеголей», хотя идейно и ментально были ближе к «философам». Полного слияния двух ролей никогда не происходило. Все-таки щеголь раннего Модерна — это человек толпы, статист, столичный зритель. А авантюристы — вечно перемещающиеся с места на место комедианты и авторы своих же светских жизненных пьес [3, с. 72–73]. Подражать последним было сложнее, и это требовало природного дара, поэтому популярным низовым героем в России со временем становится именно «щеголь». Вполне логично, что его главным кумиром был Вольтер: яркий мыслитель и литератор, богат и советник монархов, но при этом заядлый картежник, удачливый плут и чрезвычайно изобретательный и изворотливый «человек дела».

На чужбине искатели приключений были распространителями и комментаторами слухов и сплетен, умело разыгрывали из себя рассудительных советчиков, тонких ценителей новомодных западных трендов, знатоков эзотерики, а нередко и талантливых визионеров. Барон Гримм — прекрасный образец такого информационного «проводни-

ка» всего новомодно-парижского далеко за пределы столицы западного универсализма. Он был близок Екатерине II по духу и менталитету, долгие годы находился с ней в доверительной переписке. И неудивительно, что подобные ему европейцы воспринимались «экспертами» в понимании того, что есть «подлинно настоящее». Более того, считалось также, что им открыты образы и смыслы «безусловно грядущего». А охочих получить такое знание в России всегда было предостаточно, включая высших сановников и даже царствующих персон. Эти компетенции добавляли престижа и приносили неплохой доход.

Однако не только просветительские «игры» стали важным вкладом путешествующих философов и авантюристов в общественную историю Российской империи. Их знания и образ мысли спровоцировали идейно-проектный транзит, что важно отметить в рамках социологической интерпретации. Об это специфическом аспекте А. Строев повествует в заключительном разделе книги. Но сперва немного предыстории.

Середину XVIII в. можно охарактеризовать как эпоху европейской колонизации России. Усиленная вербовка колонистов шла преимущественно во Франции, Германии и Голландии. Колонистам предлагались соблазнительные преференции для переселения, они были вправе исповедовать любую из ветвей христианства, не соблюдать российское законодательство во всей его полноте, а какое-то время их даже освобождали от налогов. Правда, это продлилось недолго: в 1764 г. Екатерина II изменит устав колонистов, предписав им подчиняться всем внутренним российским законам. А через пару лет массовые переселения прекращаются, и с той поры из Европы приглашаются на индивидуальных основаниях только квалифицированные ремесленники или ученые. Итоги той европейской колонизации оказались для переселенцев весьма плачевными. Одни погибли от голода и болезней, другие были убиты во время Пугачевского бунта, третьи — уведены татарами в рабство [3, с. 216]. По прогнозам французских физиократов, иностранные поселения должны были показать России путь к цивилизации. Стать внутренними локациями свободной экономики, способствовать образованию третьего сословия и привести страну к процветанию. Трудно не согласиться с А. Строевым, что на «карту ставилась репутация Российской империи и западной науки» единовременно [3, с. 218]. Ставки были высокими как для властей, так и для европейских просветителей. Но все, как обычно, пошло по худшему из сценариев: неоправданно большие надежды обернулись громадными разочарованиями.

Екатерину Великую интересовали в первую очередь именитые философы. Она долго увлекалась французской философией и могла отличить высокую мысль от эпигонской, особенно когда дело касалось европейской оценки текущего положения дел в России. Возможно, ее

привлекало еще и то, как искусно философы завладевали умами. Ей тоже хотелось повластвовать над общественным мнением, причем как в родном отечестве, так и за рубежом. Хорошо известна ее переписка с Вольтером, Дидро, д'Аламбером, Гриммом и многими другими. Менее известны широкому читателю факты прямого финансирования их деятельности российской императрицей. Так, к примеру, первые тома французской «Энциклопедии» были отпечатаны именно в России. Екатерина выкупила личную библиотеку Дидро, оставив ее ему в пожизненное пользование и выплачивала пенсион как библиотекарю. После Французской революции она некоторое время финансово поддерживала и барона Гримма. Однако не только шальные деньги и экзотика Севера привлекали европейских философов-авантюристов, а громадные перспективы для практического применения их социально-философских построений. Российская власть благоволила модернизационным намерениям великих европейцев. И здесь были поистине уникальные возможности, которых они были напрочь лишены у себя на родине. В России они сполна обретали свободу для общественных преобразований, хотя и не столь политически однозначную, как им представлялось и хотелось бы.

Известно, что мнения просвещенных европейцев относительно методологии российской модернизации разделились. Линии Вольтера противостояла принципиальная позиция Руссо. Вольтер, как и многие его современники, полагал, что полудикая Россия находилась в начале исторического пути и должна была бы двигаться в сторону триумфа цивилизации, разумеется, на парижский манер. Под этим углом зрения он пишет историю Петра I, активно корреспондирует с Екатериной Великой. Вольтер убежден, что Российской империи необходим корпус европейских наставников, способных направить ее по правильному курсу вестернизации. Руссо же исходил из того, что великой державой можно стать, лишь нащупав свою аутентичную цивилизационную траекторию. Вот почему в своем «Общественном договоре» он весьма категорично отрицал историческую полезность преобразований Петра I. Разумеется, в этом подходе прочитывается свойственный Руссо педагогический морализм. Однако у нас нет оснований сомневаться в том, что он искренне полагал: куда логичнее было бы воспитывать истинно русских, чем лепить из них плохие копии немцев и французов. Ведь простому народу цивилизация на парижский манер вовсе не потребна, ему нужна хорошая «дисциплинарная закалка». Кстати, и Дидро, главный теоретик просвещенной монархии, считал, что России этот тип власти не подойдет. Ибо он скорее научит подданных подчиняться воле монарха, нежели следовать нормам права. Вероятно, в этом методологическом противостоянии европейских умов кто-то увидит прообраз будущего спора западников и славянофилов. Но это было бы некорректным историко-социологическим упрощением.

Необъявленный спор французских философов не был публичным, он не имел ни идеологического, ни сугубо ценностного смысла, их расхождения имели исключительно методологический характер. Все они не сомневались в необходимости коренной модернизации России, разногласия же касались лишь субъектов этого процесса. Екатерине по понятным причинам был ближе Вольтер, а к Руссо она вообще относилась крайне недоброжелательно и, более того, не разрешала печатать его труды на русском языке. Но вот парадокс: в итоге она все же пошла по сценарию женеvского пророка, хотя изначально видела в Руссо опасного революционера, а он, конечно же, таковым не являлся. Но когда начинался разговор о просвещении народа и общественном договоре, Екатерина чувствовала себя, мягко говоря, весьма неуютно. Императрица заложила глубинную историческую колею для всей современной русской политической культуры. Власть на столетия вперед осталась недоверчивой к гражданскому дискурсу, подлинному просвещению и откровенно пренебрежительной к высокой философской мысли.

Знакомство широкой публики со взглядами просветителей в России шло через вторые руки, в том числе и благодаря близким ко двору авантюристам, что дало мощный импульс к легитимации в стране утопического мышления. Сближение социальной философии и власти наиболее характерно для периода правления Екатерины Великой, после нее наступила долгая эра их дистанцирования. И здесь перед социальным исследователем встает непростая задача: как адекватно оценить взаимодействие интеллектуальной мысли и политической воли в период расцвета русского Просвещения? Взаимное притяжение было действительно велико, но, как четко подметил А. Строев, «едва они переходили от слов к делу, немедленно наступало взаимное разочарование» [3, с. 220].

В частности, в коммуникации с Вольтером были задействованы все жанры словесности, но Екатерина намеревалась ограничить его влияние ролью придворного философа. Впрочем, стоило Вольтеру начать советовать, будучи оторванным от русской почвы, императрица тотчас же его отторгала, приглашая на его место следующего европейского мыслителя. И дело не в психологических и душевных свойствах Екатерины, нельзя и сказать, что она не принимала режим «совета» как таковой. Дело было, скорее, в нестыковке западной социальной философии и российской практики властвования и политического управления. Европейский универсализм, воспринятый как руководство к практическому действию, неизменно превращался в убогий утопизм. Он опирался на веру в могущество разума и не принимал в расчет привычки и нравы реципиентов иных культур. Практические наставления чужеземцев вызывали отторжение у властей, несмотря на всю их просвещенность и генетическое родство с фундаментальными

европейскими традициями. Возможно, образ философа как «говорящей обезьяны» сформировался в российском обществе именно в то время и оказался настолько живучим в нашей культурной среде, что и по сей день по-прежнему превалирует в обыденном сознании.

Впрочем, весь наш Философский век не следует рассматривать как единое и гомогенное время. Политика вестернизации царя-реформатора, как справедливо пишет А. Строев, была откровенно насильственной. Екатерина же не принимала столь строгого администрирования своих реформ и окружала себя больше «людьми дела», а «утопистов» отсылала обратно в Европу. Там в раннее Новое время и был рожден миф о философах как о «людях не от мира сего» [3, с. 222]. Оба этих стереотипа загоняли в тупик политическую власть и философскую мысль. Почти все попытки «примирения» скандально проваливались. А после того, как массовая миграция европейцев была приостановлена, в Россию стали приезжать по вызовам в лучшем случае академические ученые, представлявшие в основном естественные науки.

Приступая к составлению своего знаменитого «Наказа», Екатерина решила, говоря словами Канта, положиться на собственный ум и выбрать из европейской социальной мысли то, что сочла соответствующим отечественным культурным устоям и актуальным политическим условиям. Так, у Беккариа она активно заимствует все то, что характеризует юридические нормы и практики, отмечая в сторону их основу — теорию общего права. Тем самым императрица поспособствовала зарождению парадоксальной российской нормотворческой практики — опоры на современные законодательные предписания без учета рамочного верховенства права. Столь же избирательным стал и ее подход к политической философии Монтескье. У него она обнаружила много достойного для подражания, правда, в основном в политической коммуникации, решительно оставив за скобками всякое политическое свободолобие и, главное, автономность гражданского субъекта.

Базовая проблема, с которой сталкивалась российская власть при консультациях с европейцами, заключалась в том, *что* считать точкой отсчета для старта модернизации страны. По понятным причинам западные мыслители фокусировали внимание царствующих особ на двух магистральных темах: освобождение народа и установление новой образовательно-институциональной матрицы. И если первая тема по понятным причинам «тонула» в пустых разговорах, то ко второй отношение было куда более серьезным. Какую национальную модель народного образования брать в качестве образца? Французские просветители не рекомендовали франко-католическую и, напротив, продвигали немецко-лютеранскую модель. А в итоге Россия последовала австрийскому опыту, причем как в начальном образовании, так и в плане подготовки собственных учительских кадров. Показательно, что уже на заре правления Екатерины дипломатия европейских монар-

хий реально опасалась позитивных результатов этих реформ, полагая, что быстрый рост «третьего сословия» в России создаст для них «реальную угрозу».

Опасения оказались пустыми (а вот стереотип о «восточной угрозе» Западу — удивительно долговечным).

Великая императрица, как уже отмечено, с гораздо большей охотой приглашала практиков, хотя и в этом нельзя сказать, что сильно преуспела. Многие из европейских наставников, приезжая в Россию, попадали в умело расставленные сети придворных интриг и нередко характеризовались именно как пустозвоны и «прожектеры». Чаще всего они сами подавали поводы к тому, чтобы так и остаться в этом уничижительном статусе в коллективной памяти. Европейские авантюристы в России стремились вписаться в придворные контексты, однако русский фаворитизм чаще всего препятствовал их продвижению. Екатерина же избегала сокращения дистанции с иностранцами, предпочитая оставаться «русачкой». Таким образом, именно русские фавориты императрицы воплощали в жизнь то, к чему стремились европейские авантюристы. Все эти потемкины, орловы, зубовы, бецковы, куракины проявляли поразительную работоспособность и дьявольскую энергию на ниве государственного служения [3, с. 245].

Взвешивать «реальный» вклад европейских консультантов эпохи Просвещения в развитие нашей страны оставим историкам. Нам гораздо важнее обратить внимание на то, какая подлинная телеология скрывалась за европейской «готовностью» думать и советовать российским властям, как и в каком направлении реформировать страну. Зачастую эти мотивы были весьма амбивалентными, порой даже из разряда злокозненных. Россия воспринималась европейскими монархиями как геополитический вызов, и поэтому вдумчивому западному наставнику следовало думать о том, как не дать ей еще больше окрепнуть. Вот почему, рекомендуя конкретные шаги и исходя будто бы из общих принципов западного универсализма, они прежде всего стремились оценить, к каким реальным последствиям могли бы привести те или иные действия.

Так, к примеру, шевалье д'Эон, автор «Рассуждения о легкости революции в России», которого А. Строев включил в свой список авантюристов, уже в правление Елизаветы призывал к отмене «позорного рабства», к совершению политического переворота во имя свободной формы правления. Д'Эон действительно мог быть подлинным сторонником республиканизма и отстаивать примат верховной власти народа в российской «правовой республике», он отчетливо понимал, что заинтересованность европейской дипломатии в подобном сценарии продиктована тем, что он неизбежно привел бы к ослаблению империи, а не к ее прогрессу. Именно так рассуждали многие европейцы. Как предельно прозрачно сформулировал французский посол барон де

Бретей после прихода к власти Екатерины II: русскую нацию надлежало сокрушить «с помощью ее самой», то есть благорасположить элиты к республиканским принципам, которые на деле противны укладу и законам страны [3, с. 234–235].

Однако далеко не всегда в европейском консультировании содержался скрытый умысел. Дидро, много писавший о демократических преобразованиях в России, изначально искренне верил в них, но после пребывания в империи в течение 1773–1774 гг. в корне пересмотрел свое мнение. Лучшее — как интерпретирует А. Строев перемену его ума, — что «может случиться с Российской империей, — это ее крушение, распад на дюжину мелких государств: тогда порядок, наведенный в одном из них, послужит примером для других» [3, с. 233]. Важно понимать, что в этом вполне авантюрном размышлении нет явной злонамеренности. Вряд ли Дидро видел себя бенефициаром в случае реализации подобного сценария, но этот тип проективного мышления иначе как наивным фантазерством не назовешь. Увы, под влиянием авантюристов именно социальная маниловщина прижилась в России на целый век и оставалась популярной вплоть до становления отечественной социальной школы в конце XIX столетия.

Екатерина II тщательно изучала все «благородные» советы и, обнаруживая в них двойное дно, предлагала российской публике свою интерпретацию буквально каждого казуса реформаторских провалов. Ее общая презумпция была вполне технологичной: виноваты не ученики, а учителя. Таким изысканным путем она представляла многих европейских авантюристов шарлатанами и обманщиками и внушала свое суждение российской публике. Обладая большим литературным даром, императрица легко переиначила на русский лад критический культурный тренд, именуя европейцев «недотепами», не способными вникнуть в самобытность русских. Вспомним в связи с этим негласную «дуэль» императрицы с французским миссионером и астрономом, членом Парижской академии наук аббатом д’Отрошем, автором нелицеприятных воспоминаний по итогам своей командировки в Россию². Императрица последовательно разбирает все его — подобные яду — наблюдения и публикует свой анонимный монографический ответ, изданный только на французском языке в Амстердаме, под характерным для этого жанра названием «Антидот» (1770). Адресатами книги были именно европейцы, а не ее подданные. Императрицу, конечно же, интересовала репутация ее страны в Европе, а не поиск истины.

² В 1761 г. Жан Шапп д’Отрош (*Jean Chappe d’Auteroche*, 1722–1769) по поручению Парижской академии наук прибыл в Тобольск для наблюдения за прохождением Венеры через диск Солнца 26 мая (6 июня) 1761 г. Особый интерес астрономов к этому явлению был связан с новым методом определения солнечного параллакса (расстояния от Земли до Солнца), предложенным в 1716 г. английским астрономом Э. Галлеем.

В век Просвещения западный мир и (с некоторым отставанием) Россия дрейфовали в одном цивилизационном направлении. Несмотря на известную геополитическую конфронтацию, оба макрокосма жили в целом по общему трансформационному сценарию. Французская революция и наполеоновские войны развели их по разным историческим тропам. На исходе эпохи Гегель выразит ее глубинный смысл в «Феноменологии духа», введя понятие «отмены». С его помощью европейская мысль в следующем столетии попыталась объяснить, каким образом и почему весь европейский мир неизбежно проходит через радикальный и открытый отказ от норм, принципов, идей, ценностей и практик до-модерновой социальности, почему нечто привычное объявляется «недействительным». Что-то в этом процессе было подчинено жесткой исторической логике и было вполне осознано его акторами, но что-то произошло ненароком, само по себе. В современной науке гегелевская «отмена» трансформировалась в социологически оформленную концепцию трансгрессии.

В ряде стран «отмена» была кардинальной и почти мгновенной, если ее базовым механизмом являлись ранние революции. Но неверно считать, что настоящая «отмена» началась лишь с изобретением гильотины, которая физически обезглавливала старую элиту, но и метафорически столь же решительно кромсала социокультурную ткань. Очевидно, что задолго до наступления эры великих потрясений западное просветительское движение, будучи бунтарским по духу, но отнюдь не по социальному действию, производило не менее серьезные отмены — незаметно, кулуарно и не всегда осознанно. Важнейшими акторами предреволюционной трансгрессии выступили именно европейские авантюристы. Их мотивы всегда были эгоистичными, их социальные новации не имели прямых аналогий в истории, а повседневный труд саморазвития и «пробуждения» широкой публики способствовал методичной расчистке завалов до-модерновой социальности.

Поэтапной «отмене» в XVIII столетии подвергся старый придворный мир Европы, за чем последовали более серьезные трансгрессии, захватившие высшие сословия и мещанство. Монархии ослабевали, а где-то и вовсе рассыпались, как карточные домики, авторитарная власть была потеснена правовым государством. Правда, борьба с «республиканизмом» повсюду, в том числе в России, часто сводилась лишь к этикетно-коммуникативным запретам, ибо, как прекрасно высказалась по этому поводу Екатерина Великая, с идеями бессмысленно бороться пушками. Кстати, император Павел вслед за запретом революционной французской моды резко ужесточил в России цензуру и даже ввел списки запретных слов и понятий иностранного происхождения. Вместо них надлежало употреблять исконно русские. Среди первых вычеркнутых из публичного обращения были и прижившиеся в правление Екатерины понятия гражданско-политического обихода.

Для старой сословной власти стало очевидно экзистенциальная угроза, которая могла исходить от модернистского субъекта, и поэтому его следовало вновь обрядить в старые одежды, а из публичного языка извлечь «опасные» слова, подобные «отчизне» и «гражданам», заменив их на «государство» и «население». А параллельно и языковая стигма «авантюрист» постепенно стала приобретать современное негативное значение. Так из привлекательных «героев» они в следующем столетии превратились в маргиналов и антигероев. И только тогда по своей сути и семантике стали немного ближе к феномену «чужаков», впрочем, все равно напоминали их весьма отдаленно.

* * *

В этом небольшом очерке трудно осветить все вопросы, поднятые историком литературы А. Строевым, многие любопытные для обществоведов детали неизбежно остаются за скобками. И поэтому в заключение хотелось бы вновь подчеркнуть актуальность сегодняшнего синтеза социального и гуманитарного знания. Чем глубже современные исследователи проникают в историческую суть эпохи Просвещения, тем отчетливее фундаментальная наука осознает, насколько то удивительное цивилизационное время было пронизано актами индивидуальной и групповой трансгрессии. В нескончаемой череде экспериментов с идентичностями, внешними и внутренними социальными границами, социальными нормами и ценностями рождался новый модернистский субъект, которому суждено было пройти сквозь невероятные смятения и приступить к новому освоению мира, точнее — к его конструированию. Впрочем, в ту дореволюционную эпоху это конструирование оставалось неосознанным, а «игры» Просвещения порождали лишь непредвиденные последствия. Как справедливо писал один из основателей интеллектуальной истории А. Лавджой, эволюция идей познается не как логический процесс и не во имя обнаружения рациональных оснований объективной истины; она постигается через свои социальные последствия [1]. И именно в этом фундаментальная особенность социологического взгляда на историю.

Очевидно, что авантюристы Просвещения своим образом жизни и мысли, наряду с представителями «третьего сословия», расчистили поле для сотворения европейского Модерна. Но поскольку в России с «третьим сословием» дела обстояли не столь благополучно, как в передовых странах Запада, здесь именно авантюристы — разумеется, рука об руку с первыми лицами империи — в большей степени поспособствовали «отмене» многих побудительных принципов и запретов старой культуры. Но, пожалуй, самое главное в том, что они воспитали в людях навык социально-абстрактного мышления, подарили им социальную надежду и привили вкус к утопическому проектированию, утвердили практику и нормы социальной мобильности и многое другое,

что стало характеризовать новую российскую социальность. Но то, что исторически случилось, обернулось непредвиденными последствиями «игр» Просвещения.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Согомонов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (903) 966-07-44. **Электронная почта:** sogi@mail.ru

Research Article

ALEXANDER YU. SOGOMONOV¹

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5 bl., 1, Bolshaya Andronievskaya str., 109544, Moscow, Russian Federation.

"GAMES" OF ENLIGHTENMENT: THE CONTRIBUTION OF HISTORICAL STUDIES TO SOCIOLOGICAL THEORY OF EARLY RUSSIAN MODERNITY

Abstract. This essay is constructed in the form of a sociological re-interpretation of the ideas outlined in a book written by A. Stroyev titled "Avantyristy Prosveshcheniya [Adventurers of Enlightenment.]", representing by itself a unique example of humanitarian synthesis of historical and philological methods in studying the very phenomenon of European adventurism. The author, an internationally recognized expert in the history of western literature, realized a long-term project dedicated to researching European adventurers and what life was like for them in the Russian Empire during the second half of the 18th century. At that time the word "adventurer" had less of a negative connotation than before or since. The term was used to define an individual who was not restricted in their mobility, be it territorial, textual or societal. There were quite a few personalities who etched their names into Russian history books. They were mostly Frenchmen and Italians, among which were famous figures like Casanova and Cagliostro, but a lot of those adventurers were not nearly as well known, as impactful as they were. They were not scammers or charlatans; moreover, their identity was not about fooling members of society by any means. All of them were highly educated, extremely creative persons and gifted writers. They were not content with their identity being boiled down to any single aspect: they constructed their lives as a piece of art, regularly changing their image and occupation. All of their behavioral patterns appealed to play and theater-like acting. Thus, Russian elites were very attracted to them, this including empresses, as were ordinary lay people. In this sense they contributed to the very process of conceiving new social roles in Russia's conservative society, while disseminating values of freedom and equality, republicanism, and network-societies, and finally promoting and embodying the philosophy and ideals of a highly mobile modern individual. Playing the roles of knowledgeable "consultants", they cultivated the taste for social imagination and utopianism among Russian aristocracy, and not only. French philosophers, visiting Russia as adventurers and keeping respectful relations with Kathrine II, offering her their consultancy, nevertheless did not influence the course of Russian modernization. They failed in all attempts to prove their theoretical constructions in practice. And Russian authorities, on its side, rejected their advice as being inadequate to our realities, strengthening so far anti universalism in politics and culture. To sum things up, we can say that European adventurers inadvertently facilitated the early Modern process of transgression of the vast majority of old principles and stereotypes. But nevertheless, all of these social consequences were unintentional

and, in many ways, accidental. Adventurers were ego-driven, and with them being the new social “facts per se” they were a powerful driving force that contributed to long term repercussions in Russia’s westernization.

Keywords: the synthesis of social and humanitarian knowledge; intellectual history; Enlightenment; early Modernity; European adventurers in Russia; philosophers and authorities; early modern social roles and identities; genesis of modern subject.

For citation: Sogomonov, A.Yu. “Games” of Enlightenment: The Contribution of Historical Studies to Sociological Theory of early Russian Modernity. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 139–162. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.7

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander Yu. Sogomonov — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS. **Phone:** +7 (903) 966-07-44. **Email:** sogi@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Лавджой А.* Великая цепь бытия / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 372, [1] с.
Lavejoy A. The Great Chain of Being. [Russ. ed.: *Velikaya tsep' bytya*. Transl. from Eng. by V. Sofronov-Antonomi. Moscow: Dom Intellectualnoy knigi publ., 2001. 368 p.]
2. *Оффорд Д., Ржеуцкий В., Арджент Г.* Французский язык в России / Пер. с англ. К. Овериной. М.: НЛО, 2022. — 887 с.
Offord D., Rzhetsky V., Arjent G. *Frantsuzskii yazyk v Rossii*. [French Language in Russia.] Moscow: NLO publ., 2022. 887 p. (In Russ.)
3. *Строев А.* Авантюристы Просвещения / Изд. 2-е, испр. и доп. М.: НЛО, 2023. — 429 с.
Stroev A. *Avantyristy Prosveshcheniya*. [Adventurers of Enlightenment.] 2nd ed. Moscow: NLO publ., 2023. 429 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 26.03.2024; поступила после рецензирования и доработки: 02.06.2024; принята к публикации: 13.06.2024.

Received: 26.03.2024; revised after review: 02.06.2024; accepted for publication: 13.06.2024.

СОЦИОЛОГИ О СОЦИОЛОГАХ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.8

EDN: VURDTA

К 90-летию Я.И. Гилинского

Редколлегия и редакция «Социологического журнала» поздравляют доктора юридических наук, профессора Якова Ильича Гилинского с 90-летием и желают ему здоровья и бодрости. Я.И. Гилинский известен отечественным и зарубежным исследователям в качестве криминолога и социолога, одного из основателей изучения в нашей стране различных форм девиантного поведения как социального феномена. Он — автор и соавтор более 30 монографий, ряда учебников, статей, всего свыше 700 научных работ, изданных в России и во многих странах мира. Я.И. Гилинский — участник представительных международных форумов, на которых он выступал с пленарными докладами, руководил секциями и «круглыми столами».

В связи с юбилеем Я.И. Гилинского журнал публикует интервью с ним члена редколлегии, профессора Б.З. Докторова. Интервью подготовлено за несколько месяцев до юбилея, отмеченного Я.И. Гилинским 16 июня.

Я.И. ГИЛИНСКИЙ¹, Б.З. ДОКТОРОВ²

¹ Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ.
191014, Санкт-Петербург, Литейный пр., д. 44.

² Независимый исследователь.
Фостер Сити, Калифорния, США.

НА ПОРОГЕ 90-ЛЕТИЯ. НЕВОСТОРЖЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ. ЯКОВ ГИЛИНСКИЙ ОТВЕЧАЕТ НА ВОПРОСЫ БОРИСА ДОКТОРОВА

Аннотация. Формально это — юбилейное интервью с Яковом Ильичом Гилинским, известным российским социологом и криминологом, многие годы жизни посвятившим изучению многообразных форм девиантного поведения. Реально же это моя беседа с коллегой и другом на подступах к значимой дате в его жизни — 90-летию. Поскольку это далеко не первое наше обсуждение прожитого и сделанного им, поскольку он сам десять лет назад рассказал о себе в книге «Я в Мире, Мир во мне» и с учетом того, что множество интервью с ним размещено на платформе YouTube, мне показалось оправданным освободиться от стремления пройти по всем этапам жизненного пути Я.И. Гилинского и просить его поговорить о событиях последних 20 лет на фоне более отдаленного прошлого. Благодаря такому ключу беседы читатель знакомится с непростыми судьбами его предков, с его движением в науку и важнейшими научными достижениями, с его счастливыми и в высшей степени продуктивными перестроечными годами. Читатель узнает об активном общении Я.И. Гилинского с авторитетнейшими криминологами мира и об участии в крупнейших научных форумах, о его путешествиях и деловых поездках с женой — верным помощником — во многие европейские страны и государства других континентов. Вместе с тем характер динамики важнейших макрополитических процессов в мире и стране, негативные тренды в развитии общественных наук в России, тяжелые переживания в личной жизни — все это сделало нашу беседу невесторженной. Однако жизнь Якова Гилинского сложилась успешно, сделанное им будет долго востребовано.

Ключевые слова: социология; криминология; девиантология; девиантное поведение; преступность; криминология постмодерна.

Для цитирования: *Гилинский Я.И.* На пороге 90-летия. Невосторженные воспоминания. Яков Гилинский отвечает на вопросы Бориса Доктора / Интервью подготовил *Б.З. Докторов* // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 163–182. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.8 EDN: VURDTA

Борис Докторов (БД): В статье «Биографии для истории», написанной в конце 2006 г. по итогам двух лет изучения истории нашей социологии [8], мной отмечено, что в нашей беседе с Б.М. Фирсовым о становлении общественного мнения в СССР «были затронуты многие важные темы, и я почувствовал необходимость провести интервью со специалистами, работающими в разных областях социологии. Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. По-моему, в тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ,

начинавшийся словами: “Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною”»¹.

Работа продвигалась стремительными темпами, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано [12]. Так что прежде всего я благодарю тебя за то давнее (древнее) согласие рассказать о себе. Я понимаю, наша беседа на долгие годы затянула меня в процесс интервьюирования российских социологов, но я ни минуты не сожалею об этом. С тех пор у нас было еще одно интервью, все прошедшие годы мы не прерывали нашу переписку. Но вот появился повод еще раз поговорить с тобой о прожитом, сделанном: ты приближаешься к 90-летию.

Пожалуйста, вспомни, где ты работал в 2005 г., что было в центре твоего исследовательского внимания, какими были твои планы на ближайшие годы?

Яков Гилинский (ЯГ): С 2005 г. прошла вечность... Если в 2005 г. я еще мог (с оглядкой) говорить и писать все, что думаю и знаю, то ныне это далеко не так... Но попробуем.

В 2005 г. я продолжал работать завсектором социологии девиантности и социального контроля в Социологическом институте РАН (СИ РАН), созданном Б.М. Фирсовым. Забегая вперед: и работал там до 2009 г. Одновременно я работал, как всегда, в двух-трех юридических вузах... Так вот в 2005 г. я был завкафедрой уголовного права в Российском государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена (РГПУ) и профессором кафедры уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии (ныне — Университета) Генеральной прокуратуры РФ.

Напомню: я же прежде всего «уголовник» и лишь затем — социолог-девиантолог.

До 2005 г. в СИ РАН мы проводили сверхширокомасштабные эмпирические международные исследования (все страны Балтийского региона, страны всех континентов — от Южной Кореи до Чили). Результаты были опубликованы в 4-х томах в Хельсинки (на английском языке) и в ряде статей. Потом это становилось все сложнее, и наше эмпирическое исследование пыток в пяти регионах России в 2005–2006 гг. было последним из масштабных. По результатам этого исследования была опубликована монография «Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан» (2007) [5], а также проведены пресс-конференции в Москве и Санкт-Петербурге. Первый канал телевидения предоставил мне три минуты для изложения результатов. Я изложил. Боюсь, что сегодня мне никто в это не поверит... А ведь было, было!

Я много писал и публиковался по проблемам криминологии и девиантологии. Как в России, так и за рубежом (у меня на сегодняшний день более 700 научных публикаций, в том числе 149 на английском,

¹ Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г.

венгерском, итальянском, немецком, норвежском, украинском, французском, японском языках). Графоман-с!

Кроме того, я активно участвовал в многочисленных международных криминологических и социологических конференциях и конгрессах. Ежегодно выступал на конференциях Европейского общества криминологов — ESC, Балийских криминологических конференциях, а также на международных и социологических конгрессах (обычно раз в три-четыре года), не считая многочисленных «разовых» выступлений.

Поэтому именно в 2005 г. у меня были «обычные» планы писать, выступать, по мере возможности — исследовать. Что касается содержания исследований (и, соответственно, публикаций), то это отслеживание российской и мировой динамики преступности и ее отдельных видов, детальное изучение организованной преступности, проблем наркопотребления, терроризма и др.

В 2005 г. были опубликованы 13 моих научных работ (конечно, не помнил бы! Но благодаря требованиям вузов ежегодно отчитываться о публикациях и докладах, все это у меня в таблице на 99 страницах), в том числе четыре — на английском языке. В 2006 г. — 16 научных публикаций, в том числе пять — на английском языке (в Стокгольме, Тюбингене, Риге и большая статья — 2 п. л. — в Европейском журнале криминологии).

БД: Яша, отмечу, за спокойными, невзрачными словами «Забегая вперед — и работал там до 2009 г.» скрывается довольно драматическая для ленинградской/петербургской социологии история. Она дала толчок четырехтомнику А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия — социолог (Из опыта драматической социологии. События в СИ РАН — 2008/2009 и не только)». Не мог бы ты вспомнить те уже далекие события и дать им свою интерпретацию?

ЯГ: На четырехтомник явно не потяну... Да и многое забылось... Расскажу, раз уж ты просишь, про себя и то немногое, что помню про других. Несколько освежить память помогли мои старые мемуары «Я в Мире, Мир во мне» (2014) [7].

После ухода Б.М. Фирсова в созданный им Европейский университет в Санкт-Петербурге (я принимал некоторое участие в его создании, а в СИ РАНе с уходом Б.М. ушел и с поста заместителя директора института, коим был многие годы) начался листопад директоров Социологического института. Умышленно не буду называть их фамилии. Были и вполне директора, были и не очень.

В июне 2009 г. (к моему 75-летию!) меня зовут в отдел кадров и просят расписаться в приказе о моем увольнении в связи с непродлением срока договора. Я расписался и ушел. К тому времени я, как уже говорил, работал в Юридическом институте Генеральной прокуратуры и в РГПУ, и уход из СИ РАН не был для меня трагичным. Жаль было только оставить сектор, много лет мною возглавляемый, его сотрудников, наши эмпирические исследования. Удивило немного и то, что я, проработав 20 лет (с 1989 г.) завсектором, замдиректора

института, дважды представляемый институтом в члены-корреспонденты РАН (заведомо бессмысленно, я это прекрасно понимал, если член-коррами не были В.А. Ядов, И.С. Кон, то кто же меня выберет!), не был приглашен директором института, которая не поблагодарила меня за работу, не объяснила, с чем связано непродление договора...

Впрочем, к этому времени уже были уволены ряд наиболее творческих, наиболее независимых сотрудников института (доктор социологических наук профессор В.А. Бачинин, трудоголик А.Н. Алексеев, кандидат наук, замечательный ученый Н.Р. Корнев). Я был не первым и не последним... Правда, после моего увольнения начался небольшой скандал. Ряд возмущенных сотрудников написали руководству РАН о творящемся в институте беспределе. Об увольнении лучших. Более того, поскольку в связи с моим юбилеем ко мне обращались за интервью журналисты СМИ, гневные публикации появились в Полит.ру. В результате директор дважды предлагала восстановить меня на работе. Я, конечно, отказался. Через два-три года был полностью ликвидирован и сектор социологии девиантности и социального контроля. С тех пор фактически прекратились эмпирические исследования различных видов девиантности.

(Интересно, что сегодня девиантология как социологическая наука о различных девиантных проявлениях — преступности, самоубийстве, наркопотреблении, проституции и др. — переместилась в систему МВД РФ. Много лет проходили ежегодные девиантологические конференции с публикацией материалов в Краснодарском университете МВД РФ, активно работал в этом направлении Казанский институт МВД, второй год проводит конференции по девиантологии Санкт-Петербургский университет МВД, издающий «Российский девиантологический журнал». Несколько месяцев назад — 29 сентября 2023 г. — я выступил у них на конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» с докладом «Некоторые проблемы социального контроля над девиантными проявлениями».)

Мне трудно давать интерпретацию тех событий. Я, честно говоря, не очень в них вникал. Десять лет назад я написал в мемуарах: «После ухода [Б.М. Фирсова]... от директора института к директору обстановка менялась к худшему. Началась групповщина, борьба за место к “телу” (точнее, к “уху”), карьеристы рвались к “власти”. Я старался оставаться “над схваткой”... Мне кажется, что из института удаляются все, кто относительно независим, самостоятелен, имеет свою точку зрения... Конечно, избавившись от нас, администрация будет легко и спокойно заправлять оставшимся “молчаливым большинством”».

Сегодня я понимаю, что «причины» могли лежать намного глубже. Шел постепенный, но ускоряющийся откат от «прекрасных (с моей точки зрения) девяностых», от Свободы к несвободе. А проявления этого отката могли быть многолики...

БД: Ты знаешь, с грустью констатирую близость высказанного тобой сейчас и моего суждения по поводу решения Ученого совета Социологического института РАН о несоответствии А. Алексеева должности ведущего на-

учного сотрудника. Спасибо Алексееву, он, по сути, начал названный выше четырехтомник «Профессия — социолог» с моего письма (июнь 2008 г.) членам Ученого совета. Опущу сказанное относительно значимости научной работы Алексеева и приведу лишь заключительное предложение письма: «Мне не известны критерии, на основании которых было вынесено рассматриваемое решение, и я не готов обсуждать ни причины его появления, ни его возможные последствия для А.Н. Алексеева. Но в этом решении аттестационной комиссии я вижу истоки возникновения процесса, подрывающего высокую научную и этическую репутацию СИ РАН, на который историей возложена ответственность за сохранение и развитие традиций ленинградской/петербургской социологической школы». Годы, прошедшие после ухода из СИ РАН А.Н. Алексеева, В.А. Бачинина и тебя, показывают, что институт потерял значительно больше, чем вы. Каждый из вас продолжил активную научную деятельность, опубликовал большое число книг и статей, тогда как СИ РАН явно начал сдавать как академическое социологическое подразделение. Неужели руководство СИ РАН и более высокие академические структуры не понимали последствия этого ничем не обоснованного решения?

ЯГ: А зачем что-либо понимать? Надо держаться за свои высокие должности, надо потакать вышестоящим, надо быть поощряемым свыше... И главное — надо застраховаться от любых нежелательных последствий научной, творческой «активности». Поэтому лучше — никакой активности!

Дорогой Боря, если бы ты мог воочию увидеть, до чего сегодня докатилась российская «наука», российские «научные учреждения»! Я говорю прежде всего о гуманитарных, с коими лучше знаком. Но сильно подозреваю, что аналогичное происходит и с естественными науками и их учреждениями. В СССР и в первые годы РФ крупнейшим юридическим научным учреждением был Институт государства и права АН СССР / РАН. Я много лет хорошо знал его руководителя — академика, вице-президента Академии наук СССР / РАН В.Н. Кудрявцева. (Да и докторскую диссертацию я защищал в их Диссертационном совете.) В «страшные советские годы» В.Н. Кудрявцеву удалось организовать в Москве (в 1980 и 1983 гг.) международные криминологические конференции с участием крупнейших ученых Европы. Сегодня это одно из наиболее реакционных учреждений... Вот маленький пример. В книге 2019 г. (!) нынешний директор Института государства и права, член-корреспондент РАН с соавтором, академиком РАН, пишут о Я.И. Гилинском: «...антисоветская тональность его оценок и выводов, антироссийские философские предпочтения и политические симпатии... Среди зарубежных специалистов он пользуется большим признанием, чем среди отечественных». Зато «И.В. Сталин укреплял институт семьи как ячейки общества» (расстреливая отцов и ссылая матерей)... Как хорошо, что я уже не работаю в штате, а лишь «дорабатываю» по трудовому договору. Меня нельзя выгнать с работы.

А Московский госуниверситет... А Санкт-Петербургский госуниверситет... Из них изгнаны лучшие ученые, профессора. А судьба «Шанинки»... А преследования Европейского университета в Санкт-Петербурге... Я не говорю уже о провинциальных вузах и НИИ.

Впрочем, все это давно известно! Ведь настоящее творчество, если оно настоящее, — тоже «девиантное поведение»! Я много пишу об этом. Об этом наша коллективная монография «Творчество как позитивная девиантность» (2015) [11]. Поэтому был приговорен к смертной казни Сократ. Поэтому были сожжены Джордано Бруно, Ян Гус и Мигель Сервет. Поэтому в заключении находился Галилео Галилей и ему грозила смертная казнь, если он не откажется от своих научных (!) взглядов. Поэтому бежали или уничтожены немецкие ученые и писатели эпохи гитлеризма. Поэтому в сталинских концлагерях погибли сотни ученых, писателей, поэтов.

БД: *Забавно... я сейчас перечитываю наше первое интервью, 2005 г. Тогда ты писал: «У нас дома была большая библиотека, было в ней и несколько выпусков “Архива гениальности и одаренности (эвропатологии)”». Не с них ли в сочетании с профессиональной деятельностью юриста началось мое нездоровое увлечение девиациями?» Получается, что ты уже многие десятилетия (с юности) так или иначе рассматриваешь творчество как разновидность позитивной девиантности. Мой вопрос: а какие есть основания не соглашаться с таким утверждением?*

ЯГ: Конечно, когда я в школьно-студенческие годы читал «Архив гениальности и одаренности (эвропатологии)», я еще не думал ни о какой девиантности — ни о позитивной, ни о негативной... Девиантность пришла мне в голову (и там укоренилась) в 1960-е гг., и в 1971 г. появились две мои первые статьи об отклоняющемся поведении.

Что касается несогласия с понятием позитивной девиантности, позитивно девиантного поведения, то здесь много неясного.

Во-первых, эта тема практически не обсуждается в отечественной литературе. Не обсуждаются практически и все мои рассуждения о криминологии постмодерна. Молодежь интересуется, ходит на мои, даже необязательные, лекции. Но они еще не могут активно, публично обсуждать. Ну, разве что молодые сибирские коллеги устроили обсуждения online, в основном задавая мне вопросы. И то это касается криминологии постмодерна, но отнюдь не позитивной девиантности. О нашей коллективной монографии «Творчество как позитивная девиантность» я вообще не слышал и не читал ни слова. Непривычно все это для умудренных коллег.

Во-вторых, предполагаемые возражения вполне возможны, типа — как же так? Как можно сравнивать преступность, проституцию, самоубийства с научным, художественным, техническим творчеством? Вот это повод для начала дискуссии. Но ее нет...

В-третьих, вообще тема девиантности относительно немодная. Да, есть конференции двух университетов МВД РФ. (Когда-то были

ежегодные конференции под руководством профессора Б.М. Левина, давно покинувшего РФ. В них принимали участие профессор А. Габияни — Грузия, профессор А. Лепс — Эстония, и др.) Да, был сектор в Социологическом институте РАН и есть сектор в Институте социологии ФНИСЦ РАН (Москва). Но одного уже нет, другой работает потихонечку. Да, есть два журнала! Ранее упомянутый «Российский девиантологический журнал» и «Вопросы девиантологии», созданный и мужественно поддерживаемый одним энтузиастом — профессором Ю.А. Клейбергом (Тверь). Но по сравнению с журналами по другим социальным проблемам это — капля в море. Только для кучки интересантов. К их числу нельзя не отнести профессора Ю.Ю. Комлева (Казань) и семью (папа, мама, дочь) Грошевых (Тюмень).

Пожалуй, значительно больше работ по *психологии* девиантного поведения. А вот *социология* девиантности, изучение девиантных проявлений как социальных феноменов — в загоне. Это, в принципе, понятно. Можно публично копать в мозгах девиантов, а изучать и обсуждать условия, причины, масштабы преступности, самоубийств, проституции, наркопотребления — не комильфо...

БД: *Интервью с Т.И. Заславской озаглавлено: «Я с детства знала, что самое интересное и достойное занятие — это наука». А вот очень важный сюжет из нашей беседы: «Татьяна Ивановна, почему в центре Ваших научных интересов оказалось сельское хозяйство, экономика села? Странно, городская девушка из профессорской семьи пошла учиться на физфак, потом — на экономический факультет и затем вдруг — сельское хозяйство». Приведу фрагмент ее ответа: «Думаю, что здесь сыграли роль и гены. Все-таки отец родился в деревне, и хотя он лет в 13 или 14 переехал в Боровск, учился в городском училище и стал истинным горожанином, но ведь он происходил из крестьян, и линия его крестьянских дедов и прадедов известна до 6-го колена. В 1940 г. мои родители впервые не смогли вывезти нас с сестрой в какие-то новые места, чтобы расширить наш горизонт, как обычно они это делали летом. Вместо этого нас отправили в деревню к папиной двоюродной сестре Нюше. <...> Мы учили деревенские песни и частушки и в целом были совершенно счастливы. <...> Вообще, мы стали там в доску своими. Это был, я думаю, важный момент в моей жизни, я почувствовала деревню, впустила ее в свою душу, проще говоря — полюбила. Мы долго там жили, все лето. Я думаю, что мое глубокое сопереживание деревне пошло именно оттуда». Мог бы ты сейчас увидеть в твоём движении по жизни проявление достаточно долгой и весьма интересной истории твоей родительской семьи?*

ЯГ: *Стыдно признаться, но я плохо знаю свою генеалогию. Как-то в годы войны и послевоенного тоталитаризма было не до этого... (Тем более мой дальний родственник со стороны отца был расстрелян в 1938 г. — естественно, за «измену родине»). Может быть, самым значимым для меня оказалась... семейная библиотека. Вся классика (Пушкин, Лермонтов, Л. Толстой, Тургенев, Гончаров, Куприн...) и философия*

(от древнегреческих философов до Гегеля). Ну, классика — понятно: старинная петербургская семья (по непроверенным данным, мой прадед — старший егерь Его Императорского Величества). Как оказались философские труды — не очень понятно: отец, мать, тетка, бабушка — медики. Отец до войны — кандидат медицинских наук (диссертация «по мозгам»), после войны — доктор медицинских наук (диссертация «по желудку»), так наглядно менялись социальные ориентиры...

Я не очень рассуждал на эту тему. До школы (да, да!) прочитал почти всю классику, в школьные годы — попадавшуюся художественную литературу и философию. В 10-м классе — и Ф. Ницше («Так говорил Заратустра!»), и учебник «Уголовное право». Выбирал между философским факультетом и юридическим. Но 1952 г. — философия... Пришлось остановиться на юриспруденции. Не жалею до сих пор. Из юриспруденции — конечно, уголовщина! И юрфак ЛГУ заканчивал по уголовной специализации. Но философия прочно засела в голове. Наряду с чисто криминологическими работами у меня были и «Онтологический трагизм бытия» (1995), и «Тема смерти — тема жизни: философия социологии» (1995), часто участвовал в дискуссиях на философском факультете ЛГУ.

Подозреваю, что и моя девиантология — следствие постоянных «философических» попыток осмыслить что-либо с более высоких, более общих позиций. Да, занимаюсь изучением преступности, почему-то исследовал и самоубийства. Но что это такое в общем социальном бытии? Ну, девиантология многое объяснила.

Раз уж ты затронул семейные истоки, то и мой идейный космополитизм, возможно, имеет «биологическую» (и, конечно, философскую) основу: мой родной дед — *украинец* (Редько Лев Мефодиевич, я еще застал его), моя родная бабушка по матери — *русская* (Давыдова Лидия Семеновна, всю блокаду вместе), а вот со стороны отца бесспорно *еврейская* кровь и, возможно, — *польская* (все мои польские коллеги — с фамилиями на -ский, в Польше после одной из конференций нас возили в усадьбу... Гилинских).

БД: Очевидно, весь комплекс юридических наук и вся деятельность правовых и правоохранительных органов не просто зависят от общественно-политической атмосферы, обстановки в стране, но являются ее прямым продолжением, с одной стороны, и ее двигателем — с другой. Ты многие годы преподавал различные дисциплины в разных учебных заведениях. Не мог бы ты — понятно, очень обобщенно — описать динамику установок, интересов, планов поступающих на юридические факультеты? Или, проще, — сравнить студенчество твоего поколения и последующих десятилетий. Безусловно, здесь не обойтись без характеристики профессиональных и гражданских качеств преподавательского корпуса.

ЯГ: Этот вопрос сложнее, чем ты думаешь. Да, «весь комплекс юридических наук и вся деятельность правовых и правоохранительных органов не просто зависят от общественно-политической атмосферы,

обстановки в стране, но являются ее прямым продолжением». Это вообще-то почти во всех странах так. «Ее двигателем» — спорный вопрос... Поэтому и юридическая практика, и юридические науки твердо следуют за изменениями политики государства... Поэтому расцвет науки — с самого конца 1980-х до начала 2000-х. Конец науки — с середины нулевых. Сегодня говорить серьезно о «науке» не приходится. Это касается не только юридических, но и других социальных наук. То же самое относится к правоприменительной деятельности. О «правосудии» говорим с усмешкой. Уголовно-правовая наука занимается вынужденным толкованием ежедневно растущих «составов преступлений». Криминологическая — повторяет давно известные «истины». Во многих юридических вузах криминология доведена до «третьестепенной науки», обучение которой для студентов почти необязательно *de facto*.

Еще сложнее мне говорить об изменениях студенчества. Здесь все сложнее и неоднозначнее. Ну, в мои годы все было, как скажут партия и правительство и лично Генеральный секретарь ЦК КПСС. Студенты другого и не предполагали. Учились, чтобы получить профессию и работать по ней. Горбачевская перестройка, конечно, вызвала оживление. Во многих вузах преподаватели стали выдвигать различные позиции, сравнивать труды разных авторов. Появились негосударственные вузы. Так, я много лет был деканом юридического факультета негосударственного Балтийского института экологии, политики и права. И все же основная цель студентов была — получение диплома с целью дальнейшей работы. Пожалуй, наибольший интерес студентов именно к изучаемым дисциплинам — это, как ни странно, 2000-е гг. Очень многое зависело от профессорско-преподавательского состава. Мне, конечно, очень сложно судить даже обо всех петербургских вузах, не говоря уже о российских. И все же кое-какие симптомы повышенного интереса в 2000-е гг. есть. Это хотя бы приглашение юридическими факультетами разных городов преподавателей из других городов для чтения разовых лекций. Так, с 2012 по 2019 г. меня приглашали с лекциями для студентов вузы Великого Новгорода, Волгограда, Ростова-на-Дону, Смоленска, Улан-Удэ. Конечно, это касалось не только меня! С удовольствием приглашали профессора А.Э. Жалинского и других. (Надо ли говорить, что мы всюду ездили с женой Наташей, без нее я бы не поехал. Это все знали и звали нас обоих.)

В целом, насколько я могу судить (возможно, я не прав), в те же 2010-е у студентов начинается некоторый спад интереса к дисциплинам и возвращение к цели «получить диплом». Но отдельные студенты, конечно, и сегодня интересуются именно различными предметами. Так, меня приглашали с лекциями для любопытствующих студентов в петербургский вуз, где я не работаю, в 2022–2023 гг.

Вывод. Конечно, как это ни печально, и наука, и практика, и преподавание, и интересы студентов весьма зависимы от общественно-политической ситуации в стране, от государства и его политики. Впрочем, я много писал об этом в разных статьях и монографиях. В одной из своих

статей я писал (извините за длинноту, но это важно): «Государство, созданное с самыми благими намерениями (защита подданных и граждан, обеспечение общих интересов и т. п.), в действительности нередко служит репрессивным орудием в руках господствующего класса, группы, клана... Да, государство обеспечивает в большей или меньшей степени развитие общества, в большей или меньшей степени безопасность населения. Но оно же служит репрессивным орудием в целях подавления действий, а то и мыслей, нежелательных для господствующих властных сил. Неслучайно Томас Гоббс сравнивал государство с Левиафаном — ветхозаветным чудовищным морским змеем, нередко отождествляемым с сатаной. Позднее Левиафана дополнил образ Паноптикума (или Паноптикона) — “идеальной тюрьмы” И. Бентама» [6, с. 107.].

БД: *В начале моего историко-социологического поиска я проводил интервью с социологами первых четырех поколений, затем фокус внимания сместился на последующие когорты. При этом, естественно, одна тема выпала из поля обсуждений, назову ее «КПСС и социология». Некоторые аспекты этой тематики были рассмотрены мною в книге «Современная российская социология: История в биографиях и биографии в истории» (2013 г.), и с тех пор я к ней не возвращался. А надо бы. Время высвечивает многогранность и многоцветность роли КПСС в становлении и развитии социологии, замечу лишь тот факт, что все признаваемые сегодня «классикой» социологические проекты в принципе не могли быть проведены без определенной поддержки партийными органами. Как бы ты осветил тему «КПСС и социология»?*

ЯГ: Редкий случай, когда я вряд ли отвечу на твой вопрос. Весь СССР во главе с КПСС для меня — страшный сон, который, к сожалению, был действительностью и который угробил две трети моей жизни. То, что в постсталинское время эта страшная двойня допустила социологию (которая при Сталине была дезавуирована как «буржуазная лженаука», наряду с криминологией, генетикой, кибернетикой... Кстати, я — профессор криминологии, сию науку в ЛГУ не изучал и даже не знал о ее существовании), — ну, некоторое «послабление», результат «хрущевской оттепели». Но все равно эта зародившаяся социология была политически ограничена во всем... Я проводил исследования самоубийств в 1960—1970-е гг., но публиковать результаты мог только (а) в Эстонии, (б) тиражом 150 экз., (в) с грифом ДСП... В коллективной монографии «Человек как объект социологического исследования» (ред. Л. Спиридонов, Я. Гилинский, ЛГУ, 1977), написанной по результатам наших социологических исследований (!), мы не могли публиковать какие бы то ни было цифры! На ее с. 96, уже после прохождения цензуры, в мини-таблице был вырезан (не опубликован) шестой столбец, в котором было слово «преступлений». В СССР не могло быть преступлений — этих явлений, «чуждых советскому народу»!

Все. Больше об этом ни слова. Аж сердце заболело. (Тем более что воспоминания напоминают и о дне сегодняшнем...)

БД: В нашем интервью 2005 г. ты писал о своей жене: «А познакомились мы с Наташей в 1964 г. на высоте 3000 м в Горном Алтае... Спустились с гор и — на всю оставшуюся жизнь». Недавно ты простился с Наташей... прими мои соболезнования и, пожалуйста, вспомним ее...

ЯГ: Боря, я помню Наташу круглосуточно... Я разговариваю с ней, советуюсь с ней, мне кажется, что она где-то рядом, за спиной... Не знаю, нужен ли (интересен ли) читателям нашего интервью мой рассказ о Наташе. Но раз уж ты спросил...

Да, наша встреча была случайной, а стала судьбой. Наташа (Наталья Николаевна Проскурнина) жила в Ленинграде/Санкт-Петербурге на Невском проспекте, д. 3. Центральнее не бывает, с видом на Дворцовую площадь. А я работал на Невском проспекте, д. 16, наискосок от ее дома. А встретились мы на высоте 3000 м в Горном Алтае...

Она — физик-оптик, закончила ЛИТМО (Ленинградский институт точной механики и оптики). Автор десятка научных работ по специальности. А потом... увлеклась криминологией-девиантологией, соавтор наших двух статей по самоубийствам и автор уникальной самостоятельной работы и статьи по исследованию криминальной, суицидальной, алкогольной активности различных социально-демографических групп населения Ленинграда (по результатам трех больших эмпирических исследований). Больше таких работ я не встречал. Она читала все мои работы и иногда советовала: «Здесь логический пропуск», «Это выражение хорошо бы заменить»... Она составитель всех литературных источников (по 800–900!) в моих и наших коллективных монографиях. Она составитель таблицы (6 страниц) по истории криминологии, которую профессор В.В. Лунеев перенес и в свою двухтомную «Криминологию» (конечно, сославшись на источник). И мою последнюю и «главную» монографию «Криминология постмодерна (неокриминология)» (2021) [4] я написал по настоянию Наташи... Я безмерно благодарен Наташе за все.

Но не это, конечно, главное. Мы были с ней одним человеком, двумя половинками. Полное взаимопонимание. Одинаковое представление обо всем происходящем. И — бесконечные совместные поездки по СССР, РФ и всему миру. Мы так любили путешествовать! Мы с ней так благодарны М. Горбачеву за освобождение, за снятие «железного занавеса». Наши поездки были, как правило, на криминологические и социологические конференции, конгрессы, семинары. Но и ради отдыха, конечно (Франция, Италия, Испания, Болгария, Таиланд, ОАЭ...). С 1994 по 2019 г. мы постоянно ездили в наш любимый Париж, символ Свободы! *Liberté!* Наташа очень любила Италию (Рим, Флоренция, Венеция, Милан, Болонья, Пиза, Неаполь, Палермо...).

Коллеги, организаторы конференций всех стран, знали, что мы будем вдвоем! В 2017 г. меня пригласили с докладом на конференцию в Гонконг, где мы до этого не были. Я согласился, написав, что буду с женой. «Мы знаем, — ответили мне, — мы забронировали для вас два билета...»

Наташа была удивительным человеком. Никогда никого не ругала (в отличие от меня), не признавала обсценную лексику (в отличие от меня). Не могла, не умела лгать. Старалась помочь людям и, конечно же, зверям, которых очень любила. У нас дома всегда были кошки, одно время и две собаки. А помогали и бездомным. Радушно принимала у нас дома гостей из всех стран (Великобритании, Японии, Германии, Австралии, Франции, Австрии). Была молчалива, никогда не вмешивалась в разговор. Слушала, слушала и произносила фразу, подводящую итог всей нашей болтовне. Каждую работу (от научной до хозяйственной) делала тщательно, аккуратно, доводя до совершенства. Наташа мужественно, героически, без единой жалобы переносила физические страдания, выпадавшие на ее долю. В 2012 г. у нее был перелом шейки бедра... Операция. После этого многие перестают выходить из дома. Мы уже в 2013 г. были с ней на конференции в Будапеште. И далее всегда и всюду. О страшном конце (рак) промолчу. Наша последняя поездка летом 2022 г. — Финляндия, Болгария...

Если честно, с уходом Наташи закончилась и моя жизнь... Мы прожили вместе 58 лет. И каких лет! Я успел при ее жизни написать книгу о ней: «Мое все» (2023). Я надеялся, что она будет ее дарить друзьям... Не успела...

БД: *Спасибо, Яша, что ты нашел в себе силы и рассказал о Наташе... Вернемся теперь к рассмотрению твоей профессиональной жизни.*

При ответе на первый вопрос ты заметил: «С 2005 г. прошла вечность...» Да, без малого два десятилетия, срок — достаточный для исторического анализа. Воспользуюсь этим и нагружу тебя следующей просьбой. Во время нашей беседы ты неоднократно говорил, что основная твоя профессия — криминология. Что тебя в ней заинтересовало, и что ты считаешь своими достижениями в этой области? Пожалуйста, расскажи о своей концепции криминологии постмодерна — неокриминологии.

ЯГ: Как ты знаешь, я окончил юрфак ЛГУ по уголовно-правовой специальности. Кандидатская диссертация у меня была по уголовному процессу, докторская — по криминологии, будучи адвокатом, я работал защитником по уголовным делам. Вся жизнь связана с «уголовщиной». Почему именно на криминологии я остановился? Это наиболее «философская» отрасль уголовно-правовых знаний...

Занимаясь криминологией, помимо чтения многочисленной отечественной и зарубежной литературы, я, конечно, проводил сравнительный анализ статистики преступности и ее отдельных видов в России/СССР/РФ (в СССР/РФ — с 1961 г.) и в зарубежных странах. Уже одно это позволило мне сделать ряд выводов (общемировые закономерности динамики, «приоритет» США и СССР/РФ по уровню преступности на 100 тыс. жителей и количеству заключенных и др.). Динамика социального состава осужденных (и вышеназванная работа Наташи) позволила сделать категорический вывод, что основная социальная база «уличной» (не экономической) преступности — так называемые «социально ис-

ключенные» («социальная эксклюзия» — термин французских социологов). Это лица, не включенные в активную социальную, экономическую, политическую, культурную жизнь. У нас это прежде всего «лица без постоянного источника доходов» (по терминологии МВД РФ).

Далее, мы в составе сектора девиантности и социального контроля СИ РАН досконально эмпирически изучали ряд преступлений, и прежде всего организованную преступность. Об этом много наших работ на русском, английском и других языках. Много занимались эмпирическими исследованиями проблем наказания.

Наконец, на основе массы научной литературы, массы результатов эмпирических исследований, философско-юридических размышлений родилась моя концепция *криминологии постмодерна* — *неокриминология*. Конечно, я не могу ее обстоятельно объяснять в нашей беседе. Есть моя уже упоминавшаяся монография «Криминология постмодерна (неокриминология)» и десятки статей, глав коллективных монографий. Но кое-что — главное — скажу, поскольку это может заинтересовать наших читателей.

О постмодерне. Мы все живем в обществе постмодерна (а теперь уже пост-постмодерна — *метамодерна*). И его особенности сказываются на всех социальных явлениях, включая преступность, и *понимании* этих явлений. *Глобализация* экономики, финансов, технологий, но и преступности (международная торговля наркотиками, людьми, оружием, терроризм). *Массовая миграция* — и преступность мигрантов и против мигрантов. *Виртуализация* жизни (уход в Интернет) — и виртуализация преступности (киберпреступность) и др. Подробнее — в моей книге «Девиантность в обществе постмодерна» (2017) [1].

Но меняются и взгляды на «преступление и наказание». Коротко:

1. *Нет деяний, преступных по своему содержанию*. Мой первый вопрос студентам на первой лекции: назовите деяние, которое всегда и во всех странах признается «преступлением». Ответ (в 99,9% случаев) — убийство. Хорошо. Убийство — умышленное причинение смерти другому человеку. Да, тягчайшее преступление. Но ведь за умышленное причинение смерти другому человеку... дают медали, ордена. Это — профессиональная оплачиваемая деятельность палача в тех странах, где, к сожалению, сохранилась смертная казнь. Умышленное причинение смерти другому человеку по просьбе этого человека — эвтаназия — это легальная процедура в Бельгии, Нидерландах, Швейцарии и других странах и — тяжкое преступление в России. Преступления, преступность — *социальный конструкт* (это сегодня всеобщее мнение мировой криминологии). Это то, что *здесь и сейчас* законодатель включил в уголовный закон.

2. А каковы же тогда *объективные основания* криминализации тех или иных деяний? Никаковы. Их нет. Единственное основание — как пожелает власть, режим. Конечно, иногда пожелание власти, режима совпадает с мнением большинства населения (убийство, изнасилование, грабеж

и разбой). Но далеко не всегда. Об этом подробно — в книге И. Козаченко и Д. Сергеева «Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного» (Екатеринбург, 2020) [9].

3. И «личности преступника» (о которой столько дискуссий!) никакой нет. Согласно сегодняшнему, перенасыщенному донельзя УК РФ, мы все — «личности преступника», включая меня. Об этом подробно в книге А. Рыбака «Криминология в человеческом измерении. Новая методология» (2020) [10].

4. И наказание не выполняет ни одной своей функции, не достигает ни одной цели. Более того, А.Э. Жалинский в своей блестящей книге «Уголовное право в ожидании перемен. Теоретико-инструментальный анализ» (2009, с. 56, 68) отмечал: «Наказание — это очевидный расход и неясная выгода... Следует учитывать хорошо известные свойства уголовного права, состоящие в том, что оно является чрезвычайно затратным и весьма опасным средством воздействия на социальные отношения». Впрочем, еще К. Маркс, критикуя некий памфлет о смертной казни (Соч., т. 8, с. 530), писал: «Со времен Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни устроить наказанием. Как раз наоборот!» Неслучайно профессор Х. Йешек (Германия) еще в 1988 г. предложил отменить уголовное законодательство, несовместимое с правами человека и гражданина... («Не дожидетесь!» — отвечают государства профессору Йешеку...).

Ну что, надоел я своей криминологией постмодерна? Все. Больше не буду.

БД: *Наша беседа началась в конце сентября 2023 г., сейчас — середина ноября. Мне представляется, что множество актуальных событий, происходящих в мире, имеют весьма сложную, многомерную предметность, в том числе ярко выраженную криминологическую. Обратили ли внимание отечественные и зарубежные ученые на новые явления в нашей действительности, повседневности, порожденные ходом специальной военной операции (СВО), начатой Россией на Украине в феврале 2022 г.? Уверен, наблюдения и анализ жизни общества, осуществляющего те или иные военные действия на территории других государств, имеют давнюю историю, и потому многое криминологией обобщено и типологизировано. Так, в США существует огромное число различных исследований о влиянии военных операций, которые страна вела во Вьетнаме и Афганистане. Наверное, проводились они и криминологами? Есть ли уже у российских социологов, криминологов опыт изучения социальной реальности, порожденной СВО?*

ЯГ: Проще всего ответить — нет. И социология (я меньше знаю), и криминология (хорошо знаю) в сегодняшней России или молчат, или не в состоянии дать объективную картину. Да, «Левада-Центр» старается быть объективным. Но это сегодня нереально! Проводят опросы населения. Но опрашиваемые или не будут отвечать (как не стал бы я) на вопросы, или будут отвечать «как надо». Никакой реальной картины это не дает. Молчание по поводу СВО понятно. Тема, наглухо закрытая для объективного научного обсуждения. Менее понятна по-

зация по Израилю/ХАМАСу... Правда, здесь действительно есть свои сложности: для меня, например, непонятно, как вообще такое могло произойти 7 октября при постоянной, многолетней практике попыток ХАМАСа прорваться и немедленной реакции израильской армии и полиции на перекрытие границы? «Неладно что-то в этом королевстве».

Мне давно понятна общечеловеческая ситуация: вся человеческая история есть нескончаемая война между «мы» и «они» (наши — не-наши, свои — чужие). Об этом писал еще профессор Б. Поршнев в 1966 г. Это бывает и среди зверей. Но у тех клыки, когти, копыта, рога. А люди старались «совершенствовать» орудия убийств — от камней и дубинок до ядерного оружия массового поражения... Позволю себе отрывок из моего неопубликованного текста последнего времени. «Государства создавались якобы для защиты “своего” населения. А население радовалось силе и мощи “своего” государства... Радовалось... захвату “чужих” территорий и государств. Хотя при этом теряло, не могло не терять тысячи “своих” граждан — мужей, отцов, сыновей... Со временем именно государство становится (а может быть, всегда было?) главной угрозой для людей — как для его жителей, так и для жителей других государств.

Государство vs Человек — вот одно из главнейших противоречий и проблем человечества, общества...

Далее одни вопросы. Зачем сегодня, когда основные государства давно сформировались, властям этих основных государств начинать войны, уничтожая “своих” и “чужих”? <...> Ради чего? Почему? Почему люди, человеки, население земного шара так стремится к самоуничтожению?

Все это выше моего понимания.

Люди! Одумайтесь! Жизнь каждого — единственная. “Жизнь дается всего один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы” (Н. Островский). А тем более — за непрожитые годы.

Я понимаю, что мои, как и любые иные, пацифистские призывы бессмысленны, бесполезны. Но я так и уйду из жизни, не поняв, — почему. О чем думают люди, одобряя или принимая бесчеловечные деяния властей, государств».

БД: *Так или иначе, перед твоими глазами и в твоих ответах отражены девять прожитых десятилетий. Это не просто эпоха, это серия эпох. Множество глобальных событий и событий твоей жизни. Это встречавшиеся на твоём пути люди, прочитанные и написанные тексты. Наверное, многое из задуманного реализовано, но есть и то, что не удалось сделать. Такова жизнь, вся она — перед тобою...*

В октябре 2013 г. В.А. Ядов прислал мне очень личное письмо, в котором подытожил прожитое и сделанное. Ядов понимал: опубликую это письмо, что и было сделано в книге о нем. Приведу одно из ядовских размышлений: «Счастлив работой с друзьями-коллегами, вместе с которыми немало опубликовали, за что не стыдно, счастлив с друзьями — единомыш-

ленниками своего поколения, из которых многих уже нет с нами, счастливы с коллегами по работе...»

В начале 2001 г. в одном из интервью давно известной ему журналистке Б.А. Грушин говорил об ощущении невостребованности и ненужности того, что он делал, и заметил, что его жизнь была бурной, но не состоявшейся. Затем уточнил: «...состоялась, но не удалась».

Каков твой взгляд на прожитое-сделанное, к кому ты ближе — к Грушину или к Ядову?

ЯГ: Сразу скажу, что я ближе к Б.А. Грушину... А теперь несколько подробнее. Во-первых, по моему мнению, *любая* жизнь страшновата... (Потери близких, неудачи, собственные болезни, собственные глупости, за которые бессмысленно позднее раскаиваться...) Кстати, поэтому я сторонник идеологии *childfree* — незачем детей рожать на их и собственные муки... (Правда, по глупости и наивности не выдержал этого принципа, женившись первый раз в 10-м классе...) Во-вторых, дожив до старости, многократно утверждаю: самое страшное в (страшной) жизни — старость. Объяснять не буду. Молодые не поймут, старые сами знают. В-третьих, в страшном, фашистском (в полном соответствии с 14 критериями фашизма) СССР погублено две трети жизни: за «железным занавесом», без свободы, да и без приличной пищи и одежды... Соответственно, многое не понято, не сделано за мои первые — и очень важные! — 55 лет жизни. Прямо скажем — эти годы угроблены... В-четвертых, сегодняшняя ситуация в РФ (без подробностей)...

Но я не просто пессимист. Я реалист (что сегодня страшнее пессимизма). Поэтому я адекватно оцениваю и радости моей жизни. Прежде всего — счастье быть 58 лет с Наташей. Она — удивительный, необыкновенно прекрасный человек, намного лучше меня, что я выше и пытался показать. Это — счастье № 1 моей жизни. Счастье № 2 — поездки одному и в основном с Наташей по всему миру (еще раз спасибо М. Горбачеву за Свободу и ликвидацию «железного занавеса»). Мы были с Наташей во *всех* странах Европы, кроме Исландии (собирались в 2020 г. и — COVID). Мы были в Японии, Гонконге, Таиланде, а также в ОАЭ и Израиле. Мне, кроме того, удалось побывать в США, Чили, Бразилии, Австралии, Новой Зеландии. И мы не только гуляли, ходили по музеям, плавали в морях-океанах-реках-бассейнах, но и участвовали в работе международных конгрессов, конференций, семинаров, «летних школ» (в Германии). Дружба с зарубежными коллегами, масса иностранной литературы... Конечно, хорошие дети, внуки (от моих первых «ошибок»). Дружба с некоторыми отечественными коллегами.

И два слова о научных «успехах». Позавчера мне доставили из типографии мою «юбилейную» книгу — 700-ю научную публикацию «Криминология и девиантология постмодерна» (2024) [3]. Она посвящена светлой памяти Наташи... По существу, у меня два «достижения». Я, во-первых, впервые в СССР начал изучать девиантность и писать о ней. Первые две статьи — 1971 г., последнее издание моей «Девиантологии» — в 2021 г. [2]. Во-вторых, я первый стал подробно

писать о криминологии *постмодерна*. Моя монография «Криминология постмодерна (неокриминология)» 2021 г. [4] и много статей и глав коллективных монографий. Это, конечно, не мое открытие и изобретение, я только обобщил мировой и отечественный опыт. Большинство российских криминологов категорически это не воспринимают... Только некоторая молодежь и ранее — профессор А.Э. Жалинский.

НО! Все, что мы делаем, не имеет никакого смысла!

Вот на этом единственно верном мнении и заканчиваем. Спасибо, Боря, тебе!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. Телефон: +7 (931) 229-34-70. Электронная почта: yakov.gilinsky@gmail.com

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь. Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

Research Article

YAKOV I. GILINSKY¹, BORIS B. DOKTOROV²

¹ St Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office. 44, Liteiny av., 191014, Saint Petersburg, Russian Federation.

² Independent researcher. Foster City, California, USA.

NEARING HIS 90TH ANNIVERSARY. NOT SO CHEERFUL MEMORIES.

YAKOV GILINSKY ANSWERS BORIS DOKTOROV'S QUESTIONS

Abstract. Strictly speaking this is an anniversary interview with Yakov I. Gilinsky, a renowned Russian sociologist and criminologist who dedicated many years of his life to researching various forms of deviant behavior. But in reality this is me having a discussion with a colleague and a friend who is approaching an important milestone in his life — his 90th birthday. With this being far from our first discussion about his life experience and accomplishments, as ten years ago he spoke about himself in a book titled “Me in the World, the World in me”, and bearing in mind that there are multiple videos on YouTube where he was interviewed, I thought it would be appropriate to avoid going over every stage of Mr. Gilinsky's life and instead suggested we talk about events that transpired within the previous 20 years, leaving the more distant past in the background. Thanks to this key component of the conversation readers can get some insight into the trials and tribulations that his ancestors went through, into his path towards becoming a scientist and his accomplishments in the field, as well as into the happy and most productive years of his life during the perestroika. Readers learn about Mr. Gilinsky's frequent communication with the world's most renowned criminologists, his participation in major scientific conferences, his business trips and travels with his wife — who was always by his side — when they visited many countries in Europe and located on other continents. But aside from that we discuss the dynamics of important global and national macro-political processes, negative tendencies in the development of social sciences in Russia, overwhelming hardship in his own personal life, all of which made our conversation not all that cheerful. That being said, overall Yakov Gilinsky made it in life, his achievements will be relevant for many years to come.

Keywords: sociology; criminology; deviantology; deviant behavior; crime; postmodern criminology.

For citation: Gilinsky, Ya.I., Doktorov, B.Z. Nearing his 90th Anniversary. Not so Cheerful Memories. Yakov Gilinsky Answers Boris Doktorov's Questions. Interview prepared by B.Z. Doktorov. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 163–182. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.8

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yakov I. Gilinsky. — Doctor of Juridical Sciences, Professor, Saint Petersburg's Juridical Institute of the University of General Prosecutor's Office.
Phone: +7 (931) 229-34-70. **Email:** yakov.gilinsky@gmail.com

Boris Z. Doktorov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Independent Researcher. **Email:** bdoktorov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гилинский Я.И. Девиантность в обществе постмодерна. СПб.: Алетейя, 2017. — 222 с.
Gilinsky Ya.I. *Deviantnost' v obshchestve postmoderna*. [Deviance in postmodern society.] St Petersburg: Aleteya publ., 2017. 222 p. (In Russ.)
2. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 4-е изд. СПб.: Алетейя, 2021. — 602 с.
Gilinsky Ya.I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh "otklonenii"*. [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations".] 4th ed. St Petersburg: Aleteya publ., 2021. 602 p. (In Russ.)
3. Гилинский Я.И. Криминология и девиантология постмодерна. СПб.: Алетейя, 2024. — 242 с.
Gilinsky Ya.I. *Kriminologiya i deviantologiya postmoderna*. [Criminology and postmodern deviantology.] St Petersburg: Aleteya publ., 2024. 242 p. (In Russ.)
4. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021. — 136 с. DOI: 10.23681/619692 EDN: JDGQKV
Gilinsky Ya.I. *Kriminologiya postmoderna (neokriminologiya)*. [Postmodern criminology (neocriminology).] St Petersburg: Aleteya publ., 2021. 136 p. DOI: 10.23681/619692 (In Russ.)
5. Гилинский Я.И. Социология насилия. Произвол правоохранительных органов глазами граждан. Нижний Новгород: Комитет против пыток, 2007. — 240 с.
Gilinsky Ya.I. *Sotsiologiya nasiliya. Proizvol pravookhranitel'nykh organov glazami grazhdan*. [Sociology of violence. Arbitrariness of law enforcement agencies through the eyes of citizens.] Nizhnii Novgorod: Komitet protiv pytok publ., 2007. 240 p. (In Russ.)
6. Гилинский Я.И. Уголовная политика и человек // Уголовная политика и правоприменительная практика. Сборник статей по материалам VI Международной научно-практической конференции / Северо-Западный

- филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия». СПб.: Петрополис, 2019. С. 105–111. EDN: ZCNUFV
- Gilinsky Ya.I. The Criminal Policy of the State and a Man. *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel'naya praktika. Sbornik statei po materialam VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Criminal policy and law enforcement practice. Collection of articles based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference.] St Petersburg: Petropolis publ., 2019. P. 105–111. (In Russ.)
7. *Гилинский Я.И.* Я в Мире, Мир во мне. Неоконченные мемуары. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. дом «Алеф-Пресс», 2014. — 293 с.
- Gilinsky Ya.I. *Ya v Mire, Mir vo mne. Neokonchennnye memuary*. [I am in the World, the World is in me. Unfinished memoirs.] 2nd ed. St Petersburg: Izd. Dom “Alef-Press” publ., 2014. 293 p. (In Russ.)
8. *Докторов Б.* Биографии для истории //: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2007. № 1. С. 10–22. EDN: KYSYCB
- Doctorov B. Biographies for history. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2007. No. 1. P. 10–22. (In Russ.)
9. *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Новая криминализация. Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. Екатеринбург: SAPIENTIA, 2020. — 256 с.
- Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. *Novaya kriminalizatsiya. Filosofsko-yuridicheskii putevoditel' po miru prestupnogo i neprestupnogo*. [New criminalization. Philosophical and legal guide to the world of criminal and non-criminal.] Ekaterinburg: SAPIENTIA publ., 2020. 256 p. (In Russ.)
10. *Рыбак А.* Криминология в человеческом измерении: Новая методология. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2020. — 296 с.
- Rybak A. *Kriminologiya v chelovecheskom izmerenii: Novaya metodologiya*. [Criminology in the human dimension: New methodology.] Moscow: Izd. Dom “Yurlitinform”, 2020. 296 p. (In Russ.)
11. Творчество как позитивная девиантность / Под общ. ред. Я.И. Гилинского и Н.А. Исаева. СПб.: Изд. Дом «Алеф-Пресс», 2015. — 279 с.
- Tvorchestvo kak pozitivnaya deviantnost'*. [Creativity as a positive deviance.] Ed. by Ya.I. Gilinsky and N.A. Isaev. St Petersburg: Izd. Dom “Alef-Press” publ., 2015. 279 p. (In Russ.)
12. Я.И. Гилинский: «...Я начинал как чистый “уголовник”» // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2005. № 2. С. 3–12.
- Ya.I. Gilinsky: “...I started out as a pure “criminal””. *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu peterburzhtsev*. 2005. No. 2. P. 3–12. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 06.04.2024; поступила после рецензирования и доработки: 14.05.2024; принята к публикации: 30.05.2024.

Received: 06.04.2024; revised after review: 14.05.2024; accepted for publication: 30.05.2024.

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.9

EDN: WOSYUN

Д. Б. ЛИТВИНЦЕВ¹

¹ Новосибирский государственный технический университет.
630073, Новосибирск, пр-т К. Маркса, д. 20.

ЖИЛИЩНОЙ СОЦИОЛОГИИ БЫТЬ. ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ ПОД РЕДАКЦИЕЙ Б.ДЖ. МАККЕЙБА И Е. РОЗЕН “THE SOCIOLOGY OF HOUSING: HOW HOMES SHAPE OUR SOCIAL LIVES”

Аннотация. Жилищная социология — достаточно современная отрасль, зародившаяся в США в середине XX в. и все более набирающая популярность по всему миру. Однако дискуссии о ней как самостоятельной дисциплине не утихают и по сей день. Издание в 2023 г. книги “The Sociology of Housing” под редакцией социологов — исследователей жилищной сферы Б.Дж. МакКейба и Е. Розен фактически ставит точку в данном споре. Коллективный труд авторов не только раскрывает многообразие вопросов и методов их изучения, к которым обращается жилищная социология, но и демонстрирует проблемы и перспективы развития данной дисциплины, возможности междисциплинарного сотрудничества, особенности социологического воображения и мышления представителей отрасли. Именно на этом и сделан акцент автором настоящей рецензии. Фактически данная книга может рассматриваться как манифест жилищной социологии (по аналогии с манифестом социологии мобильностей Дж. Урри), о чем ее авторы и редакторы скромно умолчали.

Ключевые слова: Б.Дж. МакКейб; Е. Розен; жилищная социология; социология жилища; социология дома; социология проживания.

Для цитирования: Литвинцев Д. Б. Жилищной социологии быть. Обсуждение книги под редакцией Б.Дж. МакКейба и Е. Розен “The Sociology of Housing: How Homes Shape our Social Lives” // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 2. С. 183–191. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.9 EDN: WOSYUN

Книга “The Sociology of Housing” [7], вышедшая под редакцией Брайана Дж. МакКейба и Евы Розен, была издана в Чикагском университете в конце 2023 г. Несмотря на частичный разрыв научных отношений, издательство университета по-прежнему предоставляет воз-

возможность преподавателям и ученым из разных стран, включая Россию, безвозмездно и без особых ограничений получить доступ к электронным версиям издаваемых ими книг. Именно этой возможностью и воспользовался автор настоящей рецензии, заполнив соответствующую форму на сайте издательства. Стоит отметить, что проверка места работы и прочих данных, указанных в форме запроса, заняла не более суток — уже на следующий день издательством была любезно предоставлена ссылка на доступ к электронной версии книги в режиме для чтения.

Прежде чем перейти к обсуждению самой книги, представляющей собой коллективную монографию, целесообразно вкратце упомянуть вклад самих редакторов в развитие жилищной социологии. Б.Дж. МакКейб, доцент кафедры социологии Джорджтаунского университета (Вашингтон, США) — автор десятков научных статей, в том числе по социологии жилища и дома, а также книги “No Place Like Home: Wealth, Community and the Politics of Homeownership”, изданной в Оксфорде еще в 2016 г. В этой книге МакКейб оспаривал расхожее мнение о том, что домовладение — это инструмент для построения «более сильных» сообществ и воспитания «лучших» граждан [4]. Е. Розен — доцент Школы государственной политики МакКорта в Джорджтаунском университете и регулярный соавтор Б.Дж. МакКейба. Среди десятков ее научных публикаций есть немало работ по жилищной социологии, акцент в которых сделан на жилищную политику. В 2020 г. Принстонским университетом издана ее книга “The Voucher Promise: ‘Section 8’ and the Fate of an American Neighborhood”, в которой исследуется связь между безопасным и доступным жильем и социальной мобильностью; преимуществами и препятствиями, связанными с обеспечением жильем бедняков Америки [6].

Книга “The Sociology of Housing” — вероятно, одна из первых¹, позиционирующих себя именно как фундаментальный труд по жилищной социологии. На официальном сайте издательства в разделе рецензий имеются следующие оценки американских профессоров социологии М. Патилло из Северо-Западного университета (Эванстон, штат Иллинойс) и Л. Фримана из Пенсильванского университета (Филадельфия, штат Пенсильвания): «Подобных книг больше не существует, и она будет служить справочным пособием для студентов, преподавателей и практиков на протяжении десятилетий», «Многогранное социальное влияние жилья на общество долгое время упускалось из виду... Эта книга внесет важный вклад в наше понимание того, как жилье вплетено в нашу жизнь». Более того, Б.Дж. МакКейб и Е. Розен так охарактеризовали предназначение своей книги: «Это знаковое издание, которым будут пользоваться как исследователи, так и студенты для идентификации этой растущей области [жилищной социологии]. —

¹ В России в 2022 г. была издана первая монография по жилищной социологии автора настоящей статьи, посвященная исследованию проблем функционирования института общего собрания собственников многоквартирных домов [3].

Д. Л.], определения дальнейших направлений исследований и сосредоточения социологов на междисциплинарных дискуссиях о жилье»².

И с этим сложно не согласиться. С середины прошлого века жилищная социология как самостоятельная дисциплина действительно была преимущественно представлена немногочисленными статьями в научных журналах, главами в монографиях или книгами, делающими акцент на отдельных жилищных вопросах³. Это, впрочем, не мешало социологам применять результаты исследований из других отраслей науки (философии, антропологии, социальной работы и др.) к жилищной/домашней сфере. Например, работу Л. Сериес, в которой обнаружилось любопытное противопоставление домашней и институциональной среды, что позволило переосмыслить дом как социальный феномен [1].

“The Sociology of Housing” — достаточно объемный труд, включающий введение, написанное Б.Дж. МакКейбом и Е. Розен, и 24 главы, подготовленные исследователями из разных университетов США и объединенные в четыре тематических раздела: «Механизмы жилищного неравенства», «Жилищная безопасность и нестабильность», «Жилищные рынки и предложение жилья», «Жилье, расовая сегрегация и неравенство». Подобный «американоцентризм» вызывает некоторое удивление — США не единственная страна, в которой активно развивается жилищная социология⁴. И если отсутствие авторов из России еще можно было бы объяснить, то отсутствие авторов из европейских стран уже вызывает вопросы. География исследований, очерченная разными американскими штатами, предопределила тот круг проблем, о которых писали ученые. Что, однако, не делает книгу безынтересной или малоактуальной для социологов из других стран.

В то же время во «Введении» МакКейб и Розен отмечают, что эта книга представляет собой амбициозную и неотложную повестку дня для современных социологов. Хотя темы, затронутые в ней, не исчерпывают всех исследований жилищной проблематики в рамках данной дисциплины, каждая глава предлагает исследователям и ученым возможность рассмотреть, как жилье формирует социальный мир. Используя обшир-

² The Sociology of Housing. Annotation and Reviews // The University of Chicago Press. — URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/S/bo203893859.html> (дата обращения 27.01.2024).

³ В данном случае нельзя не упомянуть книгу “The Sociology of Housing: Studies at Berinsfield” Р.Н. Морриса и Дж. Моги., первоначально опубликованную в 1964 г. как XIV том серии книг “International Library of Sociology”, основанной в 1940-х гг. К. Мангеймом. В этой работе были представлены результаты исследования Беринсфилда, который изначально представлял собой сельские трущобы, известные как Филд-Фарм в графстве Оксфордшир на юге Англии [5].

⁴ Вероятно, исследователи из США продолжают давнюю, со времен Л. Вирта, традицию развития жилищной социологии именно в стенах американских университетов и непосредственно Чикагской школы социологии, в которых она фактически и зародилась в середине прошлого столетия.

ный социологический инструментарий, книга переосмысливает место жилищных исследований в социологии (р. 11). Это, как бы громко ни звучало, — заявка на новую парадигму, в рамках которой исследователи в анализе социального мира формируют круг проблем, исходя не от индивида и социального действия/взаимодействия, структур и их функций, конфликтов и т. п., а непосредственно от самого жилища/дома.

Примечательно, что книга не имеет классического заключения. Однако каждая глава не только снабжена самостоятельным заключением, но также показывает место конкретной темы в предметном поле дисциплины (жилищной социологии), направления и перспективы ее развития, особенности методологии и т. п. Именно это позволяет рассматривать данную коллективную монографию не просто как сборник социологических исследований по жилищной тематике, а именно как фундаментальный труд по жилищной социологии. В связи с этим мы не будем подробно затрагивать содержательные аспекты глав, а уделим внимание видению социологами дальнейшего развития данной отрасли в контексте их исследований.

Первый раздел «Механизмы жилищного неравенства» включает семь тематических глав: «Жилище как капитал: Политика США, домовладение и расовый разрыв в благосостоянии», «Латиноамериканское домовладение: возможности и проблемы XXI века», «Жилищное неравенство латиноамериканцев: локальный исторический контекст и реляционное формирование сегрегации», «Возрождение приходит в проекты: политика государственного жилищного строительства, раса и реконструкция городов в Балтиморе», «Незаселенная родная земля: взгляды коренных народов на жилищное строительство», «Доступное жилье — это общественное здравоохранение: как арендодатели пытаются сдержать кризис отравления свинцом в Америке», «Аудиторский анализ жилищной дискриминации: существующие, новые и будущие исследования» (р. 15–106).

По мнению исследователей, жилищная социология должна учитывать, что решение, где жить и покупать ли дом, отражает нечто большее, чем предпочтения территории и соседства. Изучение жилья на самом деле является изучением экономической стабильности и богатства поколений (р. 27). В данном случае авторы опираются в большей степени на эконом-социологический подход, что достаточно популярно и среди российских исследователей жилищной сферы. Наиболее перспективной тематикой исследований латиноамериканцев-домовладельцев, которая в целом характерна и для других социально-этнических групп по всему миру, авторы считают: увеличение благосостояния и обеспечение равенства, влияние пандемии на будущие решения о покупке жилья, дискриминация (в т. ч. расовая) в сфере домовладения и кредитования, роль иммиграции и статуса гражданина в решении жилищного вопроса (р. 37–38). При этом исследователи в области жилищной социологии должны изучить структуру жилищного строительства и сегрегацию в более широком масштабе (р. 51). Социологический подход к исследованию жилья также показывает, что оно является ключевым фактором, определяющим здоровье человека. Еще только предстоит изучить, как

экологические риски влияют на жилищные условия, поскольку большая часть жилья, доступного семьям с низкими доходами, может быть неблагоприятной/непригодной для проживания (р. 91).

Жилищная социология как дисциплина должна стать более инклюзивной за счет снятия ограничений на развитие и использование социологического воображения (по Ч.Р. Миллсу), что свойственно мейнстримной социологии, отказывающейся от альтернативных «эпистемологий» (р. 78). В этом плане жилищная социология зачастую применяет междисциплинарный подход — привлекается теоретико-методологический аппарат из философии и антропологии, экономики и управления, права и т. п. Это и позволяет развивать социологическое воображение, не ограничиваясь узким парадигмальным коридором.

Второй раздел «Жилищная безопасность и нестабильность» включает пять тематических глав: «Сосредоточение институциональной жизни выселения», «Промышленное жилье в США⁵: важная доступная жилищная инфраструктура», «Совместное жилье и жилищная нестабильность», «Неформальное жилье в США: различия и неравенство среди сквоттеров⁶ в Детройте», «Жилищная депривация: бездомность и воспроизводство бедности» (р. 109–175).

Авторы подчеркивают, что принятие институциональной точки зрения позволит социологам, исследующим жилищную сферу, справиться с давними методологическими трудностями, присущими изучению социальных проблем с использованием административных данных. Это будет способствовать четкости социологического анализа и возрождению социологических исследований в жилищном секторе (р. 120). Данную позицию стоит воспринимать не как ограничивающую социологическое воображение, о котором шла речь выше, а скорее наоборот — как расширяющую диапазон «эпистемологий».

Для жилищной социологии сегрегация жилья служит призывом к исследованию символических масштабов пространственной маргинализации по типам жилья (арендуемое жилье, неформальное жилье и др.). Оно также служит приглашением к изучению технологий управления — нормативно-правовых актов (постановлений, кодексов землепользования, городских планов и т. п.), — которые социологи слишком часто рассматривают как сферу компетенции градостроителей и практиков (р. 132). С одной стороны, это очередной призыв к изучению формальных институтов, которые социологи, действительно, зачастую игнорируют. С другой стороны, это подкрепляет идею

⁵ Речь идет о мобильных домах, сборка которых осуществляется на заводах. Такие дома впоследствии доставляются на территорию заказчика за счет наличия собственной колесной базы, что и отличает их от других типов индивидуальных домов (например, модульных).

⁶ Сквоттинг — реакция на жилищную антиутопию, характеризующуюся нежелательными, отталкивающими и/или пугающими практиками совместного проживания в современных городах, проявляющаяся в самовольном заселении заброшенных домов и других пустующих зданий [2].

необходимости междисциплинарного, метапарадигмального подхода в жилищной социологии, что демонстрирует и следующая позиция.

Совместное жилье и жилищная нестабильность должны стать одними из ключевых вопросов для исследователей в области жилищной социологии, так как именно они обладают необходимой квалификацией для их решения. Необходимо опираться на фундаментальные исследования ученых, изучающих бедность, урбанистов и демографов, и интегрировать их для продвижения будущих исследований совместного жилья и жилищной нестабильности. Это будет способствовать более целостному подходу, который признает как физические, так и социальные последствия для отдельных лиц и семей (р. 147). Авторы делают акцент на совместном жилье и жилищной нестабильности неслучайно. Коливинги и кохаузинги уже прочно вошли в жизнь современного человека (хотя в России это еще только набирает популярность) [3], а проблема прекарности жилья становится все более освещаемой в научной литературе в последние годы (в том числе как продолжение исследований прекаризации труда и нового класса — прекариата, по Г. Стендингу).

По мере того как жилищная социология расширяется и начинает рассматривать неформальные или «девиантные» способы жилищного строительства, возникает множество вопросов, на которые нужно ответить. Будущие исследования должны использовать уникальные методы, чтобы выявить распространенность различных видов неформального жилья в городской и сельской местности (р. 161). Кроме того, необходимо укрепить связи между социологией жилья и социологией бездомности, чтобы лучше понять процесс предоставления нового жилья и пути выхода из бездомности (р. 175). В данном случае авторы подчеркивают важность как сотрудничества социологических дисциплин, так и разнообразия методов и техник исследования.

Третий раздел «Жилищные рынки и предложение жилья» включает шесть тематических глав: «Предложение жилья как социальный процесс», «Посредники на рынке жилья», «Жилье в контексте упадка соседства», «Уроки “перебоев” в краткосрочной аренде», «Выйдя за рамки “хорошего арендодателя, плохого арендодателя”»: теоретическое исследование эксплуатации в жилищном секторе», «Как мы платим за жилье друг другу» (р. 179–250).

Авторы подчеркивают, какой важный вклад внесли в развитие жилищной социологии исследователи социальных движений, города, а также социальной стратификации и неравенства (р. 188–189). Это не вызывает никаких сомнений. В то же время в жилищной социологии более глубокий акцент может быть сделан и на посредниках на рынке жилья, что позволяет осветить воспроизводство или изменение структурного неравенства. Жилищная мобильность, различия в правах владения жильем между социальными группами и сегрегация отчасти являются результатом работы именно посредников — агентов по недвижимости, жилищных консультантов, адвокатов и т. п. (р. 201). Кроме того, жилищная социология может внести значительный вклад в дискуссию о том, что следует делать с эксплуатацией в жилищном

секторе. Одним из преимуществ этой научной области является то, что она способна подходить к социальным проблемам, используя как радикальные преобразующие идеи, так и практическое поэтапное мышление (р. 237). В этом плане раскрывается не только многообразие жилищных проблем, находящихся в фокусе жилищной социологии, но и особенности нестандартного мышления представителей данной отрасли.

Социологи, изучающие жилье, уже давно уделяют особое внимание соседским отношениям. Можно нарисовать дом как коробку с крышей, но Дом — это нечто большее. Это концепция и порождение закона и культурного воображения, а также центр паутины социальных связей (р. 250). Здесь, с одной стороны, затрагивается достаточно сложный теоретико-методологический вопрос демаркации жилища и дома. С другой стороны, это вопрос о соотношении и взаимодействии жилищной социологии, социологии дома и социологии соседства как смежных дисциплин.

Четвертый раздел «Жилье, расовая сегрегация и неравенство» включает также шесть тематических глав: «Будущее исследований сегрегации: вопросы, проблемы и возможности», «Понимание расовых и этнических различий в жилищной мобильности среди владельцев ваучеров на выбор жилья», «Все в семье: социальные связи и цикл сегрегации», «Полиция, собственность и производство расовой сегрегации», «Контакт с уголовным правосудием и жилищное неравенство», «Жилищный разрыв на глобальном Юге⁷» (р. 254—329).

Авторы отмечают, что существует прекрасная возможность объединить социологов, изучающих жилье, стратификацию, расово-этническую принадлежность и криминологию, для плодотворного сотрудничества в будущих исследованиях (р. 317). В то же время жилищная социология становится тем более глобальной, чем больше она способна проводить различия в жилищной ситуации по всему миру в одних и тех же научно-теоретических рамках (р. 329). Это в очередной раз говорит о необходимости междисциплинарного сотрудничества и постоянного расширения теоретико-методологических оснований жилищной социологии.

Список литературы на 76 страницах, которым снабжена книга, чрезвычайно обширен и охватывает преимущественно статьи в рецензируемых изданиях (что немаловажно, это в большинстве своем социологические и профильные журналы, посвященные жилищным исследованиям и урбанистике), классические и современные монографии за последние несколько десятков лет, а также источники в сети Интернет. Тем не менее можно отметить, что выбор тех или иных источников, очевидно, был связан с географией исследований и заинтересованностью авторов именно в американской жилищной проблематике (за исключением последней главы о глобальном Юге).

⁷ Латинская Америка, Южная Азия, Юго-Восточная Азия и Африка.

Исходя из изложенного выше, издание книги “The Sociology of Housing” под редакцией Б.Дж. МакКейба и Е. Розен — это закономерный шаг в развитии научной карьеры самих ученых, а также бесценный вклад в утверждение и развитие жилищной социологии как состоявшейся отрасли научного знания. Книга будет полезна социологам — как начинающим интересоваться жилищной проблематикой, так и адептам непосредственно жилищной социологии, а также исследователям жилищной сферы, представляющим иные науки, и практикам, занятым в жилищном секторе. Результаты исследований, представленные в книге, могут быть использованы студентами и преподавателями общих и профильных дисциплин, связанных с изучением проблем функционирования города и жилищной сферы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Литвинцев Денис Борисович — кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента, Новосибирский государственный технический университет. **Телефон:** +7 (383) 346-20-45. **Электронная почта:** denlitv@inbox.ru

Review

DENIS B. LITVINTSEV¹

¹ Novosibirsk State Technical University.

20, K. Marx ave., 630073, Novosibirsk, Russian Federation.

HOUSING SOCIOLOGY WILL BECOME A THING. DISCUSSING THE BOOK EDITED BY B.J. MCCABE, E. ROSEN TITLED “THE SOCIOLOGY OF HOUSING: HOW HOMES SHAPE OUR SOCIAL LIVES”

Abstract. Housing sociology is a fairly modern branch of sociology. It originated in the USA in the mid-20th century and continues to gain popularity all around the world. However discussions about its viability as an independent discipline continue to this day. The publication of the book “The Sociology of Housing” in 2023, which was edited by modern sociologists and researchers of the housing industry B.J. McCabe and E. Rosen, actually puts an end to this dispute. The collective work of the authors reveals not only the variety of issues and the methods for studying them that housing sociology addresses, but also demonstrates the problems and prospects for the development of this discipline, the possibilities of interdisciplinary cooperation, and the specifics of sociological imagination and the thought process of people from the industry. This is precisely what the author of this review focuses on. In fact, this book can be considered a manifesto for housing sociology (by analogy with the manifesto of sociology of mobilities by J. Urry), something not mentioned by its authors and editors out of modesty.

Keywords: B.J. McCabe; E. Rosen; housing sociology; sociology of housing; sociology of home; sociology of dwelling.

For citation: Litvintsev, D.B. Housing Sociology will become a Thing. Discussing the Book Edited by B.J. McCabe, E. Rosen Titled “The Sociology of Housing: How Homes Shape our Social Lives”. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 2. P. 183–191. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.2.9

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Denis B. Litvintsev — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor,
Department of Management, Novosibirsk State Technical University.
Phone: +7 (383) 346-20-45. **E-mail:** denlitv@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Литвинцев Д.Б.* Домашний vs Институциональный. Размышления над книгой L. Series “Deprivation of liberty in the shadows of institutions” // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 2. С. 183–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.9 EDN: LSWUJZ
Litvintsev D.B. Household vs Institutional. Reflecting on the Book “Deprivation of Liberty in the Shadows of Institutions” by L. Series. *Sotsiologicheskiiy Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 2. P. 183–191. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.2.9 (In Russ.)
2. *Литвинцев Д.Б.* Жилищная антиутопия в современном обществе: социологический диагноз // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 72. С. 180–189. DOI: 10.17223/1998863X/72/16 EDN: GIVNNK
Litvintsev D.B. Housing dystopia in modern society: a sociological diagnosis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2023. No. 72. P. 180–189. DOI: 10.17223/1998863X/72/16 (In Russ.)
3. *Литвинцев Д.Б.* Жилищная социология. Институт общего собрания собственников многоквартирного дома. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2022. — 200 с. DOI: 10.17212/978-5-7782-4712-3 EDN: VONTQW
Litvintsev D.B. *Zhilishchnaya sotsiologiya. Institut obshchego sobraniya sobstvennikov mnogokvartirnogo doma*. [Housing Sociology. Institute of the General Meeting of Owners of an Apartment Building.] Novosibirsk: NSTU publ., 2022. 200 p. DOI: 10.17212/978-5-7782-4712-3 (In Russ.)
4. McCabe B.J. *No Place Like Home: Wealth, Community and the Politics of Homeownership*. Oxford, UK: Oxford Academic, 2016. xiii+229 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190270452.001.0001
5. Morris R.N., Moge J. *The Sociology of Housing: Studies at Berinsfield*. Abingdon, UK: Routledge, 2013. DOI: 10.4324/9781315007748
6. Rosen E. *The Voucher Promise: “Section 8” and the Fate of an American Neighborhood*. Princeton, USA: Princeton University Press, 2020. 352 p. DOI: 10.2307/j.ctvvb7mns
7. *The Sociology of Housing: How Homes shape Our Social Lives*. Ed. by B.J. McCabe, E. Rosen. Chicago, USA: The University of Chicago Press, 2023. 432 p. DOI: 10.7208/chicago/9780226828527

Статья поступила в редакцию: 27.01.2024; поступила после рецензирования и доработки: 02.02.2024; принята к публикации: 23.04.2024.

Received: 27.01.2024; revised after review: 02.02.2024; accepted for publication: 23.04.2024.

Социологический журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 - 72185 от 24.01.2018

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: П.М. Козырева

Научные редакторы: Л.А. Козлова, А.В. Савченко, Н.В. Андрианова
Оригинал-макет: И.М. Ситдинов

Журнал «Социологический журнал» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется
в международных базах данных Scopus, WoS RSCI, ERIH PLUS, ProQuest

Права на материалы, опубликованные «Социологическим журналом»,
принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть
воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции.
Все права сохраняются.

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 License

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.journal-socjournal.ru>
- на сайте издателя: <https://www.fnisc.ru/Sociologicalmagazine.html>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=8228

Издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес издателя и редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>. Телефон издателя: 8 499 125-00-79
Электронная почта редакции: LarissaKozlova@yandex.ru
Телефон редакции: 8 499 120-82-57

2024. Том 30. № 2. Подписано к печати 28.06.2024.

Формат бумаги 70x100 1/16. Печать офсетная.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» — 86306.

Усл. печ. л. 12. Тираж 150 экз. Цена: Бесплатно. Заказ:

ООО «Галлея-Принт»

Адрес: 111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б